

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2019**

4

Редакционная коллегия:

В.С. Золотарёв – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узнародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
М.А. Боровская – доктор экономических наук, профессор, Министерство науки и высшего образования РФ, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.Ф. Карпова – доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Куцафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – ответственный секретарь журнала, Южный федеральный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 19.12.2019. Выход в свет 23.12.2019.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.

Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 13,75. Тираж 250 экз. Заказ № 7420

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfnu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfnu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Journal was founded in 1972 by Yu.A. Zhdanov

Editorial Committee:

V.S. Zolotarev - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Albekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.Yu. Apryschenko - Doctor of History, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
M.A. Borovskaya - Doctor of Economics, Professor, Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
G.F. Karpova - Doctor of Pedagogy, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
E.A. Shinkarenko - Executive Secretary of the Journal, Southern Federal University, Russia
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders:

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berbekov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Technical University,
Southern Federal University

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, M.S. Shipitko

Signed print 19.12.2019. Publication 23.12.2019.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 13.95. Publ. sign. 13.75. Edition 250 copies. Order number 7420

Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfnu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfnu.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, room 110,
phone: (863) 218-40-00 ext. 11-093; ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,
Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, build. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

© Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Severo-Kavkazskii Region. Social Sciences, 2019

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

IZVESTIYA VYSSHIKH UCHEBNYKH ZAVEDENII. SEVERO-KAVKAZSKII REGION

DOI 10.23683/0321-3056-2019-4

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 4 (204) 2019 г.

Registration certificate
PI No. FS 77 - 76978 dated 10/28/2019,
issued Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 4 (204) 2019

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCES

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Евлоева Ф.Р. Негативные аспекты влияния на человека современных средств массовой информации	4
Кузьменков В.А. Аномия и антинормы в науке: попытка определения.....	9
Рожковский В.Б., Кравцова А.М. Оценка философских идей Фридриха Ницше в русской мысли (Ф. Ницше и Н.Ф. Федоров).....	14
Сарикек Г.Р. Общество комфорта: экзистенциальные аспекты.....	20

Evloeva F.R. The Negative Aspects of Modern Media Influence on Human.....	4
Kuzmenkov V.A. Anomie and Antinorms in Science: an Attempt to Define.....	9
Rozhkovsky V.B., Kravtsova A.M. Evaluation of the Philosophical Ideas of Friedrich Nietzsche in Russian Thought (F. Nietzsche and N.F. Fedorov)...	14
Sarিকেk G.R. Society of Comfort: Existential Aspects.....	20

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

Атапин Е.А. Факторы развития британского евроскептицизма во второй половине XX века.....	25
Исаев Д.П. Семейственность/династийность и практики государственного управления в истории России	30
Карпов Г.А. Специфика африканской миграции в Великобританию колониальной эпохи (XVI – XIX вв.).....	39
Лагошина Н.А. Ирландская колониальная торговля в XVIII веке.....	45
Мануковский Н.Г. Отношение шахтеров Дона к проблеме благоустройства своего жилища и рудничных поселков (вторая половина XIX века).....	52
Мининкова Л.В. Теория вотчинного государства в научно-популярном истолковании.....	58
Мусаева С.М. Национальный вопрос в культурной политике России эпохи перестройки....	64

Atapin E.A. The Factors of Development of British Eurocepticism in the Second Half of the 20th Century.....	25
Isaev D.P. Nepotism/Dynasticity and Practice of Governance in the Russian History.....	30
Karpov G.A. The Specifics of African Migration to Britain of the Colonial Era (16-19th Centuries).....	39
Lagoshina N.A. Irish Colonial Trade in the 18th Century.....	45
Manukovskiy N.G. Attitude of Don Miners to the Problem of Improvement of Their Homes and Mining Villages (the Second Half of the 19th Century).....	52
Mininkova L.V. The Theory of the Patrimonial State in the Popular Science Interpretation.....	58
Musayeva S.M. The National Question in the Cultural Policy of Russia in the Perestroika Era...	64

Пономарева М.А. Пути и методы пропаганды в СССР в 1960-е годы (на примере Ростовской области и Краснодарского края).....	70
Пуховская Н.Е. Эволюция франко-германских противоречий: от Вестфальского до Версальского мирного договора	75
Фиофанова Я.В. Роль профсоюзных организаций в жизни Ростовской области в 1960–1970-е годы.....	86
Щербakov В.Ю. Христианско-социальный союз в XXI веке. Баварские консерваторы на пути к «народной» партии?	91
Макрах Ойеинибийеридей Джой. Nigeria’s Foreign Policy: Involvement in ECOWAS.....	98

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Евченко Н.Н., Насыров Р.М. Импортзамещение российских продовольственных ретейлеров: опыт корпоративного производства торговой сети «Магнит».....	104
Хасанова Р.Р., Середкина Е.А. Влияние семьи на преступность несовершеннолетних: анализ экспертных интервью.....	111

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Наталья Григорьевна Шатравкина.....	116
Вера Васильевна Дашевская.....	116
Инна Александровна Пехтерева.....	117

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки» в 2019 г.	118
--	-----

Ponomareva M.A. Ways and Methods of Propaganda in the USSR in the 1960s (on the Example of Rostov Region and Krasnodar Region).....	70
Pukhovskaya N.E. The Evolution of Franco-German Contradictions Between the Peace of Westphalia and the Treaty of Versailles.....	75
Fiofanova Ya.V. The Role of Trade Union Organizations in the Life of the Rostov Region in 1960-1970.....	86
Shcherbakov V.Yu. Christian Social Union in the 21st Century. Bavarian Conservatives on Their Way to a “People’s” Party?	91
Макрах Ойеинибийеридей Джой. Внешняя политика Нигерии: участие в ЭКОВАС.....	98

ECONOMIC SCIENCES

Yevchenko N.N., Nasyrov R.M. Import Substitution of Russian Food Retailers: Experience of Corporate Production of Trade Network “Mag-net”.....	104
Khasanova R.R., Seredkina E.A. Family as a Factor of Juvenile Delinquency: Analysis of Expert Interviews.....	111

OUR PERSONS

Natalia Grigorievna Shatravkina.....	116
Vera Vasilievna Dashevskaya.....	116
Inna Alexandrovna Pekhtereva.....	117

Index of Materials, published in the Journal “Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Severo-Kavkazskii Region. Social Sciences” in 2019.....	118
--	-----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 101.1:316

DOI 10.23683/0321-3056-2019-4-4-8

НЕГАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ НА ЧЕЛОВЕКА СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

© 2019 г. Ф.Р. Евлоева ^а

^а Ингушский государственный университет, Магас, Россия

THE NEGATIVE ASPECTS OF MODERN MEDIA INFLUENCE ON HUMAN

F.R. Evloeva ^а

^а Ingush State University, Magas, Russia

Евлоева Фатима Рашидовна –
кандидат философских наук, доцент,
Ингушский государственный университет,
пр. И.Б. Зязикова, 7, г. Магас,
Республика Ингушетия, 386001, Россия.
E-mail: evloeva.lm@mail.ru

Fatima R. Evloeva -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Ingush State University,
Zyazikova Ave, 7, Magas,
Republic of Ingushetia, 386001, Russia.
E-mail: evloeva.lm@mail.ru

Анализируются факторы снижения интеллектуального уровня российского общества, что связано наряду с прочим с негативным влиянием средств массовой информации на умы, вкусы, образ жизни людей, особенно молодежи. На современном этапе СМИ стали действенным фактором социального управления в России и в мире в целом. Их небывалая мощь связана главным образом с тем, что они обслуживают интересы национальных и транснациональных финансово-промышленных корпораций, которые щедро оплачивают их деятельность. В результате СМИ нередко распространяют искаженную и даже откровенно лживую информацию. Она нацелена на формирование человека – потребителя, носителя массовой культуры. Для России с ее славной историей и богатой духовной культурой – это совершенно новое и весьма опасное для ее будущего явление.

Выделяются главные аспекты негативного влияния современных СМИ на общество: распространение недоброкачественной информации; пропаганда ложных ценностей и массовой культуры; унификация этнических культур и языков; манипуляция человеком посредством искусно обработанных образов и моделей и др.

Указываются возможные способы ограничения негативного влияния СМИ. Это радикальная реформа системы образования и воспитания, направленная на повышение интеллектуального уровня обучающихся и формирование высоких духовных ценностей; переориентация государственных СМИ на пропаганду социальных, нравственных, гуманистических по содержанию ценностей; создание в обществе условий, обеспечивающих равные возможности для реализации социально значимых жизненных планов людей, и др.

Ключевые слова: средства массовой информации, гуманистические смыслы и ценности, зависимость СМИ от теневой власти финансово-промышленных корпораций, глобальный потребитель, массовая культура, философия гламура, постантропологическая эпоха, гуманистическая модернизация России, качественное изменение системы образования и воспитания в России, переориентация российских СМИ на пропаганду высших духовных ценностей.

The factors of reducing the intellectual level of Russian society are analyzed, which is associated, along with other things, with the negative influence of the media on the minds, tastes, lifestyle of people, especially young people. At the present stage, the media have become an effective factor of social management in Russia and in the world as a whole. Their unprecedented power is mainly due to the fact that they serve the interests of national and transnational financial and industrial corporations, which generously pay for their activities. As a result, the media often disseminates distorted and even frankly false information. It is aimed at the formation of a man - consumer, carrier of mass culture. For Russia, with its glorious history and rich spiritual culture, this is a completely new and very dangerous for its future phenomenon.

The main aspects of the negative impact of modern media on society are highlighted: the distribution of substandard information; propaganda of false values and mass culture; unification of ethnic cultures and languages; manipulation with a help of skillfully crafted images and models, etc.

The possible ways to limit the negative impact of the media are indicated. This is the radical reform of the education and upbringing system, aimed at increasing the intellectual level of students and the formation of high spiritual values; reorientation of state media to the promotion of social, moral, humanistic values; creation of conditions providing equal opportunities for the implementation of socially significant life plans of people in the society, etc.

Keywords: *media, humanistic meanings and values, media dependence from the shadow power of financial and industrial corporations, global consumer, popular culture, glamor philosophy, post-anthropological era, humanistic modernization of Russia, qualitative change in the system of education and upbringing in Russia, reorientation of Russian media to promote the highest spiritual values.*

Многие авторы отмечают, что в российском обществе за последние десятилетия произошло беспрецедентное снижение интеллектуального и культурного уровня. Наблюдается целенаправленное выхолащивание гуманистических смыслов и ценностей из всех сфер общественной и индивидуальной жизни. Особенно интенсивно этот процесс происходит в системе образования и воспитания молодого поколения. И.Н. Сиземская пишет: «...ситуация с наукой и образованием сегодня такова, что иначе, как свидетельством беспрецедентной для нашей истории сознательной деинтеллектуализации общества, ее назвать трудно» [1, с. 15].

Возникшие сначала в сфере материального производства и потребления стандартизация и утилитаризм, жажда наживы любыми способами проникли во все сферы общественной жизни – управление, правоохранительную систему, науку, образование, здравоохранение, сферу общения между людьми, досуг и даже семейные отношения. Немаловажную роль в этих процессах играют средства массовой информации (СМИ) – печать, радио, кинематограф, телевидение, интернет, которые в современном мире стали самостоятельной и влиятельной силой. Они с небывалой активностью, настойчиво и целенаправленно выполняют свою ставшую главной функцию – манипулирования вкусами, наклонностями, потребностями людей в интересах заказчиков – промышленных и финансовых корпораций, государственных структур, церкви, политических партий, которые щедро оплачивают их деятельность. Можно с уверенностью утверждать, что средства массовой информации и массовой культуры стали действенным фактором социального управления [1, с. 16].

Бесспорно, СМИ были и остаются важным и необходимым инструментом организации и развития общества, так как без правдивой, объективной информации нормальное функционирование общества, постановка задач, мобилизация

воли, знаний и трудовых усилий для их решения, особенно в эпоху его вступления в информационную стадию развития, невозможно.

В то же время в современном мире глобализация захватывает и сферу масс-медиа, что является источником многих опасностей, подстерегающих человека. Формируется единое информационное пространство и как следствие единообразие общественного мнения, вкусов, потребностей, ценностей и ценностных ориентаций. СМИ перестали быть надежной и социально ответственной системой, генерирующей объективную и честную информацию о происходящем. В этой сфере все более отчетливо проявляется теневая власть финансово-промышленных корпораций, в том числе транснациональных, которые в невиданных прежде масштабах манипулируют людьми с помощью обработанной информации и массовой культуры.

Массовая культура, которую формирует и контролирует элита, а распространяют в обществе СМИ, превращена ими в механизм формирования новой идентичности глобального потребителя, в которой искусно сочетаются унификация и «изготовленная» мера своеобразия. Экономическая и политическая борьба, происходящая в обществе, становится все в большей мере борьбой информационной, борьбой за сознание. Отсюда стремление ТНК контролировать сбор и распространение информации. Свобода предпринимательства таким образом оборачивается насаждением определенных культурных моделей ради усвоения потребителем именно этих моделей и соответственно роста прибылей.

В условиях серьезных вызовов и опасностей, нависших над человечеством, господствующая идеология капиталистического мира через СМИ навязывает общественному сознанию гламур как особую форму беспроblemной жизни, полной удовольствий и наслаждений. Важной составляющей философии гламура выступает культ потребления. Пробриться к реалиям жизни

через страницы глянцевого журналов, хитроумные сплетения слов, через образцы и модели гламурного образа жизни, с удивительной изобретательностью создаваемые СМИ, невозможно не только для молодежи, не имеющей жизненного опыта, но и для старшего поколения.

Глобализационные процессы, происходящие в системе масс-медиа и в мире в целом, имеют и то последствие, что происходит отмирание многих национальных языков. А.Н. Чумаков пишет: «Весьма вероятно, что до 80 % из существующих сегодня в мире языков уже к концу XXI в. прекратят свое существование...» [2, с. 5].

Исчезновение языка – это всегда большая потеря для общества. Язык – это сокровищница истории и культуры народа, главный показатель его самобытности, эффективный инструмент воспитания подрастающего поколения. Устное народное творчество (легенды, мифы, сказания, сказки, песни, пословицы и др.) является ярким свидетельством уникальности того или иного народа и бесконечного разнообразия этнических культур, определяет неповторимое своеобразие национальной поэзии и художественной литературы. Язык – это хранитель и транслятор духовной культуры от поколения к поколению, от общества к обществу. Будучи утраченным, он не может быть воссоздан из небытия, поэтому сохранение разнообразных языков не менее важно, чем сохранение биологических видов и защита окружающей среды.

Сегодня всеобщий культ денег, богатства, приобретательства – приоритетные ценности в мировом сообществе, неустанно пропагандируемые СМИ. И это вполне закономерно, так как для капиталистического производства и воспроизводства атрибутивным свойством является стремление к умножению прибыли. При этом основные социальные ценности западного мира – правовое государство, политические свободы, гласность, свободный рынок и др. – не следует ставить под сомнение. Однако реальность, которая стоит за ними, – иная, чем, скажем, полвека назад. Она находится под неусыпным контролем не только и не столько государства, сколько транснациональных компаний с их алчностью, эгоизмом и невиданной мощью.

С начала XXI в. на планете произошло более 40 войн, вызванных жадной наживы, питаемой ТНК. Они оборачиваются тысячами смертей ни в чем не повинных людей, а также глобальными экологическими катастрофами: загрязнением рек, озер, морей, почв, атмосферы, уничтожени-

ем флоры и фауны, и др. Мы живем в постантропологическую эпоху, для которой характерен отказ от идеи человека, выступающего масштабом оценки всего сущего [3, 4].

К сожалению, данное умозаключение в значительной мере касается и Российской Федерации, несмотря на ее героическую историю, советское прошлое с его социальной справедливостью и высочайшим уровнем развития духовной культуры, реализуемые государством программы, направленные на повышение уровня жизни малообеспеченных слоев населения, поддержку социально слабозащищенных категорий граждан, на консолидацию и модернизацию общества.

Надо полагать, что исследование российской социологической наукой вопросов повседневной жизни и трудовой деятельности широких масс населения страны, вопросов, связанных с природой социального неравенства, истории и последствий приватизации в России, причин отчуждения человека, произвола бюрократии и народившейся российской буржуазии и открытое, правдивое информирование общества о результатах проведенной исследовательской работы много добавило бы в улучшение социального климата в России, в консолидацию общества, существенно повысило уровень доверия между государством и обществом.

Народные массы в России ожидают и надеются на переориентацию сознания различных групп российской элиты в пользу иного, подерживаемого большинством населения варианта социума с демократическим политическим режимом, действенным гражданским обществом, социально ответственным бизнесом, эффективной правоохранительной системой, уважительным отношением и достойными условиями жизни человека-труженика. В реализацию этих ожиданий свою лепту должны внести и российские средства массовой информации.

«Пришло время общероссийского дискурса, использующего методологию критического гуманизма и нацеленного на достижение национального консенсуса относительно вектора гуманистической модернизации России, на преодоление практик вседозволенного этатизма и укоренение практик реального гуманизма» [5].

На вопрос, какой должна быть Россия, подавляющее большинство ее граждан ответит: обществом доброй разумности и социальной справедливости. Ум, доброта, чувство справедливости укоренены в культурном коде российского общества.

В то же время многочисленные непрекращающиеся факты обмана, мошенничества, изобретения и реализации разнообразных хитроумных схем отъема у доверчивых людей денег, жилья, иной собственности, нередко с применением жестокого насилия, заставляют задуматься: неужели капиталистическая система, утвердившаяся в России, привела к глубокой трансформации ее культурного кода с его гуманистическими ценностями, среди которых уважение достоинства и прав человека, милосердие, взаимопомощь, жизнь по совести и др.?

Приходится констатировать, что в современной России деньги, большие деньги, независимо от того, каким путем они приобретены, являются доминирующей ценностью для большей части молодого поколения россиян, да и не только молодого. Если человек беден, плохо одет, не имеет автомобиля престижной марки, не может позволить себе посещать дорогие клубы, кафе и рестораны, он, как правило, не пользуется влиянием и признанием в окружающей его социальной среде, хуже того, его в глаза и за глаза именуют лузером, неудачником и т.п. При этом его моральный облик и личные качества могут быть достойны всяческой похвалы [6, 7].

Даже на государственных каналах телевидения нередко можно видеть передачи, в которых участники этих передач, богатые и успешные, безнаказанно оскорбляют и унижают бедных, обзывая их нищелюдами.

Для подавляющего большинства представителей старших поколений россиян материальное благосостояние, тем более чрезмерное богатство и роскошь, не являются важными жизненными ценностями. В этом сказывается и жизненный опыт, и воспитание, полученное в Советской России. Но для молодых людей, родившихся и воспитывавшихся в постсоветской, капиталистической России, бедность унижительна, оскорбляет их чувство собственного достоинства, лишает их уверенности в себе, ограничивает возможности для самореализации. К тому же СМИ неустанно изобретают и пропагандируют в молодежную аудиторию образцы богатой, успешной, полной всевозможных радостей и удовольствий жизни. Это большая и важная проблема в нашем обществе, которую необходимо решать. И решать ее надо в первую очередь через качественное изменение общественной системы образования и воспитания, а также посредством переориентации СМИ на пропа-

ганду и воспитание у молодого поколения высоких духовных ценностей [8].

Если воспитание и образование молодежи построены на чтении умных и добрых книг, на глубоком проникновении в их содержание и овладение их лексикой, на умении приобретать разнообразные знания и на этой основе строить свой образ жизни, то очевидно, что это и есть процесс формирования разумной, интеллектуально развитой личности. Вера в мощь разума и в его определяющую роль в жизни человека резко ослабла вместе с концом книжной культуры и кризисом классической системы образования. На его месте утвердился инстинкт самосохранения, выживания, обретения и умножения собственности, активно поддерживаемый СМИ, особенно интернетом. Конечно, человек не перестает существовать, когда он не читает классическую литературу и не слушает лекции профессоров. Но это другой человек. На смену доброму и разумному существу приходит человек, манипулирующий не только вещами, но и тем, что раньше считалось судьбой: семья, любовь, уважение, честь, достоинство, родной город, родина. Является ли он при этом свободным и счастливым – вот в чем вопрос [9–11].

Школьное и вузовское образование и воспитание в постсоветской России претерпело разительные изменения, которые, как это ни странно, не только не улучшили, а резко ухудшили их качество. Не вдаваясь в подробности, отметим, что оно не нацелено на формирование человека-гражданина, патриота своей страны, труженика, человека чести и достоинства. Эти ценности не являются приоритетными и в деятельности масс-медиа. Российское государство, уделяя большое внимание материальному и финансовому обеспечению системы дошкольного, школьного и вузовского образования, недостаточно заботится о содержании этого образования, о воспитательной его составляющей, что куда важнее материальной стороны.

Важнейшая задача государства – это воспитание молодого поколения в духе высоких гуманистических норм и ценностей. Без ее решения будущее нашей любимой страны непредсказуемо. Возможности для организации такой работы имеются, они весьма многообразны. Требуется только желание и воля ответственных органов власти и общественных структур. К примеру, трансляция лучших советских кинофильмов и выпуск соответствующей им новой кинопродукции; систематическое проведение на

телевидении передач по темам, живо интересующих молодежь; глубокое изучение в школах и в вузах славной истории России, ее литературы, поэзии, искусства, заключающих в себе огромный гуманистический потенциал; создание в обществе равных возможностей для реализации молодыми российскими гражданами своих жизненных планов и др.

Литература

1. Сиземская И.Н. Есть ли угроза охлократии для современного общества? // *Философские науки*. 2011. № 5. С. 8–21.
2. Чумаков А.Н. Язык как средство коммуникации и решения проблем в глобальном мире // *Вопросы философии*. 2015. № 12. С. 5–14.
3. Дубровский Д.И. К вопросу о глобальном будущем и трансгуманистической эволюции // *Вопросы философии*. 2015. № 3. С. 214–222.
4. Марков Б.В. Образ человека в постантропологическую эпоху // *Вопросы философии*. 2011. № 2. С. 23–33.
5. Алексеева И.Ю., Алексеев А.П. Какой посткапитализм нужен России? // *Вопросы философии*. 2014. № 10. С. 14–24.
6. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Какая модернизация и какой капитализм нужны России? // *Вопросы философии*. 2013. № 10. С. 3–12.
7. Терещенко Е.В. Почему в современной России не популярна поэзия, или Ценностные основания гуманитарного кризиса в современном мире // *Вопросы философии*. 2013. № 8. С. 85–92.
8. Латин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии // *Вопросы философии*. 2015. Ч. 2, № 6. С. 3–17.
9. Гезалов А.А. Глобализация и мировоззрение // *Вопросы философии*. 2012. № 7. С. 167–169.
10. Миронов В.В. Процессы трансформации культуры в глобализующемся мире: коммуникационный вектор // *Вестн. МГУ. Серия 7: Философия*. 2010. № 3. С. 3–25.
11. Федотова В.Г. Единство и многообразие культур в условиях глобализации // *Вопросы философии*. 2011. № 9. С. 45–53.

References

1. Sizemskaya I.N. Est' li ugroza okhlokratii dlya sovremennoogo obshchestva? [Is There a Threat of Ochlocracy for Modern Society?]. *Filosofskie nauki*. 2011, No. 5, pp. 8-21.
2. Chumakov A.N. Yazyk kak sredstvo kommunikatsii i resheniya problem v global'nom mire [Language as a Means of Communication and Problem Solving in the Global World]. *Voprosy filosofii*. 2015, No. 12, pp. 5-14.
3. Dubrovskii D.I. K voprosu o global'nom budushchem i transgumanisticheskoi evolyutsii [On the Issue of Global Future and Transhumanist Evolution]. *Voprosy filosofii*. 2015, No. 3, pp. 214-222.
4. Markov B.V. Obraz cheloveka v postantropologicheskuyu epokhu [The Image of Man in the Post-anthropological Era]. *Voprosy filosofii*. 2011, No. 2, pp. 23-33.
5. Alekseeva I.Yu., Alekseev A.P. Kakoi postkapitalizm nuzhen Rossii? [What Post-capitalism does Russia Need?]. *Voprosy filosofii*. 2014, No. 10, pp. 14-24.
6. Fedotova V.G., Kolpakov V.A., Fedotova N.N. Kakaya modernizatsiya i kakoi kapitalizm nuzhny Rossii? [What Modernization and What Capitalism do Russia Need?]. *Voprosy filosofii*. 2013, No. 10, pp. 3-12.
7. Tereshchenko E.V. Pochemu v sovremennoi Rossii ne populyarna poeziya, ili Tsennostnye osnovaniya gumanitarnogo krizisa v sovremennom mire [Why Poetry is not Popular in Modern Russia, or the Value Foundations of the Humanitarian Crisis in the Modern World]. *Voprosy filosofii*. 2013, No. 8, pp. 85-92.
8. Lapin N.I. Fundamental'nye tsennosti tsivilizatsionnogo vybora v XXI stoletii [Fundamental Values of Civilizational Choice in the 21st Century]. *Voprosy filosofii*. 2015, part 2, No. 6, pp. 3-17.
9. Gezalov A.A. Globalizatsiya i mirovozzrenie [Globalization and Worldview]. *Voprosy filosofii*. 2012, No. 7, pp. 167-169.
10. Mironov V.V. Protsessy transformatsii kul'tury v globalizuyushchemsya mire: kommunikatsionnyi vektor [Cultural Transformation Processes in a Globalizing World: Communication Vector]. *Vestn. MGU. Seriya 7: Filosofiya*. 2010, No. 3, pp. 3-25.
11. Fedotova V.G. Edinstvo i mnogoobrazie kul'tur v usloviyakh globalizatsii [The Unity and Diversity of Cultures in the Context of Globalization]. *Voprosy filosofii*. 2011, No. 9, pp. 45-53.

УДК 130.2 + 001.95

DOI 10.23683/0321-3056-2019-4-9-13

АНОМИЯ И АНТИНОРМЫ В НАУКЕ: ПОПЫТКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ

© 2019 г. В.А. Кузьменков^а

^а Орловский юридический институт Министерства внутренних дел РФ
имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия

ANOMIE AND ANTINORMS IN SCIENCE: AN ATTEMPT TO DEFINE

V.A. Kuzmenkov^а

^а Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior, Russian Federation,
Orel, Russia

Кузьменков Владимир Александрович –
кандидат философских наук, преподаватель,
кафедра социально-философских дисциплин,
Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел РФ
имени В.В. Лукьянова,
ул. Игнатова, 2, Орёл, 302025, Россия.
E-mail: vakuzmenkov@gmail.com

Vladimir A. Kuzmenkov -
Candidate of Philosophy, Lecturer,
Department of Social and Philosophical Disciplines,
Lukyanov Orel Law Institute
of the Ministry of the Interior,
Russian Federation,
Ignatova St., 2, Orel, 302025, Russia.
E-mail: vakuzmenkov@gmail.com

Рассматривается вопрос аномии в науке. Автор обращается к концепции шести научных ценностей американского социолога Р. Мертона. Её критики Р. Богуслав, И. Митрофф, А. Кон, С. Фуллер обратили внимание на господство в науке антинорм, противоречащих тем принципам, которые выдвинул Р. Мертон. На основе их идей выделяются антинормы, существующие в науке. К наиболее распространённым относятся плагиат, ложное авторство, ограничение доступа к научным публикациям, фабрикация и фальсификация данных исследований, фальсификация учёных степеней и званий, формальность процедуры защиты диссертации и т. д. Антиномы способствуют развитию науки. Во-первых, они стимулируют проверку знаний и отказ от ложных теорий; во-вторых, борьба с антинормами позволяет выработать новые методологические, методические и этические принципы деятельности. Аномия в науке понимается как смещение целей научного творчества с решения общественных проблем на партикулярные интересы при преобладании аморальных и незаконных поступков в научной деятельности.

Ключевые слова: аномия, антинормы, диссертация, Мертон, наука, фальсификация, ценности.

The article considers the issue of anomie in science. The author refers to the concept of six scientific values of the American sociologist R. Merton. Her critics R. Boguslav, I. Mitroff, A. Kon, S. Fuller drew attention to the dominance in science of antinorms, which contradict the principles that R. Merton emphasized. Based on their ideas, the antinorms that exist in science are highlighted. The most common include plagiarism, false authorship, restriction of access to scientific publications, fabrication and falsification of research data, falsification of academic degrees and titles, the formality of the procedure for defending a dissertation, etc. Antinorms contribute to the development of science. First, they stimulate knowledge testing and rejection of false theories; secondly, the fight against anti-norms allows us to develop new methodological and ethical principles of activity. Anomie in science is understood as a shift in the goals of scientific creativity from solving social problems to particular interests with the predominance of immoral and illegal acts in scientific activity.

Keywords: anomie, antinorms, dissertation, Merton, science, falsification, values.

В современности всё большее значение уделяется моральной составляющей науки, в частности, вопросам соотношения ценностей и целей науки и нравственности, нормативного этоса науки, этического регулирования различных видов научной деятельности. Нравственный долг по отношению к науке значит, что нужно

следовать тем нормам, которые содействуют исполнению назначения науки наилучшим образом, ставя на первое место общечеловеческие ценности, если они вступают в конфликт с целями науки.

Безусловно, так бывает далеко не всегда. Часто встречается прямое нарушение научных

норм (в общем виде норму можно определить как установленный эталон, стандарт для оценки существующих и создания новых объектов). Ситуация, когда нарушений становится больше, чем нормативных поступков, называется аномией. Это игнорирование или нарушение закона, отсутствие моральных норм в обществе, личное состояние изоляции и беспокойства, вызванное отсутствием социального контроля и регулирования. При аномии в обществе начинают доминировать антинормы, как правило, выражающие локальные интересы в ущерб общим, обесценивающие нравственное достоинство какой-либо деятельности или человека. В данной статье мы постараемся дать краткий обзор основных научных норм и антинорм, а также наметить контуры такого явления, как аномия в науке. Вначале рассмотрим категорию нормативности в науке, а затем – её противоположность.

Самое известное исследование научных ценностей и норм провёл американский социолог Р. Мертон. Он выдвинул четыре принципа (императива) этоса науки, которые в зарубежной литературе часто обозначаются как CUDOS (C – Communism, U – Universalism, D – Disinterestedness, OS – Organised Scepticism) [1].

1. «Коммунизм» («обобщественность», «общедоступность») – требование относиться к результатам исследований как к достоянию всего научного сообщества, к «общему наследию», поскольку они произведены совместными усилиями.

2. Универсализм – убеждение в необходимости оценивать научные результаты вне зависимости от социального статуса авторов.

3. Незаинтересованность, беспристрастность – требование признавать достоверность положений, подтвержденных фактами и рассуждениями, даже если эти положения противоречат тем, которых учёный придерживался ранее.

4. Организованный скептицизм – это требование критически относиться и к собственным, и к чужим научным результатам.

В 1957 г. Р. Мертон добавил ещё две нормы – оригинальность (originality) и скромность (humility) (т. н. CUDOS + OH).

Одно из первых серьёзных возражений Р. Мертону предложил американский социолог Р. Богуслав. Он критикует понятие «научное сообщество», подчёркивая территориальную и идейную обособленность научных организаций друг от друга. Исследователи делятся на профессионалистов и дисциплинаристов. Первые

заняты качественным выполнением поставленной задачи и безразлично относятся к последствиям использования своих разработок на практике. Вторые уделяют наибольшее внимание этике, т. е. тому, как его разработки применяются на деле. Учёный предложил собственную типологию антинорм науки [2, р. 59–60]:

1. Партикуляризм – признание заслуг какой-либо исследовательской группы абсолютно необходимо, поскольку сопровождается получением вознаграждения. Без признания и материальной поддержки группа существовать не может, поэтому частные интересы выше всеобщих.

2. Скупость, монополия на знание, мизеризм – в условиях конкуренции недопустимо делиться разработками с иными научными коллективами, поскольку это может подорвать социально-экономическое положение группы. Поэтому «научный шпионаж» – обычная практика.

3. Заинтересованность – нацеленность на получение вознаграждения.

4. Организованный догматизм – все удачные открытия принадлежат «нам», все ошибки – «чужим».

Р. Богуслав считает, что нормы научного этоса не несут большой значимости для повседневного поведения учёного. Рано или поздно перед исследователем встанет вопрос: замкнуться в узком кругу своего коллектива и защищать его ценности или стать менеджером, администратором и быть безразличным к источникам получения выгоды. Именно от «учёных-администраторов» и происходит большинство деструктивных явлений в науке: плагиат, фальсификации, мошенничество, и др. Таким образом, стремление к получению выгоды стимулирует нарушение научных норм.

Его идеи развил американский теоретик менеджмента И. Митрофф. В противовес Р. Мертону он описал теньевые антинормы науки, противоположные её официальным нормам [3]:

1) вера в моральную добродетель не только рациональности, но и иррациональности – учёным движет не только логика, но и пристрастие к защите собственных идеалов, даже когда они рационально опровержимы;

2) эмоциональная вовлечённость – она необходима как любовь к своему делу, чувство ответственности за результат;

3) партикуляризм – И. Митрофф подразумевает под ним, в отличие от Р. Богуслава, персонализированный характер науки, неизбежность

учёта индивидуальных качеств исследователя при оценке итогов его работы;

4) уединенность, секретность, стремление учёного обрести право собственности на произведённое им научное знание;

5) заинтересованность – то же, что у Р. Богуслава;

6) организованный догматизм – учёный верит в истинность собственных результатов и ошибочность чужих. Это позволяет ему критиковать чужие разработки и тем самым двигать науку вперёд.

По данным исследования (середина 1980-х гг.) американского социолога А. Кона, нарушение норм – обычное дело среди профессиональных учёных и оно обычно принимает четыре формы [4]: 1) подлог – прямая фальсификация; 2) приукрашивание; 3) стряпня – включение данных, подтверждающих идею исследования и исключение всех иных данных; 4) создание иллюзии о строгом соблюдении норм.

Он также приводит доказательства того, что крупнейшие учёные Нового времени – И. Ньютон, И. Кеплер, Г. Галилей и др. – подделывали научные данные. Тем же занимались «отец генетики» Г. Мендель и английский психолог С. Барт.

Американский философ и социолог С. Фуллер, используя ироничное описание науки, якобы созданное посетившими Землю марсианами, выделил альтернативные, или «земные», антинормы, реально движущие наукой [5]:

1) культурный империализм – доминирование англоамериканских научных журналов, ссылок на них, методологий исследований и т. д.;

2) мафиозность – наличие научных «авторитетов», «боссов», «привратников» с которыми абсолютно необходимо поддерживать хорошие отношения;

3) оппортунизм – отсутствие интереса к последствиям использования результатов исследования;

4) коллективная безответственность.

Таким образом, концепция Р. Мертона стимулировала многочисленные исследования, в которых был сделан акцент на выделение антинорм. Постараемся «перекинуть мостик» от теоретических исследований к практическому положению дел и выделить основные виды нарушения научных норм или, как их можно назвать, аномические практики – действия, нарушающие нормативный порядок.

Прежде всего к ним следует отнести плагиат – заимствование чужих произведений или идей без цитирования. Он был известен ещё древним грекам, считается, что в особенности от него пострадали пифагорейцы [6, с. 82]. Частным случаем является самоплагиат, нередко приводящий к «множественной публикации». Обе эти антинормы нарушают ценность оригинальности и свидетельствуют о чрезмерной эмоциональной вовлечённости.

Другая антинорма – ложное авторство и нарушение порядка последовательности авторов. Чаще всего это происходит при ситуации «ритуального авторства», когда некое лицо (или несколько лиц) в силу своего высокого организационного или научного статуса включаются в число авторов работы, к которой они никакого отношения не имели. Здесь, фактически, проявляется феномен отчуждения интеллектуального труда.

Ещё одним этическим проступком считается умышленное замалчивание работ определённого автора, этот приём применяется как метод дискриминации. Оправданием служат доводы, что процитированная работа представлена не на том языке (например, не на английском) или опубликована в малоизвестном журнале. И здесь, и в случае с ритуальным авторством работают антинормы авторитаризма / заинтересованности, культурного империализма и мафиозности.

Коммерциализация науки привела к становлению ещё двух антинорм. Во-первых, это ограниченный доступ к определённым публикациям по условиям редакционной политики. За это критикуют издательского гиганта «Elsevier», контролирующего базу данных Scopus, а также издательства «Springer» и «Wiley». Они фактически наживаются на учёных и вузах, присваивая себе права на их работы и закрывая неоплачиваемый доступ к ним. Дело в том, что для получения грантов или каких-либо иных мер финансовой поддержки или карьерного продвижения учёным необходимо публиковаться и цитироваться в ведущих научных базах данных. Так, норма публичности научных результатов быстро превращается в антинормы мафиозности, локальности и секретности.

Одной из наиболее опасных антинорм науки, граничащей с нарушением законодательства, является фабрикация и фальсификация данных – полная подделка, частичное изменение или замалчивание определённых данных или резуль-

татов исследования с их последующим опубликованием. Эта аномическая практика полностью противоречит всем мертоновским ценностям науки, хотя встречается у таких классиков, как И. Ньютон, И. Кеплер, Г. Галилей, Г. Мендель, Э. Геккель, З. Фрейд и др.

Логическим продолжением является широко пустившая корни фальсификация учёных степеней и званий. О масштабах данной деятельности можно узнать в ряде источников [7–9].

Процесс подготовки и защиты диссертации также связан с рядом антинорм, противоречащих почти всем мертоновским принципам науки. Это, например, правило не критиковать слишком сильно «своих диссертантов», оппонирование и рецензирование «по дружбе» – нередко вообще без прочтения работы, равнодушие к самой процедуре защиты у некоторых членов диссертационного совета и т. д.

Здесь, конечно, возникает обоснованный вопрос о том, движут ли эти антинормы науку вперёд или нет. Безусловно, преобладающая честность позволила бы и самим учёным быть моральным образцом в обществе, и сильно упростила бы их профессиональную деятельность. Однако эта идеальная ситуация вряд ли достижима. Антинормы, как представляется, тоже способствуют прогрессу. Во-первых, они стимулируют проверку знаний и отказ от ложных теорий, хотя стоит признать, что данные проверки требуют существенных затрат времени, сил и финансов. Во-вторых, борьба с антинормами позволяет выработать новые методологические, методические и этические принципы деятельности. Так, чтобы предотвратить «кризис воспроизводимости» результатов научных исследований и избежать научных скандалов, Лондонское королевское общество в 2019 г. приняло решение изменить правила публикации научных статей. Под «кризисом воспроизводимости» подразумевают ситуацию, когда значительный объём исследований невозможно повторить и получить аналогичные результаты по описанной авторами методике. Об этом в 2015 г. стал говорить психолог Б. Нозек, который после «дела Штапеля» (нидерландского псевдопсихолога, фабриковавшего свои разработки) смог воспроизвести меньше половины из сотни исследований в области психологии [10].

Как представляется, значительная опасность исходит не только от фальшивых диссертаций или невозпроизводимых исследований. Своего рода аномическим мировоззрением учёных ста-

новится идеология «Publish or Perish» (публикуй или проиграешь), требующее максимизировать число публикаций ради получения научных выгод. Эта идеология основана на перманентном наращивании индексов цитирования для учёных или журналов, что может быть названо квантофренией – заикленностью на наукометрических показателях. Эта установка дискредитирует саму идею научного творчества как обстоятельного и детального исследования, сводя её к публикационной инфляции – бесконечному умножению статей, монографий и пр. Как отмечает Дж. Ритцер, «учёный, который пишет немного, но высококачественных работ, может быть плохо оценен этой системой ранжирования. И наоборот, тот, кто производит множество посредственных работ, получит гораздо более высокий балл. Подобная система привела некоторых социологов (да и ученых в иных областях знания) к заключению, что они не могут себе позволить такой роскоши, как обдумывать целый год одну работу, потому что это скажется на их ранге. Любая система, которая уделяет такое внимание количеству публикаций, приведет к производству множества посредственных работ» (цит по: [11, с. 184]).

Таким образом, аномия в науке – это смещение целей научного творчества с решения общественных проблем на партикулярные интересы при господстве аморальных и незаконных поступков в ходе осуществления научной деятельности. Это отдаление науки от социума, утрата её влияния как социального института и конструктивного знания, превращение учёных в касту специалистов, заинтересованных только в решении собственных проблем.

Литература

1. Мертон Р. Наука и демократическая социальная структура // Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ Хранитель, 2006. С. 767–782.
2. Boguslaw R. Values in the research society // The Research Society. New York : Gordon and Breach, 1968. P. 51–66.
3. Mitroff I.I. The subjective side of science: A philosophical inquiry into the psychology of the Apollo moon scientists. Elsevier Scientific Pub. Co., 1974. 345 p.
4. Kohn A. False prophets: Fraud and error in science and medicine. New York : Basil Blackwell, 1986. 226 p.
5. Erno-Kjølhed E. Scientific norms as (dis)integrators of scientists? // MPP Working Paper. 2000. № 14. P. 45–53.

6. Матвейчев О.А. Платон как плагиатор // Миссия конфессий. 2018. Т. 7, № 1 (28). С. 71–83.

7. Авдеева Н.В., Блинова Т.А., Груздев И.А. Обнаружение заимствований в научных документах на опыте российской государственной библиотеки // Russian Digital Libraries Journal. 2017. Vol. 20, № 5. С. 285–297.

8. Соколов М.М. Норма научного плагиата // N+1. URL: <https://nplus1.ru/blog/2019/05/28/a-lot-of-plagiarism> (дата обращения: 30.08.2019).

9. Структура, объем и ключевые игроки диссеродельной индустрии в России : доклад «Диссернета» // Диссернет. URL: https://www.dissernet.org/publications/struktura_disserodelnoy_industrii.htm (дата обращения: 21.09.2019).

10. Не повторяется такое иногда // N+1. URL: <https://nplus1.ru/material/2015/09/08/psycrisis> (дата обращения: 11.09.2019).

11. Кулешова А.В., Подвойский Д.Г. Парадоксы публикационной активности в поле современной российской науки: генезис, диагноз, тренды // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 169–210.

References

1. Merton R. [Science and the Democratic Social Structure]. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Moscow: AST Khranitel', 2006, pp. 767-782.

2. Boguslaw R. Values in the research society. *The Research Society*. New York: Gordon and Breach, 1968, pp. 51-66.

3. Mitroff I. I. *The subjective side of science: A philosophical inquiry into the psychology of the Apollo moon scientists*. Elsevier Scientific Pub. Co., 1974, 345 p.

4. Kohn A. *False prophets: Fraud and error in science and medicine*. New York: Basil Blackwell, 1986, 226 p.

5. Ernø-Kjølhede E. Scientific norms as (dis)integrators of scientists? *MPP Working Paper*. 2000, No. 14, pp. 45-53.

6. Matveichev O.A. Platon kak plagiator [Plato as a Plagiarist]. *Missiya konfessii*. 2018, vol. 7, No. 1 (28), pp. 71-83.

7. Avdeeva N.V., Blinova T.A., Gruzdev I.A. Obnaruzhenie zaimstvovaniy v nauchnykh dokumentakh na opyte rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [Revealing Plagiarisms in Research Documents. From the Experience of the Russian State Library]. *Russian Digital Libraries Journal*. 2017, vol. 20, No. 5, pp. 285-297.

8. Sokolov M. M. Norma nauchnogo plagiata [The Rate of Scientific Plagiarism]. *N+1*. Available at: <https://nplus1.ru/blog/2019/05/28/a-lot-of-plagiarism> (accessed 30.08.2019).

9. Struktura, ob'em i klyuchevye igroki disserodel'noi industrii v Rossii [Structure, Scope and Key Players of the Dissertation Industry in Russia]. Dissernet Report. *Dissernet*. Available at: https://www.dissernet.org/publications/struktura_disserodelnoy_industrii.htm (accessed 21.09.2019).

10. Ne povtoryaetsya takoe inogda [This is not Repeated Sometimes]. *N+1*. Available at: <https://nplus1.ru/material/2015/09/08/psycrisis> (accessed 11.09.2019).

11. Kuleshova A.V., Podvoiskii D.G. Paradoкsy publikatsionnoi aktivnosti v pole sovremennoi rossiiskoi nauki: genезis, diagnoz, trendy [Paradoxes of Publication Activity in the Field of Contemporary Russian Science: Genesis, Diagnosis, Trends]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2018, No. 4, pp. 169-210.

ОЦЕНКА ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ ФРИДРИХА НИЦШЕ В РУССКОЙ МЫСЛИ (Ф. НИЦШЕ И Н.Ф. ФЕДОРОВ)

© 2019 г. В.Б. Рожковский^а, А.М. Кравцова^а

^а Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

EVALUATION OF THE PHILOSOPHICAL IDEAS OF FRIEDRICH NIETZSCHE IN RUSSIAN THOUGHT (F. NIETZSCHE AND N.F. FEDOROV)

V.B. Rozhkovsky^а, A.M. Kravtsova^а

^а Rostov Law Institute, Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

Рожковский Виталий Борисович –
доктор философских наук, доцент, профессор,
кафедра гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Ростовский юридический институт
МВД России,
ул. Ерёмченко, 83, г. Ростов-на-Дону,
344015, Россия.
E-mail: v-rozkovskiy@mail.ru

Vitaly B. Rozhkovsky -
Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor,
Department of Humanities
and Socio-Economic Disciplines,
Rostov Law Institute,
Ministry of Internal Affairs of Russia,
Eremenko St., 83, Rostov-on-Don,
344015, Russia.
E-mail: v-rozkovskiy@mail.ru

Кравцова Анастасия Михайловна –
преподаватель,
кафедра иностранных языков,
Ростовский юридический институт
МВД России,
ул. Ерёмченко, 83, г. Ростов-на-Дону,
344015, Россия

Anastasia M. Kravtsova -
Lecturer,
Department of Foreign Languages,
Rostov Law Institute,
Ministry of Internal Affairs of Russia,
Eremenko St., 83, Rostov-on-Don,
344015, Russia

Рассматриваются основные идеи философии жизни Ф. Ницше и их критическая оценка в русской мысли на примере философии Н.Ф. Федорова. Сравнительный анализ идей двух мыслителей показывает, что, несмотря на то, что оба проповедовали пафос творческой активности и совершенствования человеческой личности, в критической оценке Н.Ф. Федорова философии немецкого мыслителя наиболее существенным и актуальным стал вопрос о смерти и воскрешении как основе «общего дела» и одновременно высшей христианской ценности. Если Ф. Ницше обратил свою критику и против христианской религии, то для Н.Ф. Федорова последняя только и могла поставить создающий общество идеал Дела.

Ключевые слова: Ф. Ницше, Н.Ф. Федоров, философия жизни, Сверхчеловек, русская философия, философия Общего Дела, христианство, воскрешение.

The article considers the main ideas of Nietzsche's philosophy of life and their critical assessment in Russian thought, on the example of N. F. Fedorov's philosophy. A comparative analysis of the ideas of the two thinkers shows, that despite the fact that both preached the pathos of creative activity and improvement of the human person, in a critical assessment of N. F. Fedorov's philosophy of the German thinker as the most important and urgent issue there was the question of death and resurrection as the basis of "common cause" and also the highest Christian values. If F. Nietzsche turned his criticism against the Christian religion, then for N. F. Fedorov, the latter could only put the ideal of the cause, which creates society.

Keywords: F. Nietzsche, N.F. Fedorov, philosophy of life, Superman, Russian philosophy, philosophy of the Common Cause, Christianity, resurrection.

Философское творчество Ф. Ницше мало походило на традиционное для западноевропейской мысли создание отвлеченных систем (подобное, например, И. Канту или Г. Гегелю). Оно было скорее каким-то криком души, экзистенциальным всполохом в ночи чуждой жизни, не

до конца выразимым в созданных произведениях. Во многом крик души Ницше родился из почти постоянно мучившей его тяжелой болезни, заставившей рано отказаться от преподавательской деятельности и вести одинокую, почти аскетическую жизнь, в конце концов приведшую его к безумию. «Я сделал из моей воли к здоровью, к жизни, мою философию... инстинкт самовосстановления воспретил мне философию нищеты и уныния», – не скрывал он сам источника своего философствования «вопреки» [1, с. 179]. Будучи мучеником тяжелой болезни, Ницше выковывает себя в своей афористической мысли идеологом «великого здоровья». Он переносит всю силу своей личной притяженности к природе, ее могущественным жизненным силам, воспевая ради нее безбрежность и необузданность инстинктов и желаний. Одновременно он «сводит счеты» с христианским Богом: за что Он его так «отметил» болезнью? Вся философия Ницше развивается как напряженно-волевое усилие соделать из болезни нечто обратное тому, что она от него ждет и заодно поквитаться с христианством за его призыв к смирению, состраданию, желанию избавления от греховных страстей и поиску личного спасения. Гимн жизни с ее безразлично-жестокими силами, страстями и дерзаниями, безумной игрой, господством над слабым, трагедией соделал Ницше «философом жизни». Во имя «жизни» Ницше беспрестанно критиковал в своих произведениях современное ему европейское общество.

В истории философии принято различать три периода философского творчества Ницше [2, с. 11]: 1. Период увлечения идеями А. Шопенгауэра и музыканта Р. Вагнера. 2. Период позитивизма (отрицание метафизики, перелом в его мировоззрении); 3). Период собственно ницшеанский (период «заратустризма»). Последовательно рассмотрим «узловые пункты» становления философствования Ницше согласно этой периодизации, выделим главнейшие его идеи и их оценку в последующем на примере философии русского мыслителя Н. Федорова [3].

Впервые Ницше сделался известным в области европейской мысли благодаря своему оригинальному труду, посвященному античной культуре («Об аполлоническом и дионисийском начале...»). Античность всегда рассматривалась как источник европейской культуры. Ницше же впервые выступил против рационального образа античности как некоего лаконичного и гармоничного общества (мудрых и благополучных

людей, живущих гладко, ходящих по площадям и размышляющих о том, что такое хорошо и что такое плохо). В этом обществе властвовали божества гармонии и разума (например, Аполлон), появились философия, демократия и т.д. Согласно Ницше, эта рациональность покрывала более могучую силу – «мистерии» древних греков. Некоторые «мистерии» были связаны с повсеместным празднованием бога виноделия и любви Диониса, и во время их совершения люди без оглядки предавались своим страстям. Таким образом, согласно Ницше, культуру античности можно объяснить только взаимодействием двух начал: дионисийского (начала инстинкта, воли, хаоса) и аполлонийского (начала рациональности, порядка). Грек, по Ницше, обладал трагедийным мировоззрением, которое только облагораживала рациональность, но определяющим было чувство жизни. С точки зрения этого начала немецкий мыслитель и стал оценивать европейскую и всю мировую историю.

«Уже с давних пор развитие нашей европейской культуры совершается среди напряжения и муки, которая возрастает с каждым десятилетием и словно близится к катастрофе», – писал Ф. Ницше [2, с. 10]. Отдавая предпочтение непосредственной мощи жизни перед рациональностью, он усматривал вырождение, «декаданс» европейской культуры в традиции философии, идущей от Сократа. «Проблема Сократа» для него – это проблема разрешения парадокса замирания жизни в тисках отвлеченного разума. Если до Сократа мыслили в присутствии истины, то афинский «софист» поставил под вопрос саму жизнь, задался вопросом о ее смысле. А менять жизненный поток – это, по мнению немецкого мыслителя, признак декадентства. Отсюда последовало все европейское декадентство, и значительный толчок к его развитию, по Ницше, дало христианство. Сама жизнь – это оценка всех ценностей, мы должны просто жить, считал он, не подвергая ее сомнению. Повидимому, христианство Ницше сводил к суровому аскетизму, убивающему жизнь.

В первый период жизни (примерно до 1876 г.) Ницше находился под сильным влиянием философии А. Шопенгауэра и музыки Вагнера, что в общем соответствовало двум основным влечениям его ума и сердца – философскому отрицанию действительности и стремлению к обновлению жизни посредством искусства [2, с. 13]. Так, трагичность мироощущения – эта интуиция Ницше сложилась под влиянием до-

вольно мрачной, порывистой и хаотичной, «протестующей» музыки Вагнера. Главным сочинением Ницше стало в этой связи «Рождение трагедии из духа музыки» (1871–1872). Здесь он в частности писал, что «метафизическое утешение всякой истинной трагедии заключается в том, что вопреки непрерывной смене явлений, мировая жизнь несокрушимо могущественна и радостна» [2, с. 20–21]. Тем самым трагедия возвышает нас, считал он, над нашей личностью, над всем, что в ней есть преходящего и ограниченного.

Существенным было влияние на Ницше учения о мировой воле как основе всего сущего А. Шопенгауэра. В статье «Об отношении Шопенгауэра к немецкой культуре» (1872) Ницше называл великого пессимиста Шопенгауэра единственным немецким философом XIX столетия за его честный поиск в философии истины, а не самоуспокоения. Так, поставив вопрос о цели и смысле существования – центральный с точки зрения Ницше вопрос, Шопенгауэр не побоялся разрешить его в отрицательном смысле и разрушить иллюзию счастья в перспективе смертности всех людей. Искание смысла жизни было изначально и руководящим мотивом философствования самого Ницше. Для него было невыносимым видеть, как люди в обыденной жизни поглощены временными задачами, а ученые «беспредельны» только в пустом накоплении знаний. Ницше ищет безусловного содержания жизни, несмотря на тот факт, что жизнь большинства людей являет только продолжение животной жизни. Лучшие представители человеческого рода – великие художники, философы и святые озаряют темную глубину природы ярким светом сознания, и их появление – как бы радостный скачок природы, осмыслившей себя и достигшей своей цели. Этим определяются, согласно немецкому мыслителю, задачи и всей культуры, которая направлена к достижению не всеобщего довольства масс, а к произведению гениальных, «сверхисторических» личностей, стремящихся к совершенству. Уже в первый период творчества Ницше можно отметить, считал Е.Н. Трубецкой, противоречивость его мировосприятия. С одной стороны, Ницше проникнут сознанием беспечности бытия, бессмыслицы мирового процесса, с другой – великий человек для него – цель природы и цель исторического развития человечества, тайное намерение природы, ищущей преодоления смерти.

Перелом в мировоззрении Ницше, сделавший его уже, как он сам говорил, «несвоевременным мыслителем», привел к задаче «переоценки всех ценностей». Второй период начинается с произведения «Человеческое, слишком человеческое» (1876–1879). Здесь Ницше прямо определял историю человечества как историю душевных болезней и современного человека – как наследника этой истории. «Преодоление человека» через ниспровержение всех современных идолов стало ведущим мотивом немецкого мыслителя. В «Утренней заре» Ницше называл время обычаев и нравственности «доисторическим временем», предлагал вообще удалить из общества такие критерии и проявления морали, как *добро и зло, закон, добровольное страдание, вера и дела* и т.д. В отношении последних он писал: «Прежде всего и важнее всего дела! Дела и дела! А необходимая для этого “вера” – будьте уверены – явится» [4, с. 332].

В последующих произведениях – «Так говорил Заратустра» (1873–1876), «По ту сторону добра и зла» (1886) – Ницше проводил мысль об основополагающей жизненной воле – воле к власти. «Совокупная жизнь наших инстинктов... – оформление и разветвление одной основной формы воли – именно, воли к власти» («По ту сторону добра и зла»). Буквально ницшеановская «воля к власти» звучит в его тексте как «*воля к Делу*», т.е. всякое жизненное свершение (независимо от его нравственного статуса) оценивается им положительно. Поэтому тот факт, что воля к власти утверждает в мире сильных и подчиняет слабых, рассматривался Ницше как естественный порядок вещей. Вслед за отвержением рационального сознания, присутствующего европейскому человеку со времен Сократа (которое омертвляет жизненный порыв), он отвергал и христианскую мораль, считая ее уделом слабых или «рабов». При этом христианство сводилось у него к «платонизму для народа» («Антихрист»): «...Самым худшим, самым томительным и опасным из всех заблуждений было до сих пор заблуждение догматиков, именно, выдумка Платона о чистом духе и добре самом по себе» [5, с. 18]. В конце концов преодоление морали абсолютных ценностей приводит Ницше к некоей неморальной мудрости, к стремлению стать «по ту сторону добра и зла». «Преодоление морали... – пусть это будет названием той долгой тайной работы, которая предоставлена самой тонкой, самой честной и вместе с тем самой злобной современной сове-

сти как живому пробному камню души» [4, с. 20].

Философствование Ницше в значительной мере выразилось в не совсем ясных афористичных суждениях и антиномичных утверждениях. С одной стороны, Ницше не может принять мертвенного сознания «серых» личностей европейской культуры и говорит с трагичным пафосом о «смерти Бога» в сердцах людей. Его знаковый афоризм «Бог умер» – свидетельство происшедшего духовно-экзистенциального «надлома» мироощущения человека, порывающего с христианскими ценностями. Фактически Ницше фиксирует происшедший отказ от онтологии религиозного сознания, который сопровождается осознанием открываемой безудержной свободы. Но одновременно это осознание – и ощущение опустошенности и покинутости человека в «обезбоженном» мире. С другой стороны, Ницше не может принять положительного смысла христианского подвига и учит только о героях-актерах жизни. Свобода воли к Власти, ее жизнеопределяющий характер сообщают таким людям, словами самого Ницше, поистине «мюнхгаузеновскую смелость».

Развитие основной интуиции приводит немецкого мыслителя к противопоставлению культу христианского Бога нового культа – культа Сверхчеловека как существа, по своему антропологическому типу устремленного к самодостаточности, к собственному господству. Ницше облек свои мысли о нем в слова героя своего произведения. «Заратустра» учил о сверхчеловеке, являющемся «смыслом земли», а не «надземных», т.е. религиозных или философски-идеалистических надежд [5, с. 29]. Человек, будучи «канатом, натянутым между животным и сверхчеловеком» [5, с. 31], должен был, согласно Заратустре, стать совершенно иным. Он должен, несмотря на то, что он есть «бедность и грязь и жалкое довольство собою», несмотря на собственную «направленность» к смерти (конечность), научиться руководствоваться только волей к власти. Согласно Ницше, именно такие люди должны составить будущее человечество. Все предшествующие революции и волнения страстей, по Ницше, могут быть оправданы ради появления такого избранного героя. И напротив, всякое объединение людей по принципу равенства или по принципу христианского смирения и сострадания показывает только их «серость» и слабость духа, демократическую «стадность». «Сверхчеловек» – это должна быть, по мысли

Ницше, новая порода людей, которой не было раньше. Она не является, между прочим, плодом развития какой-либо нации; это – «сильные люди», для которых справедливость будет состоять в неравенстве.

Отказываясь от христианских ценностей, в том числе и от христианской идеи личного воскресения, Ницше должен был вместе с тем как-то решить предельный философский вопрос о жизни и смерти, определить смысл и ценность живущей в человеке жажде вечной жизни. Трагедийность смерти решается им через добровольное принятие смерти как незыблемого закона бытия. Так, например, можно истолковать отрывок из «Заратустры...»: «Он (Заратустра) не поймал человека, за то труп поймал он» [5, с. 36]. В творящем и разрушающемся основании бытия, в нескончаемых ликовании и муках, согласно Ницше, царит «безмерная радость бытия» [1, с. 170], действительно напоминающая дионисический дух опьянения, сливающий все в природном жерле. Позднее Ницше нашел утоление своей жажды вечной жизни в учении о вечном возвращении. Мысль о вечном возвращении впервые была высказана им в произведении «Веселая наука». Здесь он говорил о ней, как о «соблазне», «вопросе», нашептанным ему «неким демоном». Речь шла о возвращении, причем буквальном, всего того, что пережил человек в этой земной жизни, вплоть до «лунного света и паука в углу». Эту мысль Ницше продолжил и в «Заратустре...». «Все идет, все возвращается; вечно вращается колесо бытия... Все различается, все вновь друг друга приветствует; вечно остается верным себе кольцо бытия» [1, с. 170].

Философское творчество Ницше еще в конце XIX в. увлекло многих в России своим смелым проектом «переоценки всех ценностей», пророческим пафосом, трагическим мироощущением. На некоторых оно даже не повлияло, а просто оказалось созвучным их собственным идеям. «Оптинского мыслителя» К.Н. Леонтьева, например, многие называли «русским Ницше» за трагическую интонацию и аскетическое напряжение его философствования, за неприятие «буржуазной серости», хотя он творил едва ли не раньше немецкого «отшельника». Но особенно выделялся в обращении к ницшеанским идеям другой русский философ – Н.Ф. Федоров. Именно он четко определил за Ницше ни много ни мало новый тип мыслителя – мыслителя «жизни» [1, с. 167]. В своих статьях и письмах о

Ницше Н. Федоров скрупулезно и также темпераментно, как и сам Ницше по отношению к своим предшественникам, исследовал и критиковал философию самого немецкого мыслителя. Он попытался спроецировать наиболее плодотворные ее интуиции на экран собственной христианской философии «общего дела», усмотрев в ней, прежде всего, «мистический» пафос [5] преодоления смерти и идею воскрешения.

Так же как и Ницше, Н. Федоров видел задачи философии не в создании отвлеченных, «удобных» систем, а в идеалообразующем творчестве. Оба критиковали «идолопоклонников понятий» (выражение Ницше), оба проповедовали пафос творческой активности и совершенствования, *Дела*. Русский философ высоко оценивал критическую сторону философствования Ницше. По его мнению, «трудно найти другое учение, которое так хорошо содействовало бы разъяснению истинного учения, учения о деле, как ницшеанское, только, конечно, не в положительном смысле, а с отрицательной стороны» [1, с. 168].

Однако если Ницше обратил свою критику и против христианской религии, то для Н. Федорова последняя как раз и могла только поставить неложный идеал Дела – «богочеловеческого дела» для всех. По Н. Федорову, Ницше был прав, когда говорил о «чрезмерности истории», о чрезмерном воплощении истории пассивной, страдательной, но видел ли он на самом деле историю активную, настоящий проект того, что должно быть – в этом русский философ сомневался. Самое главное, чем «отметился» Ницше в философии, по Н. Федорову, – это собственным переживанием смерти. Ницше из собственной боли и мучения глубочайшим образом прочувствовал смертность человека, ее единственную достоверность и общность. И Н. Федоров считал, что настоящее мирозерцание может рождаться только из ощущения братства всех в смерти, но и в воскрешении. Именно борьба со смертью способна стать искомым общим делом всех людей. По Н. Федорову, именно воскрешение в христианском смысле отличается от всякого рода земного «прогресса» человечества, поскольку в отличие от него требует действительного совершенствования в преодолении смерти. Трагедия личностного уничтожения разрешалась Ницше не на путях христианского чаяния воскресения, а в дионисическом духе опьянения. Учение же Ницше о вечном возвращении оценивалось Н. Федоровым как «мошен-

ничество» по отношению к поставленной задаче. «Какие бы опьяненные дифирамбы не исторгались у этого ученика Диониса и природопоклонника, очень хочется “воскрешения”, личного бессмертия, хоть такого, дурно-бесконечного... с тем же одиночеством, с теми же странствиями по пансионатам, созданием все тех же книг, очевидно, совершенно бесполезных, раз ничего так и не меняется в этой вселенской карусели!» [1, с. 171]. Иными словами, по Н. Федорову, Ницше не справился с главнейшей своей задачей, исказив религиозную идею личного воскрешения людей во имя «братства сынов, любящих друг друга» [7].

Подводя итог рассмотрению философских идей Ф. Ницше и их оценки, следует сказать, что, несомненно, философия Ницше явилась неслучайным, знаковым сознанием кризиса европейской культуры и философии. Это было философское осознание кризиса, прежде всего, рационалистической традиции мысли, забывшей в потоке развития «систем» самые существенные стороны человеческого бытия. Ницше удалось ярко заявить о том, что в Европе складывался идеал человека, для которого нет ничего Высшего, для которого «Бог умер». Сила его философии была в этом диагнозе. Проникновенно звучат афоризмы Ницше, ставя неутешительный диагноз европейской цивилизации, фиксируя глубокий духовно-творческий кризис человечества. По мнению русского мыслителя Е.Н. Трубецкого, «на рубеже двух столетий философия Ницше звучит как мрачное пророчество» [2, с. 10].

Но «положительные» идеи Ницше (прежде всего, идея Сверхчеловека) оказались слишком противоречивыми, чтобы стать действительно новым идеалом развития человечества. Их по своему использовали только идеологи фашизма, объявившие «сверхлюдьми» всю арийскую нацию. Кроме того, по отношению к собственному восстанию против христианства Ницше оказался не таким прозорливым, не сумев прочувствовать в нем не только «аскетизм», но и жизнеутверждающую, преображающую жизнь мудрость, сохранившую значение и в эпоху, которую во многом считают «постхристианской». Так, в современной России за последнее десятилетие набирает силу «Общее Дело» не «ницшеановского», а «федоровского» типа. Речь идет о социальном движении «Бессмертный полк», религиозный смысл которого – в «воскресении» памяти о родных людях-героях,

свершивших жертву христианского типа, хотя и в рудиментарной «советской» форме. Согласно мысли современного исследователя Т.П. Матяш, данное движение было не политическим, экономическим или юридическим, а именно религиозно-нравственным, и при том родившимся в глубинах народного духа [8]. Если Ф. Ницше говорил, и по-видимому впервые, об истории как об особом жертвоприношении, в котором человечество «жертвует» высшими ценностями, ниспровергает их, то данный пример, напротив, являет собой жертву, создающую социальность и культуру во имя высшей христианской ценности воскрешения.

Литература

1. Семенова С.Г. Николай Федоров и Фридрих Ницше // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 167–184.
2. Трубецкой Е. Н. Философия Ницше // Новое в жизни, науке и технике. Философия и жизнь. 1991. Вып. 1.
3. Федоров Н.Ф. Философия общего дела : в 2 т. М. : АСТ, 2003. Т. 1–2.
4. Ницше Ф. Утренняя заря // Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. XIX век / отв. ред. И.Т. Фролов. М. : Республика, 1995.
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Новое в жизни, науке и технике. Философия и жизнь. 1991. Вып. 1.
6. Федоров Н.Ф. О нравственности и мистицизме у Ницше. URL: <https://www.magister.msk.ru/library/philos/fedorov/fedor075.htm> (дата обращения: 11.05.2018).
7. Цуканов Е. А., Калинина Г. Н., Цуканова И. В. Ф. Ницше и Н. Федоров: противостояние на идейно-культурном поле новейшей истории // Культурная жизнь юга России. 2017. № 1 (64). С. 56–61.

8. Матяш Т.П., Матяш Д.В., Несмеянов Е.Е. «Бессмертный полк»: верификация идей Н. Федорова // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. № 6. С. 23–28.

References

1. Semenova S. G. Nikolai Fedorov i Fridrikh Nitshe [Nikolai Fedorov and Friedrich Nietzsche]. *Voprosy filosofii*. 2001, No. 2, pp. 167-184.
2. Trubetskoi E. N. Filosofiya Nitshe [Nietzsche's Philosophy]. *Novoe v zhizni, nauke i tekhnike. Filosofiya i zhizn'*. 1991, iss. 1.
3. Fedorov N.F. *Filosofiya obshchego dela* [Philosophy of the Common Cause]. In 2 vol. Moscow: AST, 2003, vol. 1-2.
4. Nitshe F. [Morning Dawn]. *Chelovek: mysliteli proshlogo i nastoyashchego o ego zhizni, smerti i bessmertii. XIX vek* [Man: Thinkers of the Past and Present about his Life, Death and Immortality. 19th century]. Ed. I.T. Frolov. Moscow: Respublika, 1995.
5. Nitshe F. Tak govoril Zaratustra [Thus Spake Zarathustra]. *Novoe v zhizni, nauke i tekhnike. Filosofiya i zhizn'*. 1991, iss. 1.
6. Fedorov N.F. *O npravstvennosti i mistitsizme u Nitshe* [On Nietzsche's Morality and Mysticism]. Available at: <https://www.magister.msk.ru/library/philos/fedorov/fedor075.htm> (accessed 11.05.2018).
7. Tsukanov E. A., Kalinina G. N., Tsukanova I. V. F. Nitshe i N. Fedorov: protivostoyanie na ideino-kul'turnom pole noveishei istorii [F. Nietzsche and N. Fedorov: Confrontation in the Ideological and Cultural Field of Recent History]. *Kul'turnaya zhizn' yuga Rossii*. 2017, No. 1 (64), pp. 56-61.
8. Matyash T.P., Matyash D.V., Nismeyanov E.E. «Bessmertnyi polk»: verifikatsiya idei N. Fedorova [“Immortal Regiment”: verification of N. Fedorov’s ideas]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 2017, No. 6, pp. 23-28.

ОБЩЕСТВО КОМФОРТА: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

© 2019 г. Г.Р. Сарикек ^а

^а Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов,
Сочи, Россия

SOCIETY OF COMFORT: EXISTENTIAL ASPECTS

G.R. Sarikek ^а

^а Sochi Institute, Russian People's Friendship University, Sochi, Russia

Сарикек Галина Рубеновна –
кандидат философских наук, доцент,
Сочинский институт (филиал)
Российского университета дружбы народов,
ул. Куйбышева, 32, г. Сочи, 354348, Россия.
E-mail: sarikek@mail.ru

Galina R. Sarikek -
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Sochi Institute,
Russian People's Friendship University,
Kuibysheva St., 32, Sochi, 354348, Russia.
E-mail: sarikek@mail.ru

Рассматриваются основные черты, характерные для современного общества, в котором человек становится «заложником» средств, какие он использует для своего удобного существования. Для представителей общества комфорта вечными являются вопросы касательно границ свободы, проблем одиночества и неизбежности смерти. В обществе комфорта наиболее остро проявляются основные идеи экзистенциализма, которые заключены в проблеме человека, в вопросах выбора подлинного бытия, где он реализует себя, и не-подлинного существования, когда теряет «Я», исчезая и растворяясь в толпе и массе. Очевидно, что события, происходящие с человеком, оказывают влияние на его внутренний мир, поэтому главными начинают выступать переживания человеком самого себя с соответствующими индивидуальными характеристиками и душевными состояниями. В современном обществе жизнь человека похожа на череду заранее запланированных работ по поддержанию машины в рабочем состоянии. Экзистенциализм поддерживает точку зрения, согласно которой человеку нужно, оставаясь частью современного мира, все же уметь осознавать свою сущность. В исследовании определены основные экзистенциальные вопросы современности: отчуждение, сущность, свобода, выбор человека.

Ключевые слова: общество комфорта, экзистенциализм, гуманизм, свобода, одиночество, смерть, выбор.

The article considers the main traits that characterize modern society, in which a person becomes a “hostage” of the means that he/she uses for his/her comfortable existence. It is a clear fact that the representatives of comfort society have questions they always ask themselves, questions about the freedom limits, the loneliness problem and the death inevitability. The comfort society clearly manifests the main ideas of existentialism, which are embodied in problems of a human being, as well as in the questions of a true choice, in which a person is able to realize himself, and the non-authentic existence, in which he/she loses personality, disappearing and dissolving in the crowd and mass. Obviously, events that happen to a person affect his inner world, that is why the person begins to worry about his own personality with his own traits and emotions. In modern society, human life looks like a series of pre-planned works to do, to keep some machine in working condition. Existentialism supports the point of view according to which a person needs to be aware of his essence simultaneously remaining a part of the modern world. The study identifies the main existential issues of our time: alienation, essence, freedom, person's choice.

Keywords: comfort society, existentialism, humanism, freedom, loneliness, death, choice.

Для современной эпохи характерны глобальные экономические, политические, но прежде всего социальные трансформации. Очевидно, что вечные вопросы, которые тревожили человека и касались границ его свободы, проблемы одиночества и неизбежности смерти, снова находят свое воплощение у представителей мегаобщества [1]. Актуальность обращения к про-

блеме выявления экзистенциалов современного человека связана со сменой не только смысловых приоритетов, но и смещением акцентов с его микрокосма на макрокосм. Сегодня основные цели человека касаются увеличения количества материальных вещей и признания их ценности, что послужило результатом ограничения свободы выбора и независимости челове-

ка. Таким образом, глобальные перемены повлекли за собой трансформацию классических ценностных ориентиров.

Цель статьи – выявление оснований, характерных для общества комфорта с позиций философии экзистенциализма.

В данном исследовании мы опираемся на работы А. Ливрага, В. Кувалдина, Д.Г. Афонина и М.В. Рагульской, Э. Гидденса, Г. Лебона, О.Ф. Больнова, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, А. Камю, посвященных внутренним ориентирам жизнедеятельности человека, а также анализу современного общества.

Следует обозначить некоторые факторы, характерные для общественного развития XXI в., на которые указывает Г. Лебон: «Первый – это разрушение религиозных, политических и социальных верований, давших начало элементам нашей цивилизации; второй – это возникновение новых условий существования и совершенно новых идей, явившихся следствием современных открытий в области наук и промышленности» [2]. По мнению Х.А. Ливрага, общество комфорта – это «совокупность чрезмерно раздутых естественных человеческих потребностей» [3], общество, в котором личные потребности каждого из его представителей в сумме образуют сложный механизм, ежедневно оказывающий давление на всех его представителей. Д.Г. Афонин и М.В. Рагульская считают, что «в современном обществе развитие технологий и изменение быта происходит быстрее, чем человек успевает приспособиться к этим изменениям среды своего обитания» [4]. Таким образом, сам человек XXI в. становится «заложником» средств, которые он использует для своего удобного существования.

Без сомнения, если человеку предоставляют комфортные условия, он способен хорошо ориентироваться в окружающей его действительности и быть готовым к совместной деятельности с другими представителями мегаобщества. Поэтому во время модернизации и трансформации общественных установок возникла потребность в формировании нового взгляда на комфорт как неотъемлемой составляющей жизни человека. Данный факт свидетельствует о разрыве с традиционными культурными ценностями.

Человек становится зависимым от желания иметь, удовлетворяя лишь физические потребности, забывая о духовности, он находится в постоянной гонке за счастьем, тем самым обесценивая его. Жизнь как изнурительный труд

поглощает все свободное время, что приводит к потере эмоциональной связи с окружающими и близкими людьми, человек превращается в некий элемент глобальной системы. Также теряется возможность делать то, что требует «Я» человека, так как он занят лишь реализацией интересов, продиктованных обществом. Как видим, комфорт есть одно из отображений глобализации, где «интеллект, знания, технологии становятся важнейшими экономическими активами» [1].

Основным ориентиром человеческого существования становится стремление к комфортной жизни не только со своими родными и близкими, но в первую очередь – с самим собой. На данном этапе общественного развития (во время поиска культурной, политической и социальной идентичности) наиболее актуальными являются исследования в рамках экзистенциальной философии. О.Ф. Больнов, говоря о кризисе духовности, пишет: «Если мы хотим честно взглянуть в лицо этому кризису, тогда решительно нет пути, ведущего мимо экзистенциализма... Наша успокоенность будет обманчивой, нерешенные вопросы еще более резко обрушатся на нас, если мы уже сегодня с полной ясностью не осознаем проблематику экзистенциализма и тем самым пути его преодоления» [5]. Пришло то время, когда человечество оказалось под угрозой самоуничтожения и в условиях нравственного кризиса. На данном этапе развития общества необходимо признать приоритет общечеловеческих ценностей и идею взаимозависимости мира в сознании людей.

Значительную роль в становлении экзистенциализма сыграла философия Ф. Ницше, Э. Гуссерля, С. Кьеркегора, а ведущими представителями данного направления можно считать Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, А. Камю, Ф. Бертрانو и др., чьи произведения внесли неоценимый вклад во взгляды на человека, его переживания и место в этом мире. Основной проблемой «философии существования» выступили уникальные переживания отдельно взятой личности (индивида) – экзистенции.

В обществе комфорта наиболее остро проявляются основные идеи экзистенциализма, которые заключены в проблеме человека касательно вопросов выбора подлинного бытия для реализации себя и неподлинного существования для потери самосознания («Я») путем погружения в мир вещей. Осознание человеком факта собственной смерти способно возродить в нем не-

что человеческое, а также породить чувство ощущения метафизического ужаса. М. Хайдеггер указывает: «Ничто есть отрицание всей совокупности сущего, оно абсолютно не-сущее... Ничто дает о себе знать в настроении ужаса – но не как сущее... Ужас вовсе не способ постижения Ничто. Тем не менее, благодаря ему и в нем Ничто приоткрывается... Ничто выступает при ужасе одновременно с совокупностью сущего» [6]. Таким образом, лишь в пограничном состоянии человек способен осуществить некий «поворот» сознания.

На протяжении жизни человек учится жить, любить, осознавая быстротечность мира и конечность всего окружающего, в том числе и своей экзистенции. Само по себе существование человека уже направлено к смерти, которая выступает не как переход в иное бытие, она – завершение любой деятельности и объективной реальности человека. Лишь переживание факта смерти как некоторого пограничного, личного кризисного состояния становится для человека основой его жизненастроения. Личность в обществе комфорта, сталкиваясь с болезнью либо другим пограничным состоянием, вынуждена сделать выбор, который доставляет дискомфорт. Болезнь выступает вызовом человеку, препятствием быть самим собой, не таким как все. Отсюда возникает внутренний конфликт: смириться или стать другим.

Само по себе существование человека трагично, оно является таковым даже тогда, когда он пребывает в состоянии счастья, а всякая возможность преодолеть это трагическое существование – лишь самообман. Возникновение новых мировоззренческих установок касательно смысла человека и о значении его выбора в собственной жизни, открывает новые драматические конфликты и возможности их преодоления. Очевидно, что для человека XXI в. отсутствует некое божественное начало, которое либо направляет в нужное русло весь внутренний потенциал, либо уничтожает его изнутри. Таким образом, то, что ранее считалось неестественным, сегодня становится главным гуманистическим направлением трансформации самосознания человека.

Главной идеей философии гуманизма выступает человек как высшая ценность с его правами на свободу и самореализацию, что нашло свое отображение и в наши дни. Ж.-П. Сартр говорит о том, что человек есть некий проект, который воплощается в жизнь своими же действиями.

Как только существование становится для него невыносимым либо не отвечает его желаниям, он попадает в ситуацию выбора, как неотъемлемую составляющую жизнедеятельности человека. Рассмотрению проблем страдания, тревог, отчаяния и одиночества посвящена работа философа «Экзистенциализм – это гуманизм», в которой акцентируется внимание на чувстве ответственности человека за себя, человечество, об отсутствии Бога, а также о ситуации выбора. Фундаментальная ситуация человека в мире, согласно Ж.-П. Сартру, определяется совокупностью пределов: «Пределы не субъективны и не объективны, скорее, они имеют объективную и субъективную стороны. Объективны они потому, что встречаются повсюду и повсюду могут быть опознаны. Субъективны потому, что переживаемы, они ничего не представляют собой, если не пережиты человеком, который свободно определяет себя в своём существовании по отношению к ним» [7].

В философии экзистенциализма свобода – основное качество человека, то, что априори дано ему с момента его заброшенности в бытие. М. Хайдеггер считал: «... мышление, первым делом дает свободу свободного пространства, в котором смог бы обитать человеческий простор» [8]. Таким образом, необходимо вернуться к себе, не потеряться в массе и абсурдно лишать себя возможности выбора, растворяясь в толпе. Лишь мышление дарит свободу.

А. Камю в работе «Миф о Сизифе» пишет: «Человек свободен, абсолютно свободен, он обречен быть свободным, и в этом его величайшая трагедия» [9]. По мнению А. Камю, жизнь человека – великий подвиг, так как он ежедневно противостоит окружающим, обстоятельствам, испытывает страх неизбежности смерти. Сизиф у философа – это образ современного человека с его комплексами, мало интересной работой, душевными муками и осознанием, что вряд ли что-то изменится в его повседневной жизни. А. Камю, как и М. Хайдеггер, признает существование условия необходимого для осознания абсурдности бытия или постижения устройства мира – скука, как результат машинности жизни. Скуку нельзя преодолеть волевым актом или саморефлексией, с ней можно жить.

Наиболее ярко и актуально проблемы бытия человека выражены, на наш взгляд, в творчестве Ж.-П. Сартра относительно концепции свободы. Философ отмечает, что «свобода является свобо-

дой выбирать, но не свободой не выбирать» [10]. Свободный человек – тот, кто не позволяет ситуации властвовать над собой, выходит за ее пределы и осуществляет свой свободный выбор, чтобы можно было оставаться всегда человеком и не испытывать чувства стыда за свои поступки. Таким образом, свобода выступает основой и предшественницей человеческой сущности.

Западная цивилизация дала человеку довольно высокий уровень материального благосостояния, а появление огромного количества товаров вызвало кризис желаний. Человек стал постоянно чего-то «хотеть», тем самым обесценивая свои желания. Индустриальное и постиндустриальное производство отделили человека от природы и одарили его ежедневной повторяемостью событий, зависимостью от материальных благ и производства, ограниченное взаимодействие с другими членами общества, а также лишило эмоциональной наполненности. То малое время, которое человек стал «выделять» развлечению, быту или взаимодействию с близкими людьми, оказалось подчиненным весьма однообразным, оказывающим воздействие на него средствам массовой информации, которые пытаются развезать скуку фальшивой сенсационностью и нагнетанием безобразного.

Таким образом, представители философии экзистенциализма считали, что в экстремальных условиях человек снимает свои «розовые очки». В минуты просветления он осознает, что вся его жизнь – это бытие к смерти, противоречивость своего внутреннего и внешнего миров. При масштабной недооценке индивидуальности личности, сведении ее к внешним атрибутам и функциям, усреднении и выравнивании, для общества комфорта экзистенциализм выступает как философия надежды и веры в силы каждого представителя мегаобщества.

Литература

1. Кувалдин В. Глобализация – светлое будущее человечества? // Человек без границ. URL: http://www.manwb.ru/articles/world_today/contemporary/GlobalFuture_VictKuv (дата обращения: 22.11.2019).
2. Лебон Г. Психология масс. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/lebon/intro.php (дата обращения: 21.11.2019).
3. Ливрага Х.А. Общество комфорта и философия риска. URL: http://www.manwb.ru/articles/philosofy/filosofy_and_life/KomfRisk_JAL/ (дата обращения: 22.11.2019).

ophy/filosofy_and_life/KomfRisk_JAL/ (дата обращения: 22.11.2019).

4. Афонин Д.Г., Рагульская М.В. Особенности адаптации организма человека к техногенным факторам современного мегаполиса. URL: http://www.inventors.ru/osobennosti_adaptacii_organizma_cheloveka_k.html (дата обращения: 22.11.2019).

5. Больнов О.Ф. Новая укрытость. Проблема преодоления экзистенциализма. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/bolnov/novaya-ukrytost-problema-preodoleniya-ekzistencializma-vvedenie> (дата обращения: 20.11.2019).

6. Хайдеггер М. Что такое метафизика? URL: http://www.bibikhin.ru/cto_takoe_metafizika (дата обращения: 20.11.2019).

7. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм. URL: https://scepisis.net/library/id_545.html (дата обращения: 20.11.2019).

8. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? URL: http://www.odinblago.ru/haideger_mishlenie/ (дата обращения: 20.11.2019).

9. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. 1941. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000807/index.shtml> (дата обращения: 22.11.2019).

10. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/sartre=butie_i_nichto=ann.htm (дата обращения: 22.11.2019).

References

1. Kuvaldin V. [Globalization - the Bright Future of Mankind?]. *Chelovek bez granits* [Man without Borders]. Available at: http://www.manwb.ru/articles/world_today/contemporary/GlobalFuture_VictKuv (accessed 22.11.2019).
2. Lebon G. *Psikhologiya mass* [Psychology of the Masses]. Available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/lebon/intro.php (accessed 21.11.2019).
3. Livraga Kh.A. *Obshchestvo komforta i filosofiya riska* [Comfort Society and Risk Philosophy]. Available at: http://www.manwb.ru/articles/philosophy/filosofy_and_life/KomfRisk_JAL/ (accessed 22.11.2019).
4. Afonin D.G., Ragul'skaya M.V. *Osobennosti adaptatsii organizma cheloveka k tekhnogennym faktorom sovremennogo megapolisa* [Features of Adaptation of the Human Body to the Technogenic Factors of the Modern Metropolis]. Available at: http://www.inventors.ru/osobennosti_adaptacii_organizma_cheloveka_k.html (accessed 22.11.2019).

5. Bol'nov O.F. *Novaya ukrytost'. Problema preodoleniya ekzistentsializma* [New Shelter. The Problem of Overcoming Existentialism]. Available at: [http:// anthropology.ru/ru/text/bolnov/novaya-ukrytost-problema-preodoleniya-ekzistencializma-vvedenie](http://anthropology.ru/ru/text/bolnov/novaya-ukrytost-problema-preodoleniya-ekzistencializma-vvedenie) (accessed 20.11.2019).
6. Khaidegger M. *Chto takoe metafizika?* [What is Metaphysics?] Available at: [http:// www.bibikhin.ru/cto_takoe_metafizika](http://www.bibikhin.ru/cto_takoe_metafizika) (accessed 20.11.2019).
7. Sartr Zh.-P. *Ekzistentsializm – eto gumanizm* [Existentialism is Humanism]. Available at: [https:// scepsis.net/library/id_545.html](https://scepsis.net/library/id_545.html) (accessed 20.11.2019).
8. Khaidegger M. *Chto zovetsya myshleniem?* [What is Called Thinking?]. Available at: [http:// www.odinblago.ru/haideger_mishlenie/](http://www.odinblago.ru/haideger_mishlenie/) (accessed 20.11.2019).
9. Kamyu A. *Mif o Sizife. Esse ob absurde. 1941* [The Myth of Sisyphus. Essay on the Absurd. 1941]. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000807/index.shtml> (accessed 22.11.2019).
10. Sartr Zh.-P. *Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoi ontologii* [Being and Nothingness. The Experience of Phenomenological Ontology]. Available at: [http:// yanko.lib.ru/books/philosoph/sartre=butie_i_nichto=ann.htm](http://yanko.lib.ru/books/philosoph/sartre=butie_i_nichto=ann.htm) (accessed 22.11.2019).

Поступила в редакцию / Received

24 ноября 2019 г. / November 24, 2019

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

УДК 94(410)

DOI 10.23683/0321-3056-2019-4-25-29

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ БРИТАНСКОГО ЕВРОСКЕПТИЦИЗМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

© 2019 г. Е.А. Атапин ^а

^а Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

THE FACTORS OF DEVELOPMENT OF BRITISH EUROSCEPTICISM IN THE SECOND HALF OF THE 20th CENTURY

Е.А. Атапин ^а

^а Voronezh State University, Voronezh, Russia

Атапин Евгений Александрович –
аспирант,
кафедра истории зарубежных стран
и востоковедения,
Воронежский государственный университет,
Университетская пл., 1, г. Воронеж, 394018, Россия.
E-mail: atapinvrn@mail.ru

Evgenii A. Atapin -
Postgraduate,
Department of History of Foreign Countries
and Oriental Studies
Voronezh State University,
Universitetskaya Sq., 1, Voronezh, 394018, Russia.
E-mail: atapinvrn@mail.ru

Британский евроскептицизм как феномен, выражающийся в критическом отношении к участию в европейской экономической и политической интеграции, возник задолго до референдума 2016 г. и запуска процедуры Брексита. С самого начала движения европейских государств к объединению Соединенное Королевство демонстрировало настороженную позицию в отношении целесообразности развития интеграционных процессов на континенте. Освещаются основные факторы, поспособствовавшие развитию евроскептицизма в Великобритании во второй половине XX в.

Ключевые слова: британский евроскептицизм, интеграция, Европа, Великобритания, Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), Европейский союз (ЕС).

British euroscepticism as a phenomenon characterized by a critical attitude towards participation in European economic and political integration appeared long before the 2016 referendum and the start of the Brexit procedure. From the very beginning of the movement of European states towards integration, the United Kingdom was wary of the development of integration processes on the continent. This article highlights the main factors that contributed to the development of euroscepticism in the UK in the second half of the 20th century.

Keywords: British euroscepticism, integration, Europe, United Kingdom, European Economic Community (EEC), European Union (EU).

Традиционно Великобританию относят к одной из наиболее евроскептически настроенных стран. Вступив в ЕЭС только через 16 лет после его создания, Великобритания предпочла остаться в стороне от многих европейских проектов по углублению интеграции, крупнейшими из которых стали создание Шенгенской зоны и образование еврозоны. Кульминацией развития британского евроскептицизма явился отрица-

тельный результат референдума по вопросу продолжения членства Соединенного Королевства в ЕС, проведенного в июне 2016 г.

Безусловно, предпосылки текущего положения дел в отношениях Великобритании и Евросоюза были заложены не в последние несколько лет, а формировались в течение всего периода развития европейской интеграции. Поэтому цель настоящей статьи – выделить и охарактери-

зывать основные причины развития британского евроскептицизма во второй половине XX в.

Следует подчеркнуть, что нами под евроскептицизмом понимается в первую очередь ЕС-скептицизм, т. е. критическое восприятие ЕЭС, а затем и ЕС как политических объединений, преследующих цель максимальной интеграции входящих в них европейских государств.

Позиция Великобритании относительно процесса европейской интеграции в некоторой степени может быть проиллюстрирована словами У. Черчилля, произнесенными во время выступления в Цюрихском университете (Швейцария) 19 сентября 1946 г. В той речи выдающийся британский политик рассуждал о необходимости послевоенного восстановления Европы путем построения сильного регионального объединения европейских государств под предводительством Франции и Германии. Соединенному Королевству Черчилль отводил место надежного партнера и союзника континентальной Европы. «Великобритания, Британское содружество наций, могущественная Америка и, я надеюсь, Советская Россия – в действительности будут или, что ж, должны стать друзьями и покровителями новой Европы и стоять за ее право жить и процветать...» [1]. Выступление Черчилля в Цюрихском университете в определенном смысле предвосхитило последующее отношение Великобритании к процессам объединения Европы, которое заключалось в том, чтобы не препятствовать, наблюдать и поддерживать в некоторых вопросах, но все же оставаться в стороне от основного русла интеграции, излишне не вмешиваясь и не пытаясь стать частью нового объединения.

Вероятно, наиболее очевидное с исторической точки зрения объяснение начавшего проявляться с середины XX в. британского евроскептицизма состоит в том, что Великобритания почти никогда не рассматривала европейский континент в качестве центра своих жизненных интересов. Несмотря на то, что Великобритания постоянно принимала участие в многочисленных европейских вооруженных конфликтах, она была гораздо более ориентирована на другие части света, чем все остальные континентальные державы Европы [2, р. 2]. Так, первоначальный отказ Британии от участия в интеграции, объединившей шесть европейских государств, во многом объясняется стремлением сохранить «особые отношения» с США и международное влияние Британского Содружества

наций [3, с. 127]. В итоге вступление Соединенного Королевства в ЕЭС было отложено до 1973 г.

Кроме того, британцы склонны воспринимать Европу как потенциальный источник угроз вследствие того, что в большинстве случаев войны, в которых приходилось участвовать Великобритании, начинались именно на континенте. Особенно ярко подобная европейская угроза проявилась в ходе Второй мировой войны, когда большинство континентальных государств либо напрямую поддержали нацистскую Германию, либо были оккупированы, в то время как Британия сохранила независимость. Здесь же стоит отметить, что опыт оккупации во время Второй мировой войны, явившийся одним из основных стимулов интеграции континентальных государств в послевоенные годы, был чужд Великобритании. Вследствие этого факта британское правительство изначально сомневалось в целесообразности присоединения к интеграционным процессам на континенте.

Еще одним источником евроскептицизма для британцев послужило чувство собственного превосходства, основанное на позитивном восприятии своей политической системы. Стремление к независимости и ощущение превосходства по большей части основаны на политических соображениях. Британцы гордятся своими политическими традициями и, прежде всего, стабильностью своей политической системы, которая продолжала нормально функционировать даже в те времена, когда на континенте царил политическая турбулентность [4, р. 19]. Следовательно, британцы всегда оценивали собственное политическое устройство как более совершенное по сравнению с европейским. В частности, они постоянно противодействовали континентальной идее сильной исполнительной власти, контролирующей судебную и законодательную ветви [5, р. 19]. В силу укоренившихся в Соединенном Королевстве правовых обычаев и недоверия ко всему, что ограничивает власть парламента, участие в политическом объединении, основанном на европейских политико-правовых традициях, кажется британцам как минимум нецелесообразным. Поэтому неудивительно, что британские евроскептики по мере углубления европейской политической интеграции стали рассматривать ЕС в качестве политического объединения, угрожающего национальному суверенитету и препятствующего реализации глобального потенциала Великобритании из-за чрезмерной зарегулированности и централизации [6, р. 11].

К тому же, важно упомянуть, что в развитии евроскептицизма в Соединенном Королевстве за последние полвека немаловажную роль сыграла британская пресса. Сам термин «евроскептицизм» зародился именно в Великобритании. Впервые он был употреблен в статье газеты «Таймс» 11 ноября 1985 г. с целью обозначения оппозиции, скептически настроенной по отношению к ЕЭС и его политике [7, р. 52]. Евроскептиками стали называть членов правого крыла британских консерваторов, выступавших против плана укрепления политической интеграции в Сообществе, предложенного председателем Европейской комиссии Ж. Делором [8, р. 6]. Постепенно целые издания стали уделять особое внимание включению в свои номера материалов антиевропейского содержания, подогревая евроскептические настроения в британском обществе. Так произошло, например, с «Дейли телеграф» во время работы Б. Джонсона европейским корреспондентом данного издания с 1989 по 1995 г. В целом к середине 1990-х гг. евроскептические публикации актуализировали три ключевые группы опасений по поводу участия Британии в ЕС: а) аспекты интеграции, угрожающие британскому суверенитету; б) вероятный ущерб перспективам свободной международной торговли Великобритании в глобальном масштабе; в) озабоченность по поводу соответствия принципам демократии и прозрачности функционирования европейской интеграционной организации [9].

Более того, серьезным шагом в сторону углубления британского евроскептицизма стала политика М. Тэтчер, которая, будучи изначально оптимистично настроенной по отношению к ЕЭС, впоследствии коренным образом изменила свою позицию к проблеме членства Великобритании в интеграционном объединении вследствие начала движения к более глубокой политической интеграции в Сообществе с середины 1980-х гг. Ее взгляды на новую ситуацию были подробно изложены в речи «Великобритания и Европа», произнесенной в европейском колледже Брюгге (Бельгия) 20 сентября 1988 г. Послужив стимулом мобилизации ранее разрозненных евроскептических группировок, данная речь может считаться отправной точкой развития британской оппозиции политическому проекту ЕС [10, р. 5].

В своей речи М. Тэтчер заявила о проведении новой политики в отношении Европы, нацеленной на развитие межправительственных

форм сотрудничества и являющейся менее терпимой к тенденциям централизации, начавшим проявляться после подписания Единого европейского акта в 1986 г. Проект Европейского сообщества, по ее видению, должен обеспечивать процветание и безопасность, а не становиться самоцелью. Сообщество должно развиваться посредством политической воли и активного сотрудничества независимых суверенных государств, а не путем централизации и бюрократизации. «Более тесное сотрудничество не требует централизации власти в Брюсселе и принятия решений бюрократическими назначениями» [11]. Призывая к единству «европейского дома», М. Тэтчер подчеркивала необходимость сохранения и культивирования национальной идентичности каждого народа, призывала к развитию данного процесса на одном уровне с развитием идеи европейской интеграции [12, с. 94].

В целом в брюггской речи М. Тэтчер подчеркнула важность парламентского суверенитета, который всегда представлял высокую ценность в британской политической традиции, заложила фундамент современного понимания евроскептицизма как противодействия проекту европейской политической и экономической интеграции или отдельным ее аспектам, а также впервые на официальном уровне сформулировала британскую евроскептическую позицию.

Наконец, сам вектор развития единой Европы вызывал усиление евроскептицизма в Соединенном Королевстве. В результате подписания Маастрихтского договора в 1992 г., преобразовавшего ЕЭС в ЕС, завершения мероприятий по созданию экономического и валютного союза, а также расширения интеграционного объединения за счет вступления в него новых государств-членов начался период более глубокой экономической и политической интеграции, интенсификации миграционных процессов и активной передачи национальных суверенитетов на наднациональный уровень. В Великобритании же в это время наблюдалась слабая готовность общества к признанию европейского интеграционного проекта и принятию новой европейской идентичности [13]. В дальнейшем долгой кризис еврозоны и массовый приток мигрантов послужили мощными факторами развития евроскептицизма в Соединенном Королевстве уже в начале нового столетия.

Таким образом, развитие британского евроскептицизма во второй половине XX в. было

обусловлено фактом отсутствия центра жизненных интересов Великобритании на европейском континенте, историческим восприятием Европы как источника угроз, убежденностью британцев в превосходстве своей политической системы, евроскептической позицией М. Тэтчер, оформившейся в брюггской речи, скептическим отношением национальной прессы к европейскому интеграционному объединению и самим ходом интеграции Европы, противоречащим видению Лондона. Все эти факторы, обострившиеся и впоследствии дополненные новыми, привели к усилению евроскептических настроений в Соединенном Королевстве в начале XXI в., что отразилось на результатах референдума 2016 г. и процедуре выхода государства из Евросоюза.

Литература

1. Churchill W. Speech delivered at the University of Zurich, September 19, 1946 // Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/16806981f3> (дата обращения: 08.10.2019).
2. Grant C. Why is Britain eurosceptic? // Center for European Reform. 2008. 8 p. URL: https://www.cer.eu/sites/default/files/publications/attachments/pdf/2011/essay_eurosceptic_19dec08-1345.pdf (дата обращения: 30.09.2019).
3. Лазарева Е.В., Берстенева А.А. Великобритания в ЕС: вступление, отступление, Брексит // Вестн. Томского гос. ун-та. 2018. № 435. С. 127–134.
4. Sørensen C. Danish and British popular Euroscepticism compared: a skeptical Assessment of the Content. Copenhagen: Danish Institute for International Studies, 2004. 27 p.
5. Kasonta A. British Euroscepticism. London: The Bruges Group, 2015. 23 p.
6. Walraed D. What are the trends and dominant drivers of Euroscepticism in the UK, Germany and the European Union over the last decade? // CIFE IEEI. 70 p. URL: https://www.ie-ei.eu/Ressources/FCK/image/Theses/WALRAED_Delfien.pdf (дата обращения: 02.10.2019).
7. Ultan M., Ornek S. Euroscepticism in the European Union // International Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 4, № 2. P. 49–57.
8. Gifford C. The Making of Eurosceptic Britain: Identity and Economy in a Post-Imperial State. 2nd ed. Aldershot: Ashgate, 2014. 204 p.
9. Daddow O. The UK media, euroscepticism and the UK referendum on EU membership // The UK in a

changing Europe. 2016. URL: <https://ukandeu.ac.uk/the-uk-media-euroscepticism-and-the-uk-referendum-on-eu-membership/> (дата обращения: 05.10.2019).

10. Usherwood S. Bruges as a Lodestone of British Opposition to the European Union // Collegium. 2004. № 29. P. 5–16.
11. Thatcher M. Speech to the College of Europe (“The Bruges Speech”) // Margaret Thatcher Foundation. URL: <https://www.margaretthatcher.org/document/107332> (дата обращения: 15.10.2019).
12. Порецкова Е.А. Брюггская речь М. Тэтчер // Изв. Саратовского ун-та. История. Международные отношения. 2011. Т. 11, вып. 2, ч. 1. С. 91–95.
13. Karamouzi E. Always on the Sidelines? A Historian’s View on Brexit // History Matters. 2019. URL: <http://www.historymatters.group.shef.ac.uk/sidelines-historians-view-brexit/> (дата обращения: 04.10.2019).

References

1. Churchill W. Speech delivered at the University of Zurich, 19 September 1946. *Council of Europe*. Available at: <https://rm.coe.int/16806981f3> (accessed 08.10.2019).
2. Grant C. Why is Britain eurosceptic? *Center for European Reform*, 2008. P. 8. Available at: https://www.cer.eu/sites/default/files/publications/attachments/pdf/2011/essay_eurosceptic_19dec08-1345.pdf (accessed 30.09.2019).
3. Lazareva E.V., Bersteneva A.A. Velikobritaniya v ES: vstuplenie, otstuplenie, Breksit [The United Kingdom in the EU: Entry, Retreat, Brexit]. *Vestn. Tomskogo gos. un-ta*. 2018, No. 435, pp. 127-134.
4. Sørensen C. *Danish and British popular Euroscepticism compared: a skeptical Assessment of the Content*. Copenhagen: Danish Institute for International Studies, 2004, 27 p.
5. Kasonta A. *British Euroscepticism*. London: The Bruges Group, 2015, 23 p.
6. Walraed D. What are the trends and dominant drivers of Euroscepticism in the UK, Germany and the European Union over the last decade? *CIFE IEEI*. 70 p. Available at: https://www.ie-ei.eu/Ressources/FCK/image/Theses/WALRAED_Delfien.pdf (accessed 02.10.2019).
7. Ultan M., Ornek S. Euroscepticism in the European Union. *International Journal of Social Sciences*. 2015, vol. 4, No. 2, pp. 49-57.
8. Gifford C. *The Making of Eurosceptic Britain: Identity and Economy in a Post-Imperial State*. 2nd edition. Aldershot: Ashgate, 2014, 204 p.
9. Daddow O. The UK media, euroscepticism and the UK referendum on EU membership. *The UK in a changing Europe, 2016*. Available at: <https://ukandeu.ac.uk/the->

uk-media-euroscepticism-and-the-uk-referendum-on-eu-membership/ (accessed 05.10.2019).

10. Usherwood S. Bruges as a Lodestone of British Opposition to the European Union. *Collegium*. 2004, No. 29, pp. 5-16.

11. Thatcher M. Speech to the College of Europe (“The Bruges Speech”). *Margaret Thatcher Foundation*. Available at: <https://www.margareththatcher.org/document/107332> (accessed 15.10.2019).

12. Poretskova E.A. Bryugskaya rech' M. Tetcher [The Bruges Speech of M. Thatcher]. *Izv. Saratovskogo un-ta, Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2011, vol. 11, iss. 2, part 1, pp. 91-95.

13. Karamouzi E. Always On The Sidelines? A Historian’s View On Brexit. *History Matters, 2019*. Available at: <http://www.historymatters.group.shef.ac.uk/sidelines-historians-view-brexit/> (accessed 04.10.2019).

Поступила в редакцию / Received

6 ноября 2019 г. / November 6, 2019

СЕМЕЙСТВЕННОСТЬ/ДИНАСТИЙНОСТЬ И ПРАКТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИИ РОССИИ*

© 2019 г. Д.П. Исаев^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

NEPOTISM/DYNASTICITY AND PRACTICE OF GOVERNANCE IN THE RUSSIAN HISTORY

D.P. Isaev^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Исаев Дмитрий Петрович –
кандидат исторических наук, доцент,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: disaew@mail.ru

Dmitry P. Isaev -
Candidate of History, Associate Professor,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: disaew@mail.ru

Рассматривается проблема семейно-родственных связей в формальных и неформальных практиках государственного управления. Понятия «семейственности» и «династийности» разграничиваются как отрицательный и положительный факторы становления потомственной профессиональной культуры. Исследуется исторический опыт формирования чиновничьей среды в России через корпоративные традиции, брачные и образовательные стратегии. Эволюция государственного управления в XIX в. в сторону рационализации приводила к постепенной элиминации роли семейных связей при выстраивании служебных карьер в пользу учета личных качеств, образованности, что благоприятно должно было сказываться на формировании преемственного профессионального этоса государственного служащего как элемента династийности. Советский опыт управления сочетал воспроизводство традиционалистских практик семейственности, клановости как на высшем политическом, так и на региональном уровнях с попытками создания актуальной формализованной кадровой системы. При этом номенклатурная корпоративизация политической системы во многом деструктивным образом влияла на закономерный процесс профессионализации культуры управленческого труда как предпосылки потомственной профессии. Подчеркивается, что элементы архаичной политической культуры советской системы, в отличие от имперского опыта, скорее препятствовали становлению династийности в профессиональной среде административного работника, чем создавали для этого возможности.

Ключевые слова: профессиональная династия, политическая династия, семейственность, клановость, государственное управление, бюрократия, номенклатура, социальная монополия, чиновник.

The author focuses on the problem of family ties in formal and informal practices of public administration. In the article the emphasis on the elite family allows us to distinguish between the concepts of “nepotism” and “dynasty” as negative and positive factors in the formation of hereditary professional culture. The article highlights the historical path of the bureaucratic environment formation in Russia through corporate traditions, marriage and educational strategies. The author pays attention to the fact that the evolution of public administration towards rationalization in the 19th century led to the gradual elimination of the family ties role in building career. Personal qualities and education became more significant. That should favorably influence the successive professional ethos formation of an official as an element of dynasty. The Soviet management experience combined the reproduction of traditionalist nepotism practices, clanism at both the highest political and regional levels, with attempts to create a relevant formalized personnel system. At the same time, in many ways the nomenclature corporatization of the political system destructively influenced the regular process of culture professionalization of the managerial labor (which is a prerequisite for a hereditary profession). It is concluded that the elements of the Soviet archaic political culture, in contrast to imperial experience, was more likely to impede the establishment of dynasty in the professional environment of an administrative employee than to create opportunities for this.

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00320 «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в российском обществе».

Keywords: *professional dynasty, political dynasty, nepotism, cronyism, public administration, bureaucracy, nomenclature, social monopoly, official.*

По мнению современных исследователей, политические династии являются намного более распространенными, чем династии в других профессиональных группах. Поскольку династийность в индустриальном и постиндустриальном обществах чаще проявляется в неформальных управленческих практиках, то ее изучение характеризуется особой спецификой, по необходимости включая междисциплинарный формат. Так, политическая династия как проблема элитологии в контексте изучения профессиональных групп выступает объектом социально-исторического изучения. Дело в том, что с отказом от монархии как актуальной формы правления человечество не отказалось от воспроизводства некоторых атрибутивных ей практик государственного и, шире, политического управления. Речь идет о семейственности, клановости и иных феноменах, в которых следует выделять как имманентные свойства, так и исторические особенности.

По словам Г. Моска, «все правящие классы стремятся стать наследственными, если не по закону, то фактически» [1, с. 193]. Братья Е. и П. Даль Бо и Дж. Снайдер на основе изучения династий в конгрессе США выявили такую закономерность: «Когда человек имеет больше власти, становится более вероятным, что он начнет или продолжит политическую династию», «поэтому политическая власть в демократиях становится наследственной де-факто» [2, р. 138]. С другой стороны, неслучайным выглядит вопрос современных исследователей, почему «архаичный принцип семейственности оказывается весьма подходящим критерием формирования правящей элиты в эпоху постмодерна?» [3, с. 28].

Нужно сказать, что темы семейственности, nepotism, клановости, клиентелизма в политике являются достаточно распространенными в историко-политологических и историко-социологических исследованиях. Наше обращение к истории государственного управления в России (от местнических практик XVI–XVII вв. к имперскому и советскому опытам) касается в первую очередь уровней политической элиты и чиновничьей среды. Уточним, что политические династии в собственном значении могут формировать субъекты политической жизни. Поэтому, строго говоря, династии потомственных управленцев не являются политическими, так как ре-

ализуют исполнительные функции. Однако, как кажется, акцент внимания на практиках их формирования в контексте фактора «династийности» позволит уточнить параметры их воспроизводства и таким образом судить о состоянии конкретной политической культуры в целом.

Избранная исследовательская оптика выводит на необходимость решения следующих вопросов: каким был баланс между формальными и неформальными практиками в политической культуре России в разные исторические периоды? можно ли говорить о складывании профессиональной культуры управленцев как источнике формирования профессиональных династий? в какой мере советская номенклатура позволяла проявляться элементам династийности в управленческой среде? наконец, свидетельствует ли исторический опыт о конструктивном потенциале складывания династийности в государственном (политическом) управлении как анти-тезе семейственности? Данная работа рассматривается прежде всего как попытка ответа на них. В связи с этим несколько методологических замечаний.

Рассмотрение управленческой среды в рамках теории элит предполагает определение факторов ее воспроизводства как таковой. В этой связи удачной представляется модель элитной семьи, предложенная Н.В. Колесник, в которой особое внимание обращается на такие факторы, как образование, культурный потенциал и брачные связи. К первому относятся возможность получать элитное, а также «династическое» образование и потенциал наследования профессионального статуса. Основное внимание автор обращает на брачные связи. По его словам, «семью родителей следует рассматривать как некий ресурс, который при определенных условиях, с одной стороны, выступает в роли фактора воспроизводства высокого статуса родительской семьи индивида, с другой стороны, выполняет роль “катализатора” в процессе циркуляции элитной группы» [4, с. 23]. Интересно, что Н.В. Колесник избирает данный ракурс для исследования процесса образования «семейных кланов», т. е. связей по горизонтали. Мы же обращаем внимание на теоретический потенциал вертикального среза в модели, т. е. «династических» элементов.

Ретроспективный взгляд на государственное, шире, социальное управление показывает, что

их семейный, личностный характер был органичным для традиционных, или доиндустриальных обществ. В зависимости от формальности/неформальности практик управления предлагаются различные концепции государства, к примеру, добюрократические и бюрократические. Традиции управления в допетровской Руси формализовали сам родовой принцип функционирования элиты в высших эшелонах власти. Как писал В.О. Ключевский, «в Москве XVI в. при замещении высших должностей служилыми людьми соображались не с личными качествами назначаемых, а с относительным служебным назначением фамилий, к которым они принадлежали, и с генеалогическим положением каждого из них в своей фамилии» [5, с. 474]. Это приводило к тому, что служебные места как бы передавались по наследству в аристократических родах. Правда, необходимо учитывать при этом, что, к примеру, в Боярскую думу младшие члены рода входили не сразу, а следуя порядку старшинства и по достижении соответствующего возраста.

С эпохой Петра I трансформируется сам принцип служебного продвижения. Табель о рангах новым порядком чиновничества знаменовал собой замену родовитости выслугой. Главный его смысл заключался в том, что государственный служащий должен был пройти службу снизу вверх целиком, начиная с низшего классного чина, в том числе для приобретения профессионального опыта. Хотя новые тенденции прослеживались и ранее. Зачастую приказные люди добивались успехов в карьере благодаря личным усилиям, образованности и т.д.

Конечно, по сути, еще весь XVIII в. в сфере управления, где единственным актором было дворянство, господствовали личные, патримониальные отношения. «В политическом воображении русского дворянства как допетровской, так и послепетровской эпохи вопросы “высокой” политики и личного/семейного тесно переплетались». И это делало семью «высокополитизированной» социальной зоной [6, с. 47]. Данная установка была характерной для традиционного общества, в котором человек воспринимался как с учетом личных качеств, так и с оглядкой на происхождение и принадлежность к определенному роду, семье. К этому следует добавить, что дворянские семьи были достаточно многочисленными, и в результате брачных связей обрастали дополнительными родственными связями [7, с. 371–372]. Иначе говоря, мир

общения дворянина оказывался поглощенным теми или иными семейными отношениями.

Еще одним признаком, характеризующим корпоративную дворянскую культуру, было традиционное понятие о чести, в новых условиях имперской России получившей дополнительные импульсы для развития. Как указывает Л.Е. Шепелев, источниками и основой для этого было «осознание своей принадлежности к роду, чья история связана с историей отечества, чья общественная репутация ничем не запятнана и является общим достоянием рода, ответственность перед потомками за ее сохранение» [7, с. 372]. Мы обращаем на это внимание в связи с тем, что данная установка легла в основание того символического капитала, которым стала обладать впоследствии нарождавшаяся бюрократия. При этом идея родовой чести трансформировалась в сторону личной.

Речь идет о том, что модель государственного управления имперской России, основанной на Табели о рангах, с течением времени породила довольно многочисленный слой профессиональных управленцев – чиновников, способствуя образованию особого сословия – бюрократии. При той практике, что самый нижний классный чин предоставлял личное дворянство, а также в условиях перманентного дефицита чиновников, дворянство потеряло монополию на соучастие с царствующей династией в управлении. Выходцы из разночинной, духовной, купеческой среды все в большем количестве пополняли ряды государственных служащих. Нас же интересует, какие явления сопутствовали процессу профессионализации управленцев в указанный период.

Рост чиновничества в имперской России сопровождался постепенным снижением роли семейных связей при назначении на те или иные должности. Исследователи называют разные периоды, когда данная тенденция стала различимой (начало XIX в. после учреждения министерств или эпоха Великих реформ). Но важно зафиксировать саму направленность. По словам О.Н. Чернышевой, «прийти в нужный департамент часто можно было с помощью протекции известного человека, однако в дальнейшем необходимо было на деле подтверждать свою компетентность» [8, с. 47]. Соответственно служебная карьера больше строилась на основе собственных усилий чиновника. В этой связи уместно обратиться к судьбе будущего военного министра при Александре II Д.А. Милютин. В

своих воспоминаниях он указывает, что в некоторых вопросах относительно положения его семьи и будущей службы самого молодого человека принимал участие дядя Дмитрия Александровича П.Д. Киселев, государственный деятель первой половины XIX в. [9, с. 46, 75 и др.]. Однако, как мы знаем, Д.А. Милютин являл собой «образцового» чиновника, добившегося успехов на службе благодаря личным усилиям.

Следует указать на определенную «рационализацию» политического бытия самой династии Романовых. С одной стороны, известно, какое значение имели члены все более разраставшейся династии в той или иной сфере жизнедеятельности. Немалое влияние приобретали при дворе императора великие князья. Зачастую на высокие государственные и военные посты назначались близкие родственники императора вплоть до падения монархии. С другой стороны, к концу XIX в. намечаются и иные тенденции. Так, Александр III законом об императорской фамилии «ограничил» членство в царствующем семействе, вел достаточно экономную политику по отношению к многочисленной родне, «рационализировал» некоторые практики общения [10, с. 378–379].

Новые явления в практике государственного управления не следует переоценивать. Традиционные для правительственных кругов покровительство и патронаж сохраняются. И это закономерно, если согласиться с тем, что бюрократия стремится выстроить служебные отношения по модели межличностных [11, с. 82]. Но и здесь обратим внимание на нюансы. А. Дж. Риббер, описывая политическую культуру эпохи Великих реформ, показывает, что складывание политических группировок зачастую происходило по принципу «идейной», профессиональной идентификации (инженеры, экономисты) [12]. Дело в том, что к тому времени бюрократия уже была зрелой корпорацией со своими интересами, ценностями, сообщавшими ей определенную замкнутость. Хотя это следует понимать именно в социокультурном плане, а не социально-правовом.

Показательны в этом отношении брачные стратегии в чиновничьей среде. Как уже упоминалось, характер брачных связей является одним из факторов воспроизводства элитной семьи. В XVIII в. государственные служащие, идентифицировавшие себя еще больше по тому сословию, из которого вышли, старались породниться с представительницами данного сосло-

вия. Однако ситуация несколько меняется с начала XIX в. По наблюдениям Ю.В. Бодровой, в г. Твери, например, увеличивались браки служащих с дворянками и дочерьми канцелярских служащих. По ее словам, «брак с представительницей дворянско-чиновничьей среды является своеобразным пропуском в круг ее общения, где можно заручиться поддержкой влиятельных людей для быстрого продвижения по службе» [13, с. 108–109]. Это позволяет сделать вывод о складывании *чиновничьих династий* и корпоративизации бюрократии в то время.

В этой связи необходимы некоторые пояснения. Согласно подсчетам исследователей, число потомственных чиновников на государственной службе становится значительным уже к середине XVIII в. (49 %) и на протяжении всего имперского периода до 1917 г. сохраняет ядро в пределах 40 % [14, с. 497]. Однако для того чтобы стать фактором династичности, профессиональная преемственность должна стать осознаваемой ценностью члена семьи. И фактор брачных связей действительно необходимо расценивать в качестве маркера данного процесса. С той лишь поправкой, что выстраивание круга общения чиновником вряд ли преследовало только лишь утилитарные цели. Скорее лучше говорить о конструировании комфортного социокультурного пространства, соответствующего профессиональной среде.

Следующим фактором, определяющим профессиональные стратегии, является образование. Оно способствовало скорости продвижения по службе. Для замещения определенных классов чинов требовался и соответствующий уровень образования. Административная же элита формировалась с помощью специальных учебных заведений, среди которых можно назвать юнкерскую школу, основанную в 1797 г. Следует при этом иметь в виду саму практику, подкреплявшую высокий статус образования в элитных семьях. Внимательное к нему отношение в дворянских семьях является притчей во языцех. Тот же Д.А. Милютин неоднократно упоминает, как его отец заботился об уровне знаний сыновей. Хотя следует учитывать дифференциацию между высшим, средним и низшим звеньями государственного управления, в целом можно сказать, что чиновничья среда воспроизводила эту модель. Особенно в пореформенный период, когда резко повысился уровень профессионализации всех видов деятельности. Это позволяет современным историкам

утверждать, что к 1917 г. «страной управляла сравнительно однородная, высокообразованная, профессионально-служилая чиновная масса» [14, с. 506], для которой фактор происхождения, связей отходит на второй план, уступая место личным талантам, образованности, почету государственной службы. С другой стороны, избегая излишне идиллической картины, можно говорить о постепенном складывании в поздней империи нового типа чиновника как реалиста-практика, преодолевавшего «стереотипные» качества управленца, порождаемого бюрократической средой [11, с. 85].

Трансформации политической и социальной структуры общества в России после 1917 г. породили иные формы и тенденции государственного управления. В условиях кризиса происходила определенная реинкарнация традиционалистских неформальных практик в данной сфере, основанных на семейственности. В первую очередь их демонстрировала сама политическая элита. Ленинская гвардия в 1920–30-е гг. в немалой степени напоминала большой семейный клан, с характерными признаками закрытой корпорации: «Их сыновья и дочери ходили в одни и те же школы, вступали в брак с дочерьми и сыновьями других старых большевиков, с которыми вместе росли. Родство играло свою роль... Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Молотов и Сталин... женились на старых большевичках или дочерях старых большевиков, первые трое вообще породнились между собой. Родители подбирали для детей подходящую партию, браки с посторонними, не принадлежащими к той же касте, случались весьма редко» [15, с. 58]. Характерным примером, правда, немного более позднего времени выступает брак Ю.А.Жданова, сына члена Политбюро ЦК ВКП(б) А.А.Жданова, и дочери И.В. Сталина С.И. Аллилуевой.

Причем роль родственных связей могла проявляться и в более опосредованных отношениях. Так, А.И.Аджубей, зять Н.С.Хрущева, был главным редактором «Комсомольской правды» и «Известий», членом ЦК КПСС. И после снятия Хрущева с высших должностей в 1964 г. Аджубей также был лишен своих постов. Не менее репрезентативным примером служит карьера Ю.М. Чурбанова, зятя Л.И. Брежнева, покатавшаяся вниз после смерти тестя.

«Семейный» фактор в советскую эпоху сочетался с процессом формирования и расцвета номенклатуры, наложившей серьезный отпеча-

ток на практики партийно-государственного управления. Дело в том, что проистекавшая из функционирования номенклатуры система привилегий неизбежно вовлекала в эту сферу и семью ответственного работника, создавая для нее закрытую зону существования. По словам М. Восленского, «номенклатурное семейство в СССР может пройти весь жизненный путь – от родильного дома до могилы: работать, жить, отдыхать, питаться, покупать, путешествовать, развлекаться, учиться и лечиться, не соприкасаясь с советским народом...» [16, с. 318]. Обратимся к случаю В.И. Сталина, судьба которого отразила противоречия системы управления того времени в целом. Забегая вперед, отметим, что сталинская кадровая политика носила антиклановый характер. Закономерным поэтому следует признать тот факт, что его дети не вошли в партийную элиту страны. Однако это несколько не мешало пользоваться «семейными» привилегиями. Как вспоминала С.И. Аллилуева о своем брате, «его тащили за уши наверх, не считаясь ни с его силами, ни со способностями, ни с недостатками, – думали “угодить” отцу... Он не считался с казной, ему было дано право распоряжаться в округе огромными суммами... ему давали ордена, погоны, автомобили, лошадей...пока он был нужен» [17, с. 160–161]. Отметим также, что управлением системы образования для «своих» детей номенклатура решала важную экзистенциальную проблему своего существования. Через спецшколы (с конца 30-х гг.), элитные вузы (МГИМО), наконец, закрытые учреждения типа Высшей партийной школы, Дипломатической академии, Академии внешней торговли и др., номенклатура обеспечивала механизм своего собственного воспроизводства [16, с. 326].

Характеристики среднего звена партийно-государственного управления в СССР нагляднее всего просматриваются в эволюционном аспекте. В условиях относительной слабости центрального аппарата власти в 1920-е гг. о своей субъектности заявила региональная политическая элита. Отличительным признаком ее функционирования являлись патронажно-клиентские связи. Складывалась такая практика, когда назначенцы на руководящие посты прибывали со своей командой, оформляя таким образом на местах «артели». Наглядным примером может служить опыт образования «замкнутой мафии» в Смоленской губернии в 1928 г. первым секретарем губкома Д.А. Павлюченко со своими дру-

зьями и родственниками. Возможно, спусковым крючком начала Большого террора явилось создание в Ярославской области в 1936 г. своего клана первым секретарем А.Р.Вайновым, привезшим на новое место своего назначения 23 человека [15, с. 248–252]. Неслучайно поэтому в Москве в данных практиках видели основную угрозу эффективности управления регионами. В 1933 г. И.В. Сталин высказывал первому секретарю Казахского крайкома Л.И. Мирзояну: «... не таскай за собой своих приятелей ни из Азербайджана, ни с Урала, а выдвигай людей в Казахстане, не отгораживайся от местных людей...» (цит. по: [18, с. 118]).

Собственно феномен репрессий заключает в себе как составляющую борьбу Сталина с региональной клановой системой и выстраиванием новой кадровой политики. К ее элементам относились, помимо прочего: метод перекрестного назначения, непрерывные перемещения с одного региона в другой, чистки и др. [19]. Важно обратить внимание на противоречивый характер новой кадровой системы, предполагавшей, с одной стороны, возможности вертикальной социальной мобильности. По словам Д. Журавлева, «у молодежи имелись возможности войти во властные институты, поэтому карьера в государственной структуре казалась привлекательной для молодых людей» [20, с. 62]. Соответственно формализованные, бюрократические процедуры должны были обеспечивать устойчивость системы управления, что в перспективе приводило к *преемственности* возобновлению кадровых ресурсов. Однако методы чрезвычайщины и практика «обвальной сменяемости кадров» делали саму систему непостоянной и нестабильной. В результате с 1953 г. кадровая политика вновь была пересмотрена, а система управления после экспериментов Н.С. Хрущева окончательно стабилизировалась. В ее основе лежал территориальный принцип назначений, который приводил к образованию группировок на местах. Устроенные по системе горизонтальных связей лично преданных друг другу людей, они дали повод современному историку говорить о воскрешении «политических чиновничьих “семейных” кругов» [15, с. 55]. Точнее данные группировки чиновников называть все же кланами, совмещавшими реальную и искусственную семейственность. Эпоха Л.И. Брежнева явилась временем их расцвета, когда регионы, особенно национальные республики, становились кор-

рупированными «вотчинами» управлявших ими первых секретарей.

Наконец, обратимся к генеалогическим параметрам советских управленцев, чтобы поставить проблему потенциальности создания потомственного чиновника в СССР. После коренной ломки политической и социальной структуры трудно говорить об отношениях профессиональной преемственности в среде государственных служащих. Родители условно первых поколений управленцев (до середины XX в.) еще были заняты физическим трудом. Да и сами работники часто начинали свою трудовую деятельность в сельском хозяйстве. К примеру, в 1960 г. региональная политическая элита на 70 % была сельского происхождения [21, с. 173]. Идентификационной «скрепой» для партийно-государственного аппарата выступал классовый принцип отбора на должности (из рабочих, крестьян и других «близких» им социальных категорий). Таким образом, конструировалась «виртуальная» преемственность в управленческой деятельности.

В последующем, по мере повышения уровня образованности управленческих кадров, эволюции карьерных стратегий (когда образование предшествует должности, а не наоборот) [21, с. 186], происходила профессионализация управленческого труда. К примеру, в 1960-е гг. формируется технократическая элита («хозяйственники»), ставшая играть заметную роль в политической жизни страны [22, с. 446]. В целом можно говорить о процессе выработки соответствующей профессиональной культуры советского чиновника. Однако номенклатура, не исключавшая вертикального продвижения, но основанная на примате горизонтальных связей, оказывала на этот процесс существенное, развращающее влияние. С другой стороны, у советской системы не хватило исторического времени. Смена поколений управленческих кадров совпадала с периодами административных и политических трансформаций при Сталине, Хрущеве, Горбачеве.

В постсоветский период, в 1990-е гг., в условиях очередной регионализации элиты на фоне слабости центра, появления фактора выборов формировалось специфическое нестабильное политическое пространство. Д.Г. Сельцер показал, что, по результатам выборов, с 1994 по 2005 г. к власти на местах приходили разные типы политических элит [23, с. 20], что приводило к оформлению кланов политико-экономических интересов, но не способствовало

установлению политической преемственности. Символом указанных процессов выступила «семья» президента Ельцина как пример клановости в высших эшелонах власти [24].

Подведем итоги. Российский исторический опыт государственного управления в условиях перехода от традиционного общества к современному характеризуется в том числе формированием профессиональной чиновничьей среды. При этом социальное размыкание в XVIII в. сферы государственного управления, не допуская более ее сословной монополизации, сочеталось с процессом корпоративизации служащих. Необходимость многочисленного аппарата управления со временем с неизбежностью приводила к появлению значительного числа потомственных чиновников, что благоприятно сказывалось на формировании профессиональных династий (в условиях монополии на власть собственно политической династией являлась семья Романовых). Определенные брачные стратегии формировали профессиональный круг общения, направленный на воспроизводство бюрократической среды. Однако следует учитывать, что эволюция государственного управления в сторону рационализации в течение XIX в. приводила к постепенной элиминации роли семейных связей при выстраивании служебных карьер в пользу учета личных качеств, образованности. Точнее сказать, данный фактор стал играть все более опосредованную роль при сохранении в политической среде практик покровительства и протекционизма. Поэтому о «династичности» следует говорить прежде всего в контексте преемственности самого профессионального выбора, становлении потомственной профессиональной культуры чиновника. Неслучайно, что в его профессиональном этосе важное место занимала идея привилегированности государственной службы. В этом смысле понятие «династичности» выступает скорее как преодоление «семейственности».

Советский опыт государственного управления имел свои особенности. На высшем политическом уровне в течение десятилетий можно было наблюдать воспроизводство традиционалистских практик семейственности как в непосредственном (браки внутри элиты), так и в более опосредованном планах (выстраивание карьер родственников). При этом феномен советской номенклатуры создавал дополнительные механизмы для оформления корпоративной по-

литической системы закрытого типа, функционировавшей на основе горизонтальных связей.

Практики регионального управления на протяжении всего советского периода демонстрировали стабильное стремление к созданию такого механизма, который обуславливал устойчивое воспроизводство региональных элит в условиях примата неформальных, кланово-семейных отношений. Исключением выглядит сталинская попытка закрепления формализованной кадровой политики, основанной на вертикальных связях, для реализации абсолютной управляемости системой. Однако ее противоречивый характер (социальная открытость сочеталась с чрезвычайщиной) привел к скорейшему демонтажу после смерти ее автора.

Прерывный характер политико-экономического развития страны сказывался на росте профессионализации труда партийно-государственного служащего. Низкий уровень образованности работника, кадровые чистки негативным образом отражались на перспективах этого процесса. С другой стороны, номенклатурность системы управления оказывала развращающее влияние на характер выстраивания индивидуальных профессиональных стратегий. Сохранявшаяся монополия власти партийно-государственной номенклатуры позволяет говорить лишь о вызревании элементов династичности. Однако элементы архаичной политической культуры советской административной системы скорее препятствовали ее становлению в профессиональной чиновничьей среде, чем создавали для этого возможности в отличие от имперского опыта.

В 1990-е гг. в условиях политико-хозяйственного кризиса, клановости, смены элит новое административно-политическое пространство также не способствовало зарождению преемственной профессиональной культуры чиновника.

Литература

1. Моска Г. Правящий класс // СОЦИС. 1994. № 10. С. 187–198.
2. Dal Bo E., Dal Bo P., Snyder J. Political Dynasties // Review of Economic Studies. 2009. Vol. 76. P. 115–142.
3. Барков С., Дорохина О. Политическая история семейственности // Родина. 2010. № 8. С. 28–31.

4. Колесник Н.В. Практики воспроизводства российской элиты: неформальный аспект // Власть и элиты. 2017. № 4. С. 10–30.

5. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций : в 3 кн. Ростов н/Д. : Феникс, 1998. Кн. 1. 608 с.

6. Большакова О.В. Российская империя: система управления (Современная зарубежная историография): аналитический обзор. М. : ИНИОН РАН, 2003. 92 с.

7. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб. : Искусство-СПБ, 2001. 479 с.

8. Чернышева О.Н. Государственная служба в России: факты истории // Вестн. МГУУ. 2015. № 4. С. 45–49.

9. Милютин Д.А. Воспоминания. Томск : Военная академия, 1919. Т. 1, кн. 1–3. 434 с.

10. Уортман Р. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. М. : ОГИ, 2004. Т. 2. 796 с.

11. Очерки русской культуры XIX в. Т. 2 : Власть и культура. М. : МГУ, 2000. 480 с.

12. Рибер А. Дж. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // Великие реформы в России. 1856–1874 : сб. М. : МГУ, 1992. С. 44–72.

13. Бодрова Ю.В. Чиновничество в социокультурном пространстве провинциального общества конца XVIII – первой трети XIX века // Вестн. ТвГУ. История. 2018. № 1. С. 104–112.

14. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2015. Т. 2. 912 с.

15. Гетти А. Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция. М. : РОССПЭН, 2016. 374 с.

16. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского союза. М. : Советская Россия, 1991. 624 с.

17. Аллилуева С.И. Двадцать писем к другу. М. : Известия, 1990. 176 с.

18. Люшилин Е.Л. Эволюция патронажных связей в среде региональных советско-партийных кадров: 1920–1937 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1 (27), ч. II. С. 115–119.

19. Журавлев Д.И. Клановость и кадровая политика в СССР // Закон и право. 2012. № 10. С. 117–120.

20. Журавлев Д.И. Государственная кадровая политика как фактор формирования политической элиты в СССР и Российской Федерации: сравнительный анализ : дис. ... канд. полит. наук. М., 2015.

21. Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь : Кн. изд-во, 2003. 238 с.

22. Айранетов В.А. Динамика качественных характеристик административно-политической элиты СССР в «эпоху» Н.С. Хрущева: историко-политический анализ // Вестн. ТГУ. 2008. Вып. 2 (58). С. 441–448.

23. Сельцер Д.Г. Политическая трансформация номенклатурной организации власти в России (субрегиональный уровень, 1985–2005 гг.) : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2007. 44 с.

24. Орлова Г. Семь «Я» президента: призрак родства в российской политике 1990-х годов // Семейные узы: модели для сборки : сб. ст. Кн. 2. М. : Новое литературное обозрение, 2004. С. 297–323.

References

1. Moska G. Pravyashchii klass [Ruling class]. SOTSIS. 1994, No. 10, pp. 187-198.

2. Dal Bo E., Dal Bo P., Snyder J. Political Dynasties. *Review of Economic Studies*. 2009, vol. 76, pp. 115-142.

3. Barkov S., Dorokhina O. Politicheskaya istoriya semeistvennosti [The Political History of Nepotism]. *Rodina*. 2010, No. 8, pp. 28-31.

4. Kolesnik N.V. Praktiki vosproizvodstva rossiiskoi elity: neformal'nyi aspekt [The Reproduction Practices of the Russian Elite: an Informal Aspect]. *Vlast' i elity*. 2017, No. 4, pp. 10-30.

5. Klyuchevskii V.O. *Russkaya istoriya. Polnyi kurs lektsii* [Russian History. Course of Lectures]. In 3 books. Rostov-on-Don: Feniks, 1998, book 1, 608 p.

6. Bol'shakova O.V. *Rossiiskaya imperiya: sistema upravleniya (Sovremennaya zarubezhnaya istoriografiya)* [Russian Empire: Management System (Modern Foreign Historiography)]. Analytical Review. Moscow: IN-ION RAN, 2003, 92 p.

7. Shepelev L.E. *Chinovnyi mir Rossii: XVIII – nachalo XX v.* [World of Russian Officials: 18th - beginning of the 20th century]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2001, 479 p.

8. Chernysheva O.N. Gosudarstvennaya sluzhba v Rossii: fakty istorii [Public Service in Russia: Facts of History]. *Vestn. MGUU*. 2015, No. 4, pp. 45-49.

9. Milyutin D.A. *Vospominaniya* [Memories]. Tomsk: Voennaya akademiya, 1919, vol. 1, books 1-3, 434 p.

10. Uortman R. *Stsenarii vlasti: mify i tseremonii russkoi monarkhii* [Power Scenarios: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy]. Moscow: OGI, 2004, vol. 2, 796 p.

11. *Ocherki russkoi kul'tury XIX v.* [Essays on Russian Culture of 19th century]. Vol. 2: Power and Culture. Moscow: MGU, 2000, 480 p.

12. Riber A. Dzh. [Group Interests in the Struggle Around the Great Reforms]. *Velikie reformy v Rossii. 1856–1874* [Great Reforms in Russia. 1856-1874]. Col. Moscow: MGU, 1992, pp. 44-72.
13. Bodrova Yu.V. Chinovnichestvo v sotsiokul'turnom prostranstve provintsial'nogo obshchestva kontsa XVIII – pervoi treti XIX veka [The Officialdom in the Socio-cultural Space of the Provincial Society at the End of the 18th - the First Third of the 19th Century]. *Vestn. TvGU. Istoriya*. 2018, No. 1, pp. 104-112.
14. Mironov B.N. *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: from Tradition to Modernity]. In 3 vol. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2015, vol. 2, 912 p.
15. Getti A. *Praktika stalinizma: Bol'sheviki, boyare i neumirayushchaya traditsiya* [The Practice of Stalinism: Bolsheviks, Boyars and Undying Tradition]. Moscow: ROSSPEN, 2016, 374 p.
16. Voslenskii M.S. *Nomenklatura. Gospodstvuyushchii klass Sovetskogo soyuza* [Nomenclature. The Ruling Class of the Soviet Union]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1991, 624 p.
17. Allilueva S.I. *Dvadsat' pisem k drugu* [Twenty Letters to the Friend]. Moscow: Izvestiya, 1990, 176 p.
18. Lyushilin E.L. Evolyutsiya patronazhnykh svyazei v srede regional'nykh sovetsko-partiinykh kadrov: 1920–1937 gg. [The Evolution of Patronage Ties among Regional Soviet-party Cadres: 1920-1937]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2013, No. 1 (27), part II, pp. 115-119.
19. Zhuravlev D.I. Klanovost' i kadrovaya politika v SSSR [Clanism and Human Resources Policy in the USSR]. *Zakon i pravo*. 2012, No. 10, pp. 117-120.
20. Zhuravlev D.I. *Gosudarstvennaya kadrovaya politika kak faktor formirovaniya politicheskoi elity v SSSR i Rossiiskoi Federatsii: sravnitel'nyi analiz: dis. ... kand. polit. nauk* [State Personnel Policy as a Factor in the Formation of the Political Elite in the USSR and the Russian Federation: a Comparative Analysis]. Moscow, 2015.
21. Mokhov V.P. *Regional'naya politicheskaya elita Rossii (1945–1991 gg.)* [The Regional Political Elite of Russia (1945-1991)]. Perm: Kn. izd-vo, 2003, 238 p.
22. Airapetov V.A. Dinamika kachestvennykh kharakteristik administrativno-politicheskoi elity SSSR v «epokhu» N.S. Khrushcheva: istoriko-politicheskii analiz [The Dynamics of the Qualitative Characteristics of the Administrative and Political Elite of the USSR in the N.S. Khrushchev Era: Historical and Political Analysis]. *Vestn. TGU*. 2008, iss. 2 (58), pp. 441-448.
23. Sel'tser D.G. *Politicheskaya transformatsiya nomenklaturnoi organizatsii vlasti v Rossii (subregional'nyi uroven', 1985–2005 gg.): avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk* [The Political Transformation of the Nomenclature Organization of Power in Russia (Subregional Level, 1985-2005)]. Moscow, 2007, 44 p.
24. Orlova G. [The President's Family: The Ghost of Kinship in Russian Politics of the 1990s]. *Semeinye uzy: modeli dlya sborki* [Family Ties: Models for Assembly]. Col. Art. Book 2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004, pp. 297-323.

СПЕЦИФИКА АФРИКАНСКОЙ МИГРАЦИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИЮ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭПОХИ (XVI – XIX ВВ.)

© 2019 г. Г.А. Карпов ^а

^а Институт Африки Российской академии наук, Москва, Россия

THE SPECIFICS OF AFRICAN MIGRATION TO BRITAIN OF THE COLONIAL ERA (16-19th CENTURIES)

G.A. Karpov ^а

^а Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Карпов Григорий Алексеевич –
кандидат исторических наук,
младший научный сотрудник,
Институт Африки Российской академии наук,
ул. Спиридоновка, 30/1, Москва, 123001, Россия.
E-mail: grigoriyal@inbox.ru

Grigory A. Karpov -
Candidate of History, Junior Researcher,
Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences,
Spiridonovka St., 30/1, Moscow, 123001, Russia.
E-mail: grigoriyal@inbox.ru

История пребывания африканцев на территории современной Великобритании, по данным археологии, начинается с I в. н.э. Этой исторической эпохой датируются древнейшие захоронения людей африканского происхождения в пределах Лондона (основан римлянами в 43 г. н.э.). Будущая столица Британской империи уже тогда была заметным поселением, где проживали отставные военные, торговцы, мореплаватели. Город имел довольно разнообразный этнический состав, включавший представителей многих народов Римской империи. Вполне логичными здесь выглядят и следы проживания выходцев из Африки.

Ключевые слова: миграция, Великобритания, эпоха, африканцы.

The history of Africans' existence in the territory of modern Great Britain, according to archaeology, begins from the I century A.D. The oldest burials of people of African origin within London (founded by the Romans in 43 A.D.) are dated from this historical era. The future capital of the British Empire was already a notable settlement, home for retired soldiers, merchants, and seafarers. The city had a fairly diverse ethnic composition, which included representatives of many peoples of the Roman Empire. Traces of the residence of immigrants from Africa also seem quite logical here.

Keywords: migration, Great Britain, epoch, Africans.

В 1953 г. в Восточном Сассексе были обнаружены останки женщины-африканки, относящиеся приблизительно к 245 г. н.э. [1, 2]. В 2013 г. археологические находки вновь подтвердили присутствие африканцев на Британских островах в средние века, возраст найденных захоронений был датирован промежутком времени с 896 г. по 1025 г. [3].

Редкое обнаружение следов присутствия людей африканского происхождения говорит нам, вероятно, о случайном попадании представителей Африки на территорию страны. Впрочем, достоверно утверждать, что африканцы не проживали на постоянной основе в средневековой Англии, нельзя. Соответствующие источники информации могли просто не сохраниться до наших дней.

Говоря о европейской работорговле, мы не можем игнорировать тот факт, что торговля людьми процветала в Африке и до эпохи колониализма. Африканский континент как источник живого товара фигурирует в исторических анналах с древнейших времен. Рабов-африканцев вывозили в Египет, Финикию, Грецию, Рим, Византию, Персию, Аравию, Турцию. Рудиментарно рабство и работорговля не изжиты в Африке (Мавритания, Судан, Сомали, Нигер) до сих пор.

Арабская работорговля, распространенная, прежде всего, в Северной и Юго-Восточной Африке, в отличие от европейской в течение Нового времени никогда не прекращалась. В XIX в. европейцы вообще работорговлю законодательно запретили и в меру сил и возможно-

стей боролись с ней в Африке. Торговля рабами была приравнена к пиратству. Некоторых восточноафриканских правителей в середине и второй половине XIX в. британцы вынудили подписать соглашения о запрете работорговли. Фактически же арабы-работорговцы продолжали заниматься своим промыслом даже в XX в. В отношении к институту рабства властные элиты многих мусульманских стран, особенно в Саудовской Аравии, не испытывали в прошлом и не испытывают сейчас ни малейшей рефлексии.

Английская исследовательница М. Шервуд (M. Sherwood) отмечала, что в Британии отношение к африканцам ухудшалось по мере расширения колониальных владений и подъема работорговли. После начала активного завоза рабов из Африки в Северную Америку африканцев стали воспринимать как источник обогащения. Распространялась идея о том, что они только выиграют от порабощения, поскольку познакомятся с достижениями европейских стран. Широкое распространение позднее, на рубеже XVIII – XIX вв., получают идеи мессианства и продвижения цивилизации через христианизацию [4].

Вопрос о существовании потока рабов в саму Англию и соответственно масштабе присутствия там африканцев именно в качестве рабов остается весьма дискуссионным. Нет сведений о проведении в метрополии крупных аукционов по продаже рабов. Вероятно, африканцев в качестве рабов и личной прислуги могли оставлять себе капитаны, занимавшиеся работорговлей, но говорить о широком распространении этого явления не приходится.

Основной поток африканских рабов шел в североамериканские колонии, но поскольку трансатлантическая торговля не носила исключительно односторонний характер, часть африканцев (в статусе рабов и свободных) оседала в английских портовых городах. В 1730-х гг. африканцы-моряки сформировали, наверное, старейшую на Британских островах общину – в Ливерпуле [5]. Главная причина возникновения первой африканской коммуны именно в этом портовом городе проста. Ливерпуль в XVIII в. был одним из центров работорговли. К 1795 г., например, более половины (62,5 %) всей европейской торговли невольниками проходило через этот порт.

К 1770-м гг. можно говорить о существовании на туманном Альбионе уже четырех больших африканских анклавов – в Ливерпуле, Лон-

доне, Бристоле и Портсмуте [6]. Состав населения общин африканцев в Англии в конце XVIII в. разбавили лоялисты из числа невольников. После войны Североамериканских штатов за независимость 1775–1783 гг. незначительное число африканских рабов (за содействие английским войскам) получили свободу и смогли приехать на постоянное местожительство в метрополию.

Одной из возможностей для африканцев остаться в Англии была служба на флоте (торговом и военном). До 3 % моряков королевского флота в североамериканских колониях накануне Американской революции имели африканское происхождение. Службу на британском флоте того времени нельзя было назвать легкой. И африканцы, и британцы подвергались физическим наказаниям, с ними, как правило, не заключали прямые трудовые договора, работодатель мог фактически не платить им заработанные средства [7].

Положение свободных африканцев в метрополии в целом было близко к положению беднейших слоев английского общества. Не всегда благосостояние свободных африканцев-моряков было выше, чем, например, у африканцев-слуг, находящихся в статусе рабов. Кроме того, в те времена был широко распространен принудительный детский и подростковый труд без всяких скидок на цвет кожи и этническое происхождение. Свободное положение африканцев после отъезда из Англии не подтверждалось властями [6].

До отмены рабства в 1807 г. свободные африканцы-моряки в Англии не всегда обладали четким правовым статусом. С одной стороны, в британском флоте рабы практически не служили, централизовано их в метрополию не завозили. С другой стороны, рабский труд широко применялся в колониях, а работорговля в XVII – XVIII вв. успешно развивалась по обе стороны Атлантики. При таком раскладе неизбежны ситуации, когда свободные африканцы могли быть порабощены, а беглые рабы из Северной Америки выдавали себя за свободных моряков. Судьба африканцев, кем им быть, свободными или рабами, часто зависела от решения капитана судна, где волею судеб они оказались [6].

История сохранила несколько имен африканцев, служивших в армии и на флоте в конце XVIII – начале XIX в. Среди них был капитан Джон Перкинс [8], вероятно, первый офицер-мулат в Королевском флоте Великобритании.

Натаниел Веллс [9], имевший валлийско-африканское происхождение, стал не только офицером британской армии, но и первым африканцем, занявшем пост верховного шерифа (в уэльском графстве Монмутшир) [10].

Можно предположить, что второй по заметности и численности группой африканцев после моряков были слуги. Первые сведения о слугах-африканцах, как мы могли видеть выше, относятся к XVI в. Рацвет моды на слуг африканского происхождения среди английской аристократии пришелся на XVIII в.

Слуги мужского пола были признаком высокого статуса, среди них была своя иерархия и специализация. Мальчики-пажи сопровождали дам из нобилитета вне дома. На кухне молодые африканцы часто становились помощниками поваров. Лакеи передавали письма, визитки, сообщения, бронировали для хозяев жилье на выездах и во время путешествий. Камердинер поддерживал в порядке снаряжение и одежду. Дворецкий присматривал за домашним имуществом, закупал продукты питания. Для управления большими хозяйствами привлекался стюард. Женщины обычно были горничными или простыми домработницами [11].

XIX в. в вопросе о присутствии и роде занятий африканцев в Великобритании примечательны несколькими обстоятельствами.

Во-первых, к 1840-м гг. практически полностью исчезают упоминания о выходцах из Африки, служивших на военно-морском флоте. С начала викторианской эпохи и вплоть до Первой мировой войны сохранялся официальный курс на исключение из армии мужчин африканского происхождения. Игнорировался этот курс только в отношении тех африканцев, кто имел востребованные вспомогательные специальности (кочегары, плотники, бондари) [12, р. 11].

Во-вторых, африканцы после отмены рабства в 1807 г. начали постепенно укреплять свои позиции в сфере оказания услуг и развлечений. Перестав быть чьим-то движимым имуществом, бывшие рабы стали экономически свободными и включились в капиталистические отношения. Объявления о поиске и предложении работы викторианской эпохи все чаще стали содержать вполне определенные упоминания об африканцах как об участниках рынка труда [13, р. 169].

Африканцы стали востребованы. В печатных органах нередко размещались объявления о поиске «цветных» работников с указанием, что небелый цвет кожи есть обязательное условие

для соискателей. Возможно, экзотическое происхождение работника повышало статус работодателя или работодатель, уже имея несколько «цветных» сотрудников, подбирал таких же для большей эффективности труда, не исключено, что указание цвета гарантировало неприязнательность соискателей [13].

В последней четверти XIX – начале XX в. африканцы мужского пола обычно искали работу в сфере услуг, быта и домашнего хозяйства (дворецкий, камердинер, кучер, конюх, лакей, путешествующий слуга, официант, бармен, повар), а также развлечений (клоуны, музыканты, танцоры, дрессировщики, канатоходцы). Женщины занимали вакансии медсестер, сиделок, горничных, уборщиц [13].

Развлекательная сфера стала уделом многих африканцев с XVI в., когда в Англии появились этнографические шоу. Мигранты из Африки в подобных мероприятиях часто были всего лишь живыми экспонатами. Во второй половине XIX в. такие перформансы в связи с продвижением Великобритании на Африканском континенте стали особенно популярны. Они представляли из себя демонстрацию африканцев из различных племен и народностей. Большим успехом пользовались шоу с участием пигмеев, зулусов, бушменов [12, р. 15–16].

Африканцы также участвовали в театрализованных представлениях, где, как правило, играли отрицательные или малозначительные роли. Для викторианской Англии были нередки успешные карьеры отдельных призывных из Африки в узких сферах (боксеры, певцы, актеры, музыканты) [14].

Помимо этого, приезжие из Африки могли быть садовниками, каменщиками, шахтерами, мелкими бродячими торговцами [11]. К рубежу XIX – XX вв. встречаются сведения об африканцах, работавших в автомобильной промышленности, инженерах, строителях, пекарях [15, р. 174].

Совсем незначительную категорию африканцев в Великобритании XVIII – XIX вв. представляли дети [16] и студенты, отправленные на обучение в метрополию. Это могли быть выходцы из африканской элиты [17], будущие кадры для миссионерских структур, военные [18], служащие колониальных компаний. В последней четверти XIX в. практиковалась отправка на несколько месяцев в Великобританию полицейских из западноафриканских колоний для обучения на специальных курсах при военных учебных заведениях [12, р. 11].

Очень активна в этом отношении была западноафриканская знать, ее представители использовали любую возможность для отправки в Великобританию молодых людей на обучение. Юноши из племенной верхушки получали востребованные специальности врача, юриста, торговца [12, р. 3].

Вопрос о численности африканских мигрантов в Великобритании колониальной эпохи остается весьма неясным. Как мы отметили выше, значительное число африканцев были матросами, перемещавшимися из одного порта в другой. К постоянному населению они не относились, в официальные документы попадали редко, от случая к случаю. Поводом для записи о присутствии африканцев мог послужить обычно тот или иной казус, например, нарушение закона, болезнь, смерть, трудоустройство на берегу, женитьба и т.д. Если ничего существенного или курьезного не происходило, мигранты из Африки могли не попадать в статистику десятилетиями [12, р. 6].

Информацию об африканцах, проживающих в стране в XVIII – XIX вв., можно почерпнуть из объявлений и заметок о поиске беглых рабов, преступников, военнослужащих, подмастерьев, слуг. Надо принять во внимание ограниченность и ситуативность этих данных. В объявлениях не всегда указывался цвет кожи и этническое происхождение. Даже при регистрации брака, когда один или оба супруга имели африканское происхождение, в метриках местных властей цвет кожи молодожёнов в обязательном порядке не фиксировался. Такие детали прописывались только в случае необходимости, когда такой брак нес изменение (повышение или понижение) социального статуса супругов, мог повлиять на вопросы наследования [11, р. 114–116].

Африканцы в Великобритании появлялись в прессе не только в процессе поиска работы. Они могли стать героями публикаций специализированного лондонского издания «Полис Ньюс» («Police News»), известного своим неравнодушием к скабрёзным новостям с криминальным уклоном [15, р. 173]. Этническое разнообразие стало визитной карточкой портовых городов Англии (особенно Лондона) достаточно давно. Уже с XVIII в. не редкостью было пребывание в Лондоне арабов, немцев, евреев, ирландцев, испанцев, французов. Африканцы к этому этнорелигиозному разнообразию добавляли свой колорит.

Неподтвержденные сведения из прессы говорят о том, что в 1764 г. в Лондоне проживало

около 20 тыс. слуг африканского происхождения [19]. Есть очевидно преувеличенные цифры о 30 тыс. африканцев, присутствовавших в XVIII в. на территории страны [20].

В 1787 г. британские власти вывезли около 4 тыс. африканцев из Лондона в колонию Сьерра-Леоне. Через пять лет к ним из Новой Шотландии присоединилась группа из приблизительно 1 тыс. африканских лоялистов. Они были эвакуированы из США после Войны за независимость, потому что выступали на стороне английских войск в обмен на освобождение от рабства.

Принимая во внимание эти обстоятельства, численность африканцев, проживавших в Великобритании в XVIII в. оценивается примерно в 10 тыс. человек [11, р. 114–116]. Не особо изменилась эта цифра и к рубежу XVIII – XIX вв. [21]. Хотя ряд исследователей склоняется к предположению, что в Англии XVIII в. вполне могло проживать и до 15 тыс. выходцев из Африки [22]. Это не так мало, как может показаться на первый взгляд, особенно, если учесть, что эта цифра составляла от 1 до 3 % всего населения Лондона в XVIII в. [23].

Значительное число сведений о возрасте африканцев относятся к группе 10–19 лет, меньше, но вполне сопоставима по частоте упоминаний группа 20–29 лет. Подрастающее поколение и люди старше 30 лет встречаются в записях крайне редко. В записи попадали, прежде всего, люди молодые, здоровые, способные к обучению языку и длительному тяжелому труду. Высокая физическая нагрузка и специфика деятельности (мореплавание, работа на дому) определили абсолютное преобладание среди африканцев в Англии мужчин (75–80 % от общей численности) [7, р. 69–71].

Как видим, по археологическим данным, первые африканцы на территории Британских островов появились приблизительно в I в. н.э. Согласно подтвержденным письменным источникам, присутствие выходцев из Африки становится в Англии постоянным с XVI в. Первые упоминания о заметном (несколько сотен человек) в масштабе всей страны пребывании африканцев относятся к правлению Елизаветы I.

Прибытие значительного числа представителей африканского континента в портовые города Англии (Лондон, Ливерпуль, Манчестер, Бристоль) и формирование там в XVIII в. их первых общин полностью совпадают с периодом становления британской колониальной им-

перии и расцвета европейской трансатлантической работорговли. После законодательного запрета этого бизнеса в 1807 г. приток африканцев в метрополию практически полностью прекратился. Численность выходцев из Африки, постоянно проживавших в Великобритании в XVIII – XIX вв., составляла приблизительно 10–15 тыс. человек.

Основными сферами деятельности, где использовался труд африканцев, были мореплавание, а также сфера услуг и развлечений. Мигранты из Африки занимали преимущественно низкоквалифицированные и плохо оплачиваемые рабочие места. Статус и материальное положение абсолютного большинства африканцев как свободных, так и зависимых, находящихся на положении рабов, был близок к положению бедных слоев английского общества.

Период миграции африканцев в Великобританию с XVI по XIX в. можно обозначить как эпизодический. Для данного этапа миграции характерны редкие и случайные упоминания о нахождении в стране выходцев из Африки. В это время отсутствовали стабильные каналы приезда африканцев. Правовой статус и вопрос о легальности пребывания в стране мигрантов из Африки далеко не всегда носили ясный характер.

Между тем именно этот этап заложил фундамент для качественного изменения африканской миграции в первой половине XX в. Выходцы из Африки заняли свою мало для кого привлекательную нишу в принимающем обществе. Их присутствие по крайней мере в портовых городах страны стало обыденной реальностью. Несколько выдающихся личностей из числа африканских мигрантов даже добились успеха и высокого положения в метрополии.

Литература и примечания

1. The surprising diversity of Roman London // Museum of London Docklands, June 1, 2018. URL: <https://www.museumoflondon.org.uk/discover/surprising-diversity-roman-london-docklands> (дата обращения: 10.07.2019).
2. Centuries old Beachy Head Lady's face revealed // BBC. February 1, 2014. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-england-sussex-25962183> (дата обращения: 10.07.2019).
3. Gover D. The First Black Briton? 1,000 Year Old Skeleton of African Woman Discovered by Schoolboys in Gloucestershire River. URL: <https://www.ibtimes.co.uk/fairford-sub-sahara-africa-skeleton-gloucestershire-507102> (дата обращения: 10.07.2019).

4. Sherwood M. British attitudes to 'others'. URL: <http://revealinghistories.org.uk/africa-the-arrival-of-europeans-and-the-transatlantic-slave-trade/articles/british-attitudes-to-others.html> (дата обращения: 11.07.2019).
5. Costello R. The Liverpool-born black community // Diverse Magazine. May 14, 2015. URL: <http://diversemag.co.uk/the-liverpool-born-black-community/> (дата обращения: 11.07.2019).
6. Foy Ch. R. "Unkle Sommerset's" freedom: liberty in England for black sailors // Journal for Maritime Research. 2011. Vol. 13, № 1. P. 21–36.
7. Chater K. Black People in England, 1660–1807 // Parliamentary History. 2007. Vol. 26. P. 68–80.
8. Джон Перкинс (ум. 1812 г., англ. John Perkins) – английский капитан смешанного афро-британского происхождения (точная дата и место рождения неизвестны). Участник войны Североамериканских штатов за независимость.
9. Натаниел Веллс (1779–1852, англ. Nathaniel Wells) – сын валлийского работорговца и африканской невольницы, унаследовавший состояние отца (плантации, рабы). Получил хорошее образование в Лондоне, владел большими земельными угодьями в Монмутшире, где занимал несколько высоких административных должностей (в т. ч. мирового судьи).
10. The London Gazette. January 27, 1818. № 17326. P. 188. URL: <https://www.thegazette.co.uk/London/issue/17326/page/188> (дата обращения: 11.07.2019).
11. Chater K. Job Mobility amongst Black People in England and Wales during the Long Eighteenth Century // Immigrants & Minorities. Historical Studies in Ethnicity, Migration and Diaspora. 2010. Vol. 28, Iss. 2–3: Belonging in Europe.
12. Killingray D. Africans in the United Kingdom: An introduction // Immigrants & Minorities. 1993. Vol. 12, Iss. 3: Africans in Britain.
13. Bressey C. Looking for Work: The Black Presence in Britain 1860–1920 // Immigrants & Minorities. Historical Studies in Ethnicity, Migration and Diaspora. 2010. Vol. 28.
14. Osborne D. Op. cit. P. 15–18.
15. Green J. Some findings on Britain's black working class, 1900–1914 // Immigrants & Minorities. Historical Studies in Ethnicity, Migration and Diaspora. 1990. Vol. 9, № 2.
16. К 1794 г. относятся сведения о присутствии в Ливерпуле от 50 до 70 африканских детей (Morning Gazette).
17. Король народа темне Наимбана II (Naimbanna) отправил двух сыновей на обучение в Европу, одного в 1785 г. во Францию, второго в 1791 г. в Англию. Саму-

ел Морока (Samuel Moroka), сын правителя тсвана, получал образование в Кентербери. Сыновья короля лози, Леваника I, в начале XX в. обучались в частной школе «Бетани скул» («Bethany School») графства Кент.

18. В 1850-х гг. военное министерство оплатило обучение трех африканцев из Сьерра-Леоне специальности армейского врача. Одним из них был Африкан Хортон, известный африканский писатель.

19. Такая численность африканских слуг («Negro servants») фигурировала в журнале «Gentleman's Magazine»

20. Газетные сведения (Morning Gazette).

21. What evidence is there of a black presence in Britain and north west England? // Revealing Histories. URL: <http://revealinghistories.org.uk/what-evidence-is-there-of-a-black-presence-in-britain-and-north-west-england.html> (дата обращения: 11.07.2019).

22. Frederick Douglass Project: Terry's Allen's "Blacks in Britain" Essay // River Campus Libraries. URL: <https://rbscp.lib.rochester.edu/2509> (дата обращения: 11.07.2019).

23. The First Black Britons // BBC. 17.02.2011. URL: http://www.bbc.co.uk/history/british/empire_seapower/black_britons_01.shtml (дата обращения: 11.07.2019).

References

1. The surprising diversity of Roman London. *Museum of London Docklands*. July 1, 2018. Available at: <https://www.museumoflondon.org.uk/discover/surprising-diversity-roman-london-docklands> (accessed 10.07.2019).
2. Centuries old Beachy Head Lady's face revealed. *BBC*. February 1, 2014. Available at: <https://www.bbc.com/news/uk-england-sussex-25962183> (accessed 10.07.2019).
3. Gover D. *The First Black Briton? 1,000 Year Old Skeleton of African Woman Discovered by Schoolboys in Gloucestershire River*. Available at: <https://www.ibtimes.co.uk/fairford-sub-sahara-africa-skeleton-gloucestershire-507102> (accessed 10.07.2019).
4. Sherwood M. *British attitudes to 'others'*. Available at: <http://revealinghistories.org.uk/africa-the-arrival-of-europeans-and-the-transatlantic-slave-trade/articles/british-attitudes-to-others.html> (accessed 11.07.2019).
5. Costello R. The Liverpool-born black community. *Diverse Magazine*. May 14, 2015. Available at: <http://diversemag.co.uk/the-liverpool-born-black-community/> (accessed 11.07.2019).
6. Foy Ch. R. "Unkle Sommerset's" freedom: liberty in England for black sailors. *Journal for Maritime Research*. 2011, vol. 13, No. 1, pp. 21-36.
7. Chater K. Black People in England, 1660-1807. *Parliamentary History*. 2007, vol. 26, pp. 68-80.
8. John Perkins (d. 1812) - an English captain of mixed Afro-British descent (the exact date and place of birth are unknown). Participant of the North American Independence War.
9. Nathaniel Wells (1779-1852) - the son of a Welsh slave trader and African slave who inherited his father's condition (plantations, slaves). He received a good education in London, owned large land in Monmouthshire, where he held several high administrative posts (including Magistrate).
10. *The London Gazette*. January 27, 1818, № 17326, p. 188. Available at: <https://www.thegazette.co.uk/London/issue/17326/page/188> (accessed 11.07.2019).
11. Chater K. Job Mobility amongst Black People in England and Wales during the Long Eighteenth Century. *Immigrants & Minorities. Historical Studies in Ethnicity, Migration and Diaspora*. 2010, vol. 28, iss. 2-3: Belonging in Europe.
12. Killingray D. Africans in the United Kingdom: An introduction. *Immigrants & Minorities*. 1993, vol. 12, iss. 3: Africans in Britain.
13. Bressey C. Looking for Work: The Black Presence in Britain 1860-1920. *Immigrants & Minorities. Historical Studies in Ethnicity, Migration and Diaspora*. 2010, vol. 28.
14. Osborne D. Op. cit., pp. 15-18.
15. Green J. Some findings on Britain's black working class, 1900-1914. *Immigrants & Minorities. Historical Studies in Ethnicity, Migration and Diaspora*. 1990, vol. 9, No. 2.
16. By 1794, there were reports of the presence in Liverpool from 50 to 70 African children (Morning Gazette).
17. The king of the Temne people -Naimbanna II sent two sons to study in Europe, the first - in 1785 to France, the second - to England in 1791. Samuel Moroka, son of the ruler of the Tswana, got education in Canterbury. Sons of the king of Lozi, Levanik I, at the beginning of 20th century studied at the private Bethany School, Kent.
18. In the 1850s the War Department paid for the training of three Africans from Sierra Leone specializing as a Military (Army) Doctor. One of them was African Horton, a famous African writer.
19. This number of African servants (Negro Servants) was featured in the Gentleman's Magazine.
20. Newspaper information (Morning Gazette).
21. What evidence is there of a black presence in Britain and north west England? *Revealing Histories*. Available at: <http://revealinghistories.org.uk/what-evidence-is-there-of-a-black-presence-in-britain-and-north-west-england.html> (accessed 11.07.2019).
22. Frederick Douglass Project: Terry's Allen's "Blacks in Britain" Essay. *River Campus Libraries*. Available at: <https://rbscp.lib.rochester.edu/2509> (accessed 11.07.2019).
23. The First Black Britons. *BBC*. 17.02.2011. Available at: http://www.bbc.co.uk/history/british/empire_seapower/black_britons_01.shtml (accessed 11.07.2019).

ИРЛАНДСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ В XVIII ВЕКЕ

© 2019 г. Н.А. Лагошина ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

IRISH COLONIAL TRADE IN THE 18th CENTURY

N.A. Lagoshina ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Лагошина Наталья Анатольевна –
аспирант, кафедра зарубежной истории
и международных отношений,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: natallidalli@mail.ru

Natalia A. Lagoshina -
Postgraduate, Department of Foreign History
and International Relations,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: natallidalli@mail.ru

Ирландия имеет многовековую историю морского и экономического взаимодействия с Великобританией и другими более отдаленными сообществами на атлантическом побережье. XVIII в. знаменуется расцветом Британской колониальной империи, а также стремительным ростом ирландского производства и международной торговли. В изучении англо-ирландских колониальных отношений георгианской эпохи отечественные и зарубежные историки традиционно рассматривают этот вопрос со стороны политики Лондона, оценивая положение Ирландии с точки зрения действий метрополии. Ряд зарубежных исследователей отмечает негативные последствия меркантилистской политики Вестминстера, которая привела ирландскую экономику в состояние кризиса вследствие ограничения доли экспортной торговли. Учитывая данные из источников, есть основания полагать, что британских торговых ограничений было недостаточно для национального экономического кризиса, более того, в первой половине XVIII в. ирландское производство и экспортная торговля развивались быстрыми темпами. Цель настоящего исследования – подвергнуть сомнению традиционный взгляд на экономическое положение Ирландии в XVIII в.

Ключевые слова: ирландские исследования, история Ирландии в XVIII в., ирландская торговля, меркантилистское законодательство, Навигационные акты, торговля шерстью, ирландский импорт и экспорт.

Ireland has centuries-long history of maritime and economic interaction with Great Britain and more distant communities on the Atlantic rim. The eighteenth century was the time of the rise of The British colonial Empire, as well as the rapid growth of Irish manufacturing and international trade. In the study of Anglo-Irish colonial relations of the Georgian era, domestic and foreign historians traditionally consider this question from the side of London politics, assessing the situation of Ireland in terms of the actions of the mother country. A number of foreign researchers note the negative consequences of the mercantilist policy of Westminster, which led the Irish economy into a state of crisis due to the restriction of the share of export trade. Taking into consideration the data from sources, there is the reason to believe that British trade restrictions were not enough for the national economic crisis, moreover, in the first half of the 18th century Irish production and export trade developed rapidly. The purpose of this study is to challenge the traditional view on the economic situation of Ireland in the 18th century.

Keywords: Irish studies, history of Ireland in the 18th century, the Irish trade, mercantile legislation, Navigation acts, Irish woolen trade, imports and exports.

«Правительства, от которых зависят более меньшие государства, должны так управлять своими делами, чтобы у каждого была определенная область занятости, и каждый трудился совместно с остальными ради одной великой цели: ради богатства и величия целого, не посягая на дела друг друга и не нанося ущерба богатству и величию Империи» [1].

В мировой истории колониализм занимает важное место. Это явление всегда было следствием социально-экономического развития человечества и в то же время одним из его двигателей. Противоречивость колониализма выражается в том, что он способствовал социально-экономическому процветанию государств и помогал взаимодействию культур, что нередко

оборачивалось их столкновением, закабалением сильными странами слабых, неравномерным развитием мира. Колониализм – следствие объективного процесса исторического развития, поэтому данная проблема никогда не потеряет своей актуальности в мировой исторической науке.

Наиболее ярко колониализм выразился в эпоху Нового времени. Это был период становления капитализма и национальных государств, разделения мира на экономические «центр» и «периферию». XVIII век – переломная эпоха в развитии англо-ирландских отношений, которая знаменуется расцветом Британской колониальной империи, а также стремительным ростом ирландского производства и международной торговли.

До 1763 г. споры о регулировании торговли возникали прежде всего из-за того, как оценивать баланс интересов метрополии и империи, а не из-за ценности самой меркантилистской системы. За последние 60 лет было много написано о влиянии британских правовых норм на американские колонии. Дж. Бир утверждал, что колонии относительно мало пострадали от британских ограничений, отчасти потому, что некоторые торговые законы были выгодны колониальным интересам, а также из-за широко распространенного уклонения от установленных правил [2, 3]. Л. Харпер не согласился с этим и, учитывая важность незаконной торговли, считал, что Навигационные акты определенно препятствовали развитию колоний [4]. Американский исследователь О. Дикерсон уверен, что британское торговое законодательство до 1764 г. принесло больше пользы, чем вреда колониям. Тем не менее, несмотря на разногласия, все ученые колониальной истории признают, что экономическая политика Британии не была абсолютно несправедливой по своему замыслу и законодательным мерам [5, p. 296–300].

Напротив, авторы истории Ирландии единодушно согласились с тем, что английский меркантилизм почти разрушил Ирландию [6–8]. Мнение Э. Мюррей, что «Навигационные акты нанесли серьезный ущерб колониальной торговле Ирландии и сдерживали развитие ирландского судоходства и торговли в течение девяноста лет после Революции 1688 г.» [9, p. 75], никогда не оспаривалось.

Цель нашего исследования – подвергнуть сомнению традиционный взгляд на экономическое положение Ирландии в XVIII в.

Изучение английских законов показывает, что некоторые из них были специально разработаны для поощрения определенных видов ирландской торговли, так же как другие были предназначены для колониальных интересов. Что еще более важно, Ирландия приспособилась к новому торговому законодательству таким образом, что вместо ограничения ирландской экспансии некоторые ограничительные законы способствовали экономическому процветанию страны.

Английские Навигационные акты касались Ирландии (и Шотландии до 1707 г.) в большинстве случаев как иностранного государства за пределами торговых интересов Британской империи, но в то же время как зависимого государства, на которое распространяются ограничения метрополии. Тем не менее ирландские интересы не всегда игнорировались. Английское правительство нуждалось в поддержке ирландских протестантов, чтобы обеспечить собственную безопасность. Кроме того, многие англо-ирландцы [10] имели экономические и родственные связи с Англией. Некоторые из них были английскими землевладельцами или чиновниками, а также происходили родом из Ирландии, так что в течение всего рассматриваемого периода в Вестминстере всегда существовало своего рода «ирландское лобби». Хотя англо-ирландцы никогда не пользовались большой властью, они все же добились некоторых уступок. В целом может показаться, что после Реставрации до 1700 г. ирландские интересы все больше подчинялись английским интересам, однако после этой даты торговые нормы были несколько изменены в пользу Ирландии.

В первоначальных Навигационных актах 1651 г. и 1660 г. Ирландия рассматривалась наравне с Англией, но в 1663 г. Ирландии было запрещено отправлять товары непосредственно в колонии, кроме слуг, лошадей и продовольствия [11; 9, p. 23]. В 1667 г. Парламент также запретил ввоз ирландского скота в Англию [11, с. 32; 9, p. 23]. Общее воздействие данных законов является прекрасным примером того, как меркантилистские законодательные нормы, независимо от их целей, иногда служили на благо всех заинтересованных сторон. Положение Ирландии как зависимого королевства, а не полноценной колонии, имеет и преимущества, и недостатки. В отличие от колоний Ирландия в это время могла экспортировать любой товар, который она желала, напрямую на внешние

рынки. Таким образом, ограничения на ее торговлю с английскими колониями или самой Англией позволяли ей искать другие возможности экспорта. Поначалу английский Закон о крупном рогатом скоте серьезно ударил по ирландской экономике, поскольку скотоводство тогда имело большое значение для аграрной Ирландии. В данном случае право Ирландии на поставку продовольствия на плантации оказалось отличной возможностью. Вскоре ирландские мясники использовали излишки крупного рогатого скота для приготовления соленой говядины, которая наряду с соленой свиной быстро стала ведущим товаром для экспорта в колонии и зарубежные порты. Закон о скотоводстве, вероятно, также способствовал переходу к молочному животноводству. В любом случае производство и экспорт ирландского масла росли быстрыми темпами [12, р. 125–126].

Действие Навигационного акта 1663 г. и Закона о крупном рогатом скоте 1667 г. заключалось в расширении ряда перерабатывающих производств, которые требовали большего капитала и рабочей силы, чем простое производство сырья, и приносили большую прибыль. Вместо того чтобы продавать скот английским торговцам, ирландцы теперь поставляли говядину, свинину и масло покупателям по всему миру. Когда в 1776 г. А. Янг посетил Корт-Канзас-Сити Старой Империи, он оценил его население в 67 тыс. жителей, плюс 20 тыс. сезонных рабочих, занятых в мясоперерабатывающей промышленности [13, р. 271; 14]. К этому времени экспорт говядины, свинины и масла увеличился примерно втрое по сравнению с 1700 г. По словам Т. Ньюхэма, среднее количество экспортируемых бочек говядины составляло 71 тыс. в 1700 г. и 200 тыс. в 1776 г., свинины – 14 тыс. и 57 тыс. соответственно, экспорт сливочного масла вырос с 92 тыс. ц до 270 тыс. ц [15].

В 1764 г. 75 тыс. из 193 тыс. баррелей говядины, экспортированных из Ирландии, поставлялись на английские плантации, а почти 72 тыс. – во Францию и ее колонии. Из 43 тыс. баррелей свинины, отправленной из Ирландии, 28 тыс. предназначались для английских колоний. Крупнейшими импортерами ирландского масла были страны Балтии и Германия, которые вместе получали 74 тыс. ц продовольствия, за ними следовали английские колонии, принимающие 45 тыс. ц [16]. Основным рынком для ирландских продуктов составляла Вест-Индия.

Главными конкурентами Ирландии являлись британские колонии в Северной Америке.

Хотя английский Парламент никогда не вмешивался в ирландскую торговлю продовольствием, он пытался наложить запрет на ирландский шерстяной экспорт. В соответствии с Законом о шерсти 1699 г. Ирландии было запрещено экспортировать шерстяную продукцию в другие страны, колонии или даже в саму Англию. Этот закон также ограничивал экспорт шерстяного волокна и необработанной шерсти в метрополию [17, р. 577]. Закон о шерсти, как и Закон о крупном рогатом скоте, представляет собой пример политики меркантилизма. Возможно, колонии никогда бы не импортировали ирландское волокно или шерсть, но есть веские основания полагать, что ирландская шерстяная продукция могла широко продаваться на плантациях, если бы это не запретили. Во время принятия Закона о шерсти английское правительство попыталось успокоить ирландцев, заявив о своем намерении поощрять ирландскую торговлю льном [8, р. 205; 18, р. 485]. В какой-то степени последующая британская политика подтвердила данное обещание. Актом 1705 г. английский Парламент разрешил отправку некоторых видов ирландского льняного полотна в колонии [19, р. 104, 109; 20]. Прямые поставки ирландского льна оставались относительно небольшими, хотя и увеличились. В течение четырех лет до 1768 г. Ирландия отправила на плантации в среднем 292 тыс. ярдов льняного полотна [16].

Несмотря на то, что прямой экспорт Ирландии в колонии по-прежнему ограничивался несколькими видами товаров, ирландская колониальная торговля достигла значительных масштабов. Если в 1760-х гг. население британских плантаций составляло около 3 млн жителей [21, р. 6], то ирландцы в этом десятилетии ежегодно отправляли продовольствие в эквиваленте более полутора фунтов масла, двух фунтов свинины, и более пяти фунтов говядины на душу населения в британской Америке [22].

Судя по ценам в колониальных газетах, в совокупности три основных товара для экспорта (говядина, свинина и масло) оценивались в 350 тыс. ф. ст. в 1760-х гг. [23, р. 245]. Стоимость льна и других товаров, поставляемых на экспорт, таких как сыр и хлеб, превышала 400 тыс. ф. ст. Численные данные о количестве судов, направляющихся в Ирландию из нескольких американских портов, являются еще одним

свидетельством значительного объема торговли между Ирландией и Североамериканскими колониями в XVIII в.

Помимо прямого экспорта в колонии ирландцы отправляли товары на плантации через Англию или Шотландию. В 1730 г. Британский статут предусматривал, что весь ирландский лен, импортируемый в Великобританию, может быть реэкспортирован на плантации без уплаты дальнейших пошлин [17, р. 579]. Несколько лет спустя британский Парламент предоставил ту же сумму за ирландский лен, реэкспортируемый из Великобритании, что и за лен отечественного производства [17, р. 578]. Другие ирландские товары, продаваемые в колониях, включали свечи, рыболовные принадлежности, килкеннийский мрамор, мыло, пряжу, шелковые платки, чернила и некоторые изделия из железа [20, р. 521]. Большая часть этих товаров была отправлена через британские порты, хотя вполне вероятно, что некоторые из них были ввезены контрабандой на судах, перевозящих законные грузы [24].

Торговые правила, регулирующие прямой импорт из колоний в Ирландию, имели более ограничительный характер, чем те, которые регулировали прямой экспорт. Закон о судоходстве 1671 г. устанавливал правила, согласно которым некоторые товары, такие как сахар, табак и индиго, должны были отправляться из колоний исключительно в Англию [24, р. 127–129]. Все остальные предметы, не перечисленные в тексте закона, могли по-прежнему направляться из колоний в Ирландию, и торговля этими товарами имела место [25, р. 329]. В 1696 г. Парламент принял закон, запрещающий прямой импорт любых колониальных товаров в Ирландию [4]. Возражения ирландцев против этого закона оказались бесполезными до 1731 г., когда англо-ирландскому лобби в Лондоне, наконец, удалось добиться его отмены [26, р. 149, 154, 159]. После этого Ирландия снова могла свободно импортировать неперечисленные товары из британских колоний.

В «Экономической истории Ирландии в восемнадцатом веке» Дж. О'Брайена не учитываются эти уступки. Автор полагает, что они оказались мало полезными, так как практически все колониальные продукты, желаемые ирландцами, остались в запрещенном списке [27, р. 173–175]. Наибольшим спросом пользовались такие запрещенные для вывоза товары, как табак и сахар, однако Закон 1731 г. освободил некото-

рые колониальные товары, необходимые Ирландии. Когда в 1764 г. к перечню были добавлены изделия из железа и лесоматериалы, закон следующего года специально разрешил их прямой ввоз в Ирландию [17].

Таможенные показатели Ирландии свидетельствуют о прогрессивном, хотя и медленном росте прямого колониального импорта. Начиная с 8 239 ф. ст. в 1731–1732 гг., стоимость импорта достигла 23 594 ф. ст. по 1733–1734 гг. [22].

Наиболее важным товаром прямых импортных поставок в течение большинства лет было льняное семя. За 5-летний период с 1763 по 1768 г. Ирландия импортировала в среднем 31 тыс. бочек льняного семени в год, из которых 26 тыс. (примерно 84 %) отправлялось на Британские плантации. Бочарный струг также ввозили в больших количествах. В 1763–1764 гг. 17 160 из 26 265 ц бочарного струга было привезено из колоний. Среди других товаров, ввезенных легально напрямую из британских колоний, были пшеница и мука (в годы неурожая), ром, после 1764 г. – строительный лес [28, с.761].

Несмотря на увеличение прямого импорта, два основных колониальных продукта, привезенных в Ирландию, поставлялись из Великобритании. Таможенные записи показывают, что с 1763 по 1768 г. ирландцы импортировали через Великобританию в среднем почти 15 млн фунтов сахара и 5 млн фунтов табака [16, с. 353]. Кроме того, значительное количество табака было ввезено нелегально. Часть его, а также нелегально импортированный ром были доставлены непосредственно из Североамериканских колоний [17].

Одним из интересных аспектов прямого колониального импорта Ирландии является его относительное значение для Североамериканских колоний. Как известно, в колониях Средней Атлантики и Новой Англии производилось мало товаров, которые могли бы продаваться на Британских островах, при этом большая часть их экспорта направлялась в Вест-Индию и Южную Европу. В результате судам, прибывающим из этих колоний на восток через Северную Атлантику, было трудно найти достаточное количество грузов. Кроме того, нехватка товарного экспорта в Британии была одной из причин нехватки чистой прибыли в американских колониях. Поставки в Ирландию предоставили этим колониям одну из немногих возможностей заполнить пустые трюмы и заработать фунты [29, р. 174–175]. Изучение списков парусников Во-

енно-морского ведомства и в колониальных газетах показывает, что после 1731 г. большое количество судов, отправившихся из портов Бостона, Филадельфии и Нью-Йорка, направлялось в Ирландию [30].

Ирландская торговля была важна для Нью-Йорка и особенно для Филадельфии, в то время как размеры торговли Бостона с Ирландией были небольшими. Данные Л. Харпера свидетельствуют о том, что ирландская торговля с Вирджинией была незначительной, что ни один корабль не покинул Чарльстон в течение девяти лет, хотя в тот же период в Южную Каролину (Чарльстон) прибыло 45 кораблей из Ирландии [4, 30].

Структура торговли, которая проистекает из исследования ирландского импорта и экспорта, довольно четкая. Ирландцы отправляли гораздо больше товаров напрямую в английские колонии, чем импортировали из них. Большая часть колониального экспорта Ирландии шла в Вест-Индию. С другой стороны, почти весь ее прямой импорт происходил из северных континентальных колоний. Ирландское продовольствие было основным грузом первого этапа путешествия. Корк, Кинсейл и другие южно-ирландские порты были обычными пунктами выгрузки [12, р. 126–127]. Сахар, патока и ром составляли основные товары второй стадии. Льняное семя было самым важным товаром на последнем пути из Северной Америки. Очень большая часть судов из Филадельфии и Нью-Йорка в Ирландию отправилась в ноябре или декабре после сбора льна, а объявления в газетах дают понять, что лен был их основным грузом. Большинство этих кораблей, направляющихся на восток, прибывали в порты Дублина, Белфаста, Ньюри, Колрейна и Лондондерри – североирландские порты, расположенные недалеко от центров льняной промышленности.

Экономической значимости Ирландии способствовало несколько факторов. В течение первых трех четвертей XVIII в. ирландская экономика заметно расширялась. После 1691 г. в стране царил внутренний мир и относительная безопасность, несмотря на недовольство и волнения. Более важным фактором является то, что Ирландия производила все большие запасы продовольствия, ключевой экспорт для Британской империи и провизию для рабов и плантаторов Вест-Индии, моряков Военно-морского и торгового флота, а иногда и континентальных американцев. Британские торговые ограничения

не позволили Ирландии полностью реализовать свои возможности и затормозили ее развитие, но они не помешали Ирландии играть значительную роль в имперской торговле. Не отрицая реального ущерба или несправедливости политики, кажется очевидным, что вмешательство англичан в шерстяную промышленность Ирландии, которая была все еще более потенциальным, чем фактическим источником богатства, не могло разрушить национальную экономику.

Литература и примечания

1. *Browne J.* Seasonable Remarks on Trade. With some reflections on the advantages that might accrue to Great Britain by a proper regulation of the trade of Ireland. Dublin, 1728. P. 60 // A Collection of Tracts Concerning the Present State of Ireland, with Respect to the Riches, Revenue, Trade and Manufactures. 1728. London: T. Woodward, 1749. P. 15.
2. *Beer G. L.* British Colonial Policy, 1754–1765. New York: Macmillan, 1907. 356 p.
3. *Beer G. L.* The Old Colonial System, 1660–1754. 2 vols. New York: Macmillan, 1912. 412 p.
4. *Harper L. A.* The Effect of the Navigation Act on the Thirteen Colonies // The Era of the American Revolution / Ed. by B. M. Richard. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1939. 344 p.
5. *Dickerson O. M.* The Navigation Acts and the American Revolution. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1951. 344 p.
6. *Froude J. A.* The English in Ireland. London: Longmans, 1885. 379 p.
7. *Lecky W. E. H.* England in the XVIII Century. London: Longmans, 1891. 489 p.
8. *Lipson E.* The Economic History of England. London: Adam and Charles Black, 1937. 674 p.
9. *Murray A. E.* A History of the Commercial and Financial Relations between England and Ireland. London: P.C. King and Son, 1907. 516 p.
10. Англо-ирландцы (новые англичане) – потомки английской диаспоры в Ирландии и ирландских протестантов. Не все англо-ирландцы могли проследить свое происхождение от протестантских английских поселенцев Кромвелевского периода, некоторые были валлийского происхождения, а другие произошли от староанглийских или даже местных гэльских семей, обращенных в англиканство.
11. A Complete Collection of the Protests of the Lords / Ed. T. J. Rogers. Oxford: Clarendon Press, 1875. 580 p. The Cattle Acts 15 Charles II, p. 7; 18 Charles II, p. 2.

12. O'Sullivan W. The Economic History of Cork City from the Earliest Times to the Act of Union. Cork: University Press, 1937. 382 p.

13. Sutherland S. H. Population Distribution in Colonial America. New York: Columbia University Press, 1936. 353 p.

14. Young A. Tour in Ireland. London: George Bell's and Sons, 1892. 312 p.

15. Newnham T. A View of the Natural, Political, and Commercial Circumstances of Ireland. London: T. Cadell and W. Davies, 1809. 443 p.

16. Customs Abstract 1764-1773. Manuscript 353 // National Library of Ireland. Dublin.

17. James F. G. Irish Colonial Trade in the Eighteenth Century // The William and Mary Quarterly. 1963. Vol. 20, № 4. P. 574-584.

18. Kearney H. F. The Political Background to English Mercantilism, 1695-1700 // Economic History Review. 1959. XI. P. 484-496.

19. Irish Commons Journal. Dublin, 1782-1785.

20. Calendar of State Papers, Colonial Series, America and West Indies, 1700. London: His Majesty's Stationery Office, 1910. 851 p.

21. Greene B., Harrington V. D. American Population before the Federal Census of 1790. New York: Columbia University Press, 1932. 254 p.

22. Value of Trade of Ireland 1698-1767 // National Library of Ireland. Manuscript 689.

23. Journal of the Commissioners for Trade and Plantations. London: H.M.S.O., 1920-1938. 812 p.

24. Andrews C. M. The Colonial Period of American History. New Haven: Yale University Press, 1964. 287 p.

25. Bruce P. A. Economic History of Virginia in the Seventeenth Century. New York: MacMillan and Co., 1896. 672 p.

26. Manuscripts of the Earl of Egmont // Historical Manuscripts Commission, Sixteenth Report. London: H.M. Stationery off, 1920. 578 p.

27. O'Brien G. The Economic History of Ireland. Dublin: Maunsel and company, 1918. 254 p.

28. A Statistical Abstract Supplement. Washington: University Press, 1960. 789 p.

29. Harrington V. D. The New York Merchant on the Eve of the Revolution. New York: Columbia University Press, 1935. 389 p.

30. Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1957 / Ed. by US Census Bureau.

Great Britain by a proper regulation of the trade of Ireland. Dublin, 1728. P. 60. A Collection of Tracts Concerning the Present State of Ireland, with Respect to the Riches, Revenue, Trade and Manufactures. 1728. London: T. Woodward, 1749, p. 15.

2. Beer G. L. British Colonial Policy, 1754-1765. New York: Macmillan, 1907, 356 p.

3. Beer G. L. The Old Colonial System, 1660-1754. 2 vols. New York: Macmillan, 1912, 412 p.

4. Harper L. A. The Effect of the Navigation Act on the Thirteen Colonies. The Era of the American Revolution. Ed. by B. M. Richard. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1939, 344 p.

5. Dickerson O. M. The Navigation Acts and the American Revolution. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1951, 344 p.

6. Froude J. A. The English in Ireland. London: Longmans, 1885, 379 p.

7. Lecky W. E. H. England in the XVIII Century. London: Longmans, 1891, 489 p.

8. Lipson E. The Economic History of England. London: Adam and Charles Black, 1937, 674 p.

9. Murray A. E. A History of the Commercial and Financial Relations between England and Ireland. London: P.C. King and Son, 1907, 516 p.

10. Anglo-Irish (new English) - descendants of the English diaspora in Ireland and Irish Protestants. Not all Anglo-Irish could trace their descent from the Protestant English settlers of the Cromwellian period, some were of Welsh descent, while others were descended from Old English or even local Gaelic families converted to Anglicanism.

11. A Complete Collection of the Protests of the Lords. Ed. T. J. Rogers. Oxford: Clarendon Press, 1875, 580 p. The Cattle Acts 15 Charles II, p. 7; 18 Charles II, p. 2.

12. O'Sullivan W. The Economic History of Cork City from the Earliest Times to the Act of Union. Cork: University Press, 1937, 382 p.

13. Sutherland S. H. Population Distribution in Colonial America. New York: Columbia University Press, 1936, 353 p.

14. Young A. Tour in Ireland. London: George Bell's and Sons, 1892, 312 p.

15. Newnham T. A View of the Natural, Political, and Commercial Circumstances of Ireland. London: T. Cadell and W. Davies, 1809, 443 p.

16. Customs Abstract 1764-1773. Manuscript 353. National Library of Ireland. Dublin.

17. James F. G. Irish Colonial Trade in the Eighteenth Century. The William and Mary Quarterly. 1963, vol. 20, No. 4, pp. 574-584.

18. Kearney H. F. The Political Background to English Mercantilism, 1695-1700. Economic History Review. 1959, XI, pp. 484-496.

References

1. Browne J. Seasonable Remarks on Trade. With some reflections on the advantages that might accrue to

19. *Irish Commons Journal*. Dublin, 1782-1785.
20. *Calendar of State Papers, Colonial Series, America and West Indies, 1700*. London: His Majesty's Stationery Office, 1910, 851 p.
21. Greene B., Harrington V. D. *American Population before the Federal Census of 1790*. New York: Columbia University Press, 1932, 254 p.
22. Value of Trade of Ireland 1698-1767. *National Library of Ireland*. Manuscript 689.
23. *Journal of the Commissioners for Trade and Plantations*. London: H.M.S.O., 1920-1938, 812 p.
24. Andrews C. M. *The Colonial Period of American History*. New Haven: Yale University Press, 1964, 287 p.
25. Bruce P. A. *Economic History of Virginia in the Seventeenth Century*. New York: MacMillan and Co., 1896, 672 p.
26. Manuscripts of the Earl of Egmont. *Historical Manuscripts Commission, Sixteenth Report*. London: H.M. Stationery off, 1920, 578 p.
27. O'Brien G. *The Economic History of Ireland*. Dublin: Maunsel and company, 1918, 254 p.
28. *A Statistical Abstract Supplement*. Washington: University Press, 1960, 789 p.
29. Harrington V. D. *The New York Merchant on the Eve of the Revolution*. New York: Columbia University Press, 1935, 389 p.
30. *Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1957*. Ed. by US Census Bureau.

Поступила в редакцию / Received

21 ноября 2019 г. / November 21, 2019

ОТНОШЕНИЕ ШАХТЕРОВ ДОНА К ПРОБЛЕМЕ БЛАГОУСТРОЙСТВА СВОЕГО ЖИЛИЩА И РУДНИЧНЫХ ПОСЕЛКОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)*

© 2019 г. Н.Г. Мануковский ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

ATTITUDE OF DON MINERS TO THE PROBLEM OF IMPROVEMENT OF THEIR HOMES AND MINING VILLAGES (THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY)

N.G. Manukovskiy ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Мануковский Николай Георгиевич –
младший научный сотрудник,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: manuckovskij.nikolai@yandex.ru

Nicolay G. Manukovskiy -
Junior Researcher,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: manuckovskij.nikolai@yandex.ru

Исследуется отношение донских шахтеров в пореформенный период к проблеме благоустройства их жилищ и рудничных поселков. Рассмотрен ряд вопросов, связанных с установками и запросами донских шахтеров в жилищно-бытовой сфере, с типичными для них моделями бытового поведения и жизненными стандартами. Отношение большинства шахтеров к проблеме благоустройства своего жилища и рудничных поселков проявлялось прежде всего в регулярно воспроизводимых ими моделях бытового поведения, а также в их требованиях относительно благоустройства жилых помещений, которые они выдвигали предпринимателям-шахтовладельцам в ходе своих протестных выступлений. Установлено, что в течение всего пореформенного периода шахтеры ни разу не выдвигали требований по улучшению жилищных условий и благоустройству поселков. Отмечено, что часто шахтеры воспроизводили некие модели бытового поведения, которые способствовали загрязнению жилого помещения и не проявляли инициативы по поддержанию чистоты в своем жилище, что указывает на их равнодушие к проблеме благоустройства. Большинство донских горнорабочих не проявляли инициативы по уборке мусора и устройству отхожих мест в рудничных поселках. Лишь небольшая часть (около 4 % от их общей численности) донских шахтеров имела стремление к благоустройству и улучшению своего жилища собственными силами.

Ключевые слова: благоустройство, рудничные поселки, неприязнательность, землянки-балаганы, каютки, семейные домики, шахтеры, крестьяне-отходники.

The article is devoted to the little-studied question of the attitude of the Don miners in the post-reform period to the problem of improvement of their homes and mining settlements in general. A number of issues related to the installations and requests of the Don miners in the post-reform period in the housing and household sphere, their typical models of domestic behavior and living standards in general are considered. The attitude of the majority of miners to the problem of improvement of their homes and mining settlements was manifested, first of all, in their regularly reproduced models of domestic behavior, as well as in their demands for improvement of residential premises, which they put forward to entrepreneurs-mine owners during their protests. It was established that during the entire post-reform period, miners never put forward demands for improving living conditions and improvement of villages. It is noted that often in the considered period miners reproduced such models of household behavior which promoted pollution of premises and did not show initiatives for maintenance of cleanliness in the dwelling that indicates their indifference to a problem of its improvement. It is also established that in the period under the review, most of the Don miners did not take the initiative to clean up garbage and arrange latrines in mining settlements. It is concluded that only a small part (about 4 % of their total number) of the Don miners had the desire to reconstruct and improve their homes on their own.

* Статья написана в рамках исследования «Модернизация России: исследовательский опыт и образовательные практики» при финансовой поддержке гранта Южного федерального университета (ЮФУ) (проект № ВнГр-07/2017-16).

Keywords: *improvement, mining villages, unpretentiousness, dugouts-booths, cabins, family houses, miners, peasant-workers.*

Основная масса шахтеров Дона во второй половине XIX в. представляла собой крестьян-отходников из губерний Центрального Черноземья и трудилась на рудниках в течение 6–7 месяцев в год (осенью, зимой и ранней весной) в период 1860–70-х гг. и 8–9 месяцев в 1880–90-е гг. При рудниках они проживали в больших землянках-балаганах, построенных шахтерской артелью по договоренности с рудничной администрацией из предоставленного ей материала. Указанный тип жилища представлял собой, как правило, перекрытую деревянной крышей и обшитую изнутри досками яму [1, л. 67–89]. В период 1870–90-х гг. при крупных рудниках сформировалась сравнительно небольшая прослойка постоянных кадровых рабочих-шахтеров, которые проживали со своими семьями в самостоятельно выстроенных небольших землянках-каютках, которые, как правило, отличались от артельных землянок-балаганов только меньшим размером [1, л. 67–89].

Также часть оседлых семейных шахтеров в период 1870–90-х гг. самостоятельно строила при крупных рудниках собственные дома. Некоторые из них были похожи на состоящие из одной жилой комнаты крестьянские избы и хаты, а другие – на дома инженеров и служащих рудничных администраций и отличались более сложной планировкой [2, л. 1–3].

В период с конца 1880-х и в 1890-е гг. крупные предприятия для привлечения и удержания контингента квалифицированных рабочих начали строить для них каменные и кирпичные казармы и так называемые «семейные домики», представлявшие собой «жилье от предприятия» [1, л. 67–89]. Согласно данным статистического бюро совета съездов горнопромышленников Юга России, к концу 1900 г. в казармы из балаганов было переселено 52,4 % всех шахтеров и в «семейные домики» – 38,5 % [3, с. 148]. Вместе с тем, как отмечала в своем докладе комиссия А.А. Штофа, в 1900 г. даже при некоторых крупных рудниках по-прежнему сохранялись балаганы и каютки, в которых, очевидно, проживала некоторая часть оставшихся 10 % всех шахтеров [1, л. 67–89]. В это же число входили и рабочие, жившие в самостоятельно выстроенных домах – не более 4–5 % от общего их числа.

В своей совокупности землянки-балаганы, каютки, собственные дома шахтеров и «семей-

ные домики от предприятия» образовывали при рудниках особые шахтерские, или рудничные, поселки. Те из них, что состояли только из землянок-каюток и землянок-балаганов, отличались беспорядочной застройкой и самими шахтерами назывались «нахаловками» и «собачевками», или «собачеевками», а также «собачьими хуторами» [1, л. 78]. Такие типы шахтерских поселений преобладали при мелких и средних по размеру рудниках. При крупных же рудниках поселки включали в себя помимо упомянутых балаганов и каюток построенные предприятиями казармы, «семейные домики от предприятий» и дома, построенные оседлыми семейными шахтерами самостоятельно.

В дореволюционной и советской историографии отмечалось практически полное отсутствие какого-либо благоустройства этих поселений на протяжении всего пореформенного периода, равно как и то, что предприниматели-шахтовладельцы проявляли равнодушие к их обустройству и улучшению жилищно-бытовых условий своих рабочих. Вместе с тем не исследованным остается вопрос отношения самих шахтеров (как сезонно работавшие на рудниках крестьяне-отходники, так и оседлые кадровые рабочие) к проблеме благоустройства своего жилища и рудничных поселков в целом.

Представляется, что оно проявлялось прежде всего в регулярно воспроизводимых ими моделях бытового поведения, а также в их требованиях относительно благоустройства жилых помещений, которые они выдвигали предпринимателям-шахтовладельцам в ходе своих протестных выступлений.

При донских рудниках на протяжении всего пореформенного периода отсутствовали специальные «обмывальни», или душевые, в том числе и бани, или их количество было незначительным. Такая ситуация наблюдалась во всех без исключения типах шахтерского жилища.

Так, в землянках-балаганах, бывших преобладающим типом шахтерского жилища в период 1860–80-х гг. в Донбассе в целом, как отмечал П. Я. Рысс, «рабочие спят вповалку», в «грязной рабочей одежде», и «заражают друг друга кожными болезнями, сифилисом и чахоткой» [4, с. 142]. Такая же ситуация наблюдалась и в казармах при крупных донских рудниках в период 1890-х гг. Старая работница У. С. Чурсина

рассказывала о своих детских годах в одной из больших казарм при руднике РОПИТ: «В казарме жило около 70 человек, по большей части сезонники. Были они очень грязные, приходили домой в рабочей одежде и, когда раздевались, на полу оставались кучи штыба – угольной пыли». По ее словам, «они почти не мылись, не успевали мыться в бане и в субботу и в воскресенье, так как баня всех пропустить не могла» [5, с. 93].

Много раз бывавшая в Юзовке в конце XIX в. В. И. Дмитриева отмечала, что вернувшиеся с работы на съемную квартиру шахтеры после ужина «сразу заваливались спать», «не снимая с себя черных рабочих рубаш» [6, с. 21]. Почти во всех осмотренных врачом Н. М. Черемухиным съемных квартирах в Юзовке, в которых в начале XX в. проживали многие артельные шахтеры Рыковского рудника, «постелью служат матрацы, набитые соломой, суконные одеяла, собственная одежда». «Все это, – по его словам, – невероятно грязно, засалено. Солома меняется редко. Спят шахтеры по 2-3 человека на нарах, на полу, на составленных скамейках, не раздеваясь, в грязной рабочей одежде, иногда в сапогах» [7, с. 3].

Вместе с тем, как следует из материалов по рабочему движению шахтеров Дона и Донбасса в целом, в течение всего пореформенного периода ими ни разу не было выдвинуто требование по устройству бань в том случае, если их не было на том или ином руднике, или по увеличению их количества, если их было недостаточно [3, с. 178–249]. При этом большинство из них также не проявляли желания построить вблизи своего жилища баню собственными силами с помощью или с разрешения предприятия, предпочитая мириться с бытовой неустроенностью.

В основанном на реальных событиях рассказе А. С. Серафимовича «Семишкара» приводится относящееся к периоду 1860–80-х гг. высказывание одного из старых рабочих, в котором выражается присущее в то время основной массе шахтеров отношение к баням: «Бани в те поры никто не знал. Это нонче избаловался народ банями, а прежде мылись через зиму, а то и боле, как в деревню попадали» [8, с. 251].

Под чистотой помещения шахтеры подразумевали прежде всего отсутствие вшей и других паразитов. Причем для борьбы с ними они использовали те же способы, что и крестьяне губерний Центрального Черноземья в своих курных избах, например угарный газ из печи. Этот

способ достаточно подробно описан в уже упоминавшемся рассказе А. С. Серафимовича «Семишкара». По словам старого шахтера, в землянках-балаганах «чистота была от гасу, ну как затопишь углем, пойдет из печи от угля серый гас, вся вошь подохнет – чистота» [8, с. 251]. Наблюдения А. С. Серафимовича подтверждает также П. Я. Рысс, по словам которого оседлые семейные шахтеры в своих землянках-каютках применяли угарный газ из печи для уничтожения вшей и других паразитов [4, с. 142]. Как отмечал рудничный врач Р. Н. Шор, «в холодное время в землянке рабочие закупориваются и воздух настолько пресыщается вредными для дыхания газами» из печи, что «непривычный к нему человек даже после кратковременного пребывания в нем ошеломляется» [9, с. 28–29].

Об особенностях отношения в рассматриваемый период большинства шахтеров как Дона, так и Донбасса к проблеме поддержания чистоты в жилых помещениях и их благоустройства свидетельствуют отразившиеся в воспоминаниях современников и отчетах окружных врачей факты о типичных для них моделях бытового поведения. Так, часто оседлые семейные шахтеры, как и крестьяне, держали в своих самостоятельно выстроенных землянках-каютках домашнюю птицу и других животных. По словам Л. А. Либермана, в середине 1880-х гг. в землянках-каютках оседлых семейных шахтеров «нередко рядом с грудным ребенком, валяющимся на куче грязного рванья, ходили и кудахтали куры и хрюкали поросята» [10, с. 32].

В 1871 г. окружной врач проводил осмотр жилых помещений на руднике РОПИТ. По его словам, «земляной пол в помещении» представлял собой «глубокую грязь вследствие неопрятности самих рабочих, а именно, от выливаний ими на пол в помещении нечистот и от естественных отравлений по случаю продолжительных холодов в настоящую зиму» [11, л. 13 об]. Для столовой на руднике РОПИТ была выстроена «большая комната с земляным полом». В этой столовой «под столом образовались грязные лужи от выбрасывания самими рабочими всяких остатков от пищи, от чего образовалась сырость и воздух был пропитан вредными испарениями» [11, л. 13 об]. По словам П. Я. Рысса, в казармах, занимаемых артельными рабочими-сезонниками, комнаты почти всегда «загажены плевками, окурками» и «никогда не подметаются рабочими».

При этом, отмечал П. Я. Рысс, квартиры семейных шахтеров в домах от предприятия нередко «выглядели еще хуже» и были «завалены» мусором [4, с. 150]. В 1896 г. корреспондент «Горнозаводского листка» писал, что на ряде крупных рудников, где в то время уже строились для рабочих «семейные домики», «для наблюдения за чистотой в рабочих домах и около домов на рудниках имеются особо назначенные люди-санитары». В обязанности санитаров, по его словам, входило «строго требовать от рабочих, чтобы в их домах и около них была чистота» [12, с. 2533]. В целом, как сообщал корреспондент, «в отношении благоустройства своей квартиры шахтеры вообще весьма неприхотливы» [13, с. 3350]. Характеризуя особенности бытового поведения основной массы шахтеров как Дона, так и Донбасса в целом, горный инженер А. И. Фенин отмечал, что «при оценке быта шахтеров не надо упускать из вида и физическую нечистоту нашего крестьянина, особенно бессемейного, способного обращать совершенно приличные помещения почти в клоаки – такова была судьба, например, образцовой казармы на Веровском руднике» [14, с. 57–58].

Таким образом, часто шахтеры, проживавшие в балаганах, каютках, съемных квартирах и домах от предприятия, воспроизводили такие модели бытового поведения, которые способствовали загрязнению жилого помещения, и не проявляли инициативы по поддержанию чистоты в своем жилище, были равнодушны к проблеме его благоустройства.

В своих воспоминаниях, относящихся к середине 1870-х гг., горнопромышленник А.А. Ауэрбах рассказывает, что, когда им на принадлежащем ему руднике были выстроены взамен землянок-балаганов и землянок-каюток казармы и семейные домики, рабочие, к его удивлению, «решительно отказались переходить из землянок в казармы». Один из шахтеров объяснял А. Ауэрбаху: «Привыкли мы жить свиньями, так нам и землянка не противна. Поживешь у вас в хоромах, каких ни на одном другом руднике нет, от грязи и смраду отвыкнешь, так и тяжело будет опять в землянку попасть, если вы уволите, а так как мы народ такой, что сегодня здесь, а завтра Бог знает где, то лучше и не привыкать к хорошему помещению» [15, с. 349]. Как отмечал П. И. Фомин, «для шахтеров была свойственна привычка к плохим условиям жизни» [15, с. 350].

В то же время некоторая часть тех шахтеров, которые при крупных рудниках самостоятельно или с помощью предприятия построили собственные дома, отличались принципиально иным отношением к проблеме благоустройства собственного жилища. Так, в середине 1880-х гг. корреспондент Южно-Русского горного листка отмечал, что на Корсунском руднике имелось «несколько сотен» построенных самими шахтерами домиков. По его словам, «обитатели этих домов живут чрезвычайно чисто и опрятно. Обыкновенно домик, по меньшей мере, состоит из двух отделений – “черного” и чистого. Приходя с шахты, такой рабочий сейчас же умывается и переодевается в чистое, так что вне работы горнорабочий всегда чистый» [16, с. 1735].

Отмечая особенности жилищно-бытовой культуры таких шахтеров, очевидно, представителей «рабочей аристократии», инженер А.И. Фенин писал: «Шахтер, выбравшийся “в люди”, ставший мастером-десятником, машинистом, забойщиком или крепильщиком, часто и простой чернорабочий, но стойкий, держащий себя в руках человек – шахтное меньшинство, рабочая духовная аристократия рудника, – быстро преобразался и внешне. Квартира (в большинстве для такого рабочего это была отдельная квартира, даже домик) блистала чистой побелкой стен, картинами, приличной мебелью» [14, с. 54].

В контексте рассматриваемой проблемы определенный интерес вызывает вопрос, как шахтеры Дона (как оседлые, так и сезонники) в пореформенный период относились к благоустройству своих дворов и рудничных поселков в целом. Представление о том дают прежде всего сведения об их установках и устоявшихся моделях поведения в отношении уборки мусора и устройстве отхожих мест.

В ходе осмотра шахтерских поселков в районе Макеевки в 1890 г. окружным врачом Таганрогского округа Области войска Донского было отмечено, что «все нечистоты выбрасываются рабочими вблизи самих жилых помещений, от чего, преимущественно около входных дверей, образовались уже испускающие миазмы кучи этих нечистот» [11, л. 13]. Схожие сведения сообщает Л. Верещинский, управляющий одним из крупных рудников Дона в конце 1880-х гг. По его словам, шахтеры выбрасывали пищевые отбросы вблизи балаганов, в результате чего возле каждого из них достаточно

быстро образовывались «зловонные кучи» «нечистот» [18, с. 6].

Отчасти такое поведение объяснялось тем, что шахтовладельцы не устраивали при рудниках специальных мест, отведенных для мусора, однако в немалой степени оно было обусловлено и специфическими особенностями материально-бытовой культуры рабочих, которые не условились между собой относительно места, куда бы можно было выбрасывать мусор и пищевые отбросы.

Как свидетельствует в своем отчете окружной врач Гладков Таганрогского округа Области войска Донского, в начале 1890-х гг. на рудниках горнопромышленника Данилова и Кальмиус-Богодуховском руднике, где устроенных рудничной администрацией отхожих мест было крайне мало, и на руднике Хлопицкого, где их совсем не было, «рабочие испражнялись вокруг и вблизи балаганов» [17, л. 15]. По словам Л. Верещинского, шахтеры использовали в качестве отхожего места «глухую стену» балагана, в котором они жили [18, с. 11]. На руднике РОПИТ в 1871 г. «устроенных отхожих мест вовсе не имеется, их заменяют устроенные самими рабочими простые ямы, расположенные тут же, рядом с их домами, и никогда не вычищаемые, от чего вонь окружает дома рабочих» [11, л. 13]. Такое поведение людей объяснялось свойственными им «небрежностью и равнодушием к сохранению собственного здоровья», причем «в их узких понятиях установилось нормальным это равнодушие» [11, л. 13]. По словам горного инженера М. В. Смидовича, управлявшего в конце 1890-х гг. Кальмиус-Богодуховским рудником, устроенные администрацией при руднике отхожие места «к концу дня постоянно оказывались в грязном до невозможности состоянии, так что для их уборки был специально нанят один из увечных рабочих» [19, л. 16].

Следовательно, большинство рабочих не проявляли инициативы по устройству отхожих мест, что в целом соответствовало культурно-бытовым стандартам крестьянства центрально-черноземных губерний.

Вместе с тем рабочие, построившие при рудниках дома, стремились к поддержанию чистоты в своих дворах и занимались их благоустройством. По словам горного инженера А. И. Фенина, «около дома появлялись цветы и деревца» [14, с. 54]. Однако, как уже отмечалось, такие рабочие, представители «рабочей аристокра-

тии», составляли меньшинство в общей массе шахтеров (не более 4–5 % от их общей численности).

Таким образом, в рассматриваемый период большинство шахтеров воспроизводили такие модели бытового поведения, которые способствовали загрязнению жилого помещения и не проявляли инициативы по поддержанию в нем чистоты, что указывает на их равнодушие к проблеме его благоустройства. Как отмечено выше, в течение всего пореформенного периода шахтерами ни разу не выдвигались требования по устройству бань на рудниках. При этом большинство из них также не проявляли желания построить вблизи своего жилища баню собственными силами с помощью или с разрешения предприятия, предпочитая, таким образом, мириться с бытовой неустроенностью. Большинство донских горнорабочих выбрасывали мусор вблизи своего жилища и не проявляли инициативы по его уборке и устройству в рудничных поселках отхожих мест. В целом представленные сведения о некоторых особенностях бытового поведения основной массы донских шахтеров в пореформенный период позволяют сделать вывод о том, что для них были присущи бытовая непритязательность и равнодушие к проблеме благоустройства своего жилища и рудничных поселений. Лишь небольшая часть (около 4 % от их общей численности) донских шахтеров имела стремление к благоустройству и улучшению своего жилища собственными силами.

Литература

1. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 455. Оп. 2. Д. 282.
2. ГАРО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 590.
3. *Потолов С.И.* Рабочие Донбасса в XIX веке. М.; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. 254 с.
4. *Рысс П.Я.* Углекопы в Донецком бассейне // Вестн. фабричного законодательства и профессиональной гигиены. 1905. № 3. С. 136–161.
5. Историко-бытовые экспедиции. 1951–1953 гг. Материалы по истории пролетариата и крестьянства России конца XIX – начала XX века / под общ. ред. А. М. Панкратовой. М. : Госкультпросветиздат, 1955. 222 с.
6. *Дмитриева В.И.* Баба Иван и ее крестник. СПб., 1911. 132 с.
7. *Черемухин Н.М.* Как живут и как питаются рабочие Рыковских копей в поселке Юзовке // Врачеб-

но-санитарная хроника Екатеринославской губернии. 1910. № 1. С. 1–18.

8. Открытие страны огня. Донецк : Донбасс, 1978. 368 с.

9. Шор Р.Н. Шахтеры. СПб. : Новый мир, 1906. 32 с.

10. Либерман Л.А. В стране черного золота. М.; Л., 1926. 193 с.

11. ГАРО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 159.

12. Горнозаводской листок. 1896. № 8.

13. Горнозаводской листок. 1896. № 10.

14. Фенин А.И. Воспоминания инженера. К истории общественного и хозяйственного развития России (1883–1906 гг.). Прага : Русский ин-т в Праге, 1938. 176 с.

15. Фомин П.И. Горная и горнозаводская промышленность Южной России. Харьков : Типография Б. Бенгис, 1915. Т. 1. 487 с.

16. Южно-Русский горный листок. 1885. № 130.

17. ГАРО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 581.

18. Верещинский Л. Рабочий-шахтер в Донецком бассейне. СПб., 1893. 18 с.

19. ГАРО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1178.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti (GARO) [State Archive of Rostov Region (SARR)]. Fund 455. In. 2. File 282.

2. GARO [SARR]. Fund 32. In. 1. File 590.

3. Potolov S.I. *Rabochie Donbassa v XIX veke* [Donbass Workers in the 20th Century]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963, 254 p.

4. Ryss P.Ya. *Uglekopy v Donetsk kom basseine* [Coal Miners in the Donetsk Basin]. *Vestn. fabrichnogo zakonodatel'stva i professional'noi gigieny*. 1905, No. 3, pp. 136-161.

5. *Istoriko-bytovye ekspeditsii. 1951–1953 gg. Materialy po istorii proletariata i krest'yanstva Rossii kontsa XIX – nachala XX veka* [Historical and Routine Expeditions. 1951-1953. Materials on the History of the Proletariat and Peasantry of Russia in the Late 19th - Early 20th Century]. Ed. A.M. Pankratova. Moscow: Goskul'tprosvetizdat, 1955, 222 p.

6. Dmitrieva V.I. *Baba Ivan i ee krestnik* [Baba (woman) Ivan and Her Godson]. Saint Petersburg, 1911, 132 p.

7. Cheremukhin N. M. *Kak zhivut i kak pitayutsya rabochie Rykovskikh kopei v poselke Yuzovke* [How Do Workers of the Rykovsky Mines Live and What They Eat in the Village of Yuzovka]. *Vrachebno-sanitarnaya khronika Ekaterinoslavskoi gubernii*. 1910, No. 1, pp. 1-18.

8. *Otkrytie strany ognya* [Discovery of the Land of Fire]. Donetsk: Donbass, 1978, 368 p.

9. Shor R. N. *Shakhtery* [Mine Workers]. Saint Petersburg: Novyi mir, 1906, 32 p.

10. Liberman L.A. *V strane chernogo zolota* [In the Country of Black Gold]. Moscow; Leningrad, 1926, 193 p.

11. GARO [SARR]. Fund 32. In. 2. File 159.

12. *Gornozavodskoi listok*. 1896, No. 8.

13. *Gornozavodskoi listok*. 1896, No. 10.

14. Fenin A.I. *Vospominaniya inzhenera. K istorii obshchestvennogo i khozyaistvennogo razvitiya Rossii (1883–1906 gg.)* [Memories of an Engineer. On the History of Social and Economic Development of Russia (1883-1906)]. Praga: Russkii in-t v Prage, 1938, 176 p.

15. Fomin P.I. *Gornaya i gornozavodskaya promyshlennost' Yuzhnoi Rossii* [Mining and Mining Industry of Southern Russia]. Kharkov: Tipografiya B. Bengis, 1915, vol. 1, 487 p.

16. *Yuzhno-Russkii gornyi listok*. 1885, No. 130.

17. GARO [SARR]. Fund 32. In. 1. File 581.

18. Vereshchinskii L. *Rabochii-shakhter v Donetsk kom basseine* [Miner Worker in the Donetsk Basin]. Saint Petersburg, 1893, 18 p.

19. GARO [SARR]. Fund 32. In. 1. File 1178.

ТЕОРИЯ ВОТЧИННОГО ГОСУДАРСТВА В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ИСТОЛКОВАНИИ

© 2019 г. Л.В. Мининкова ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

THE THEORY OF THE PATRIMONIAL STATE IN THE POPULAR SCIENCE INTERPRETATION

L.V. Mininkova ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Мининкова Людмила Владимировна –
доктор исторических наук, профессор,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: lyudmila_mininkova@mail.ru

Ludmila V. Mininkova -
Doctor of History, Professor,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: lyudmila_mininkova@mail.ru

Теория вотчинного государства как объяснительная модель, дающая общее истолкование особенностей исторического процесса в Московском государстве, могла излагаться на популярном уровне, делая свои основные положения и выводы доступными для широкого читателя. Такой подход был представлен в трудах ряда российских ученых XIX – начала XX в., что позволяет вместе с тем более конкретно понять, как данная теория могла объяснять некоторые стороны внутренней жизни России в позднее средневековье и раннее новое время. Такое изложение способствовало поиску историком своего читателя, а читателем – своего историка, способного дать понимание сложных вопросов исторической науки на доступном для него уровне. При этом читателю, по словам Ф.Ницше, «охраняющему и почитающему», было близким изложение этой теории И.Е. Забелиным, тогда как читателю, имевшему в сознании «критический» характер мышления – подход В.О. Ключевского и Г.В. Плеханова. Приверженцам выделенной Ф. Ницше «монументальной истории» эта теория предложить ничего не может.

Ключевые слова: теория вотчинного государства, Московское государство, популярная историческая литература, Ф. Ницше, И.Е. Забелин, В.О. Ключевский, Г.В. Плеханов.

The theory of the patrimonial state as an explanatory model, giving a general interpretation of the features of the historical process in the Moscow state, could be presented at the popular level, making its main provisions and conclusions available for the mass reader. This approach was represented in the works of a number of Russian scientists of the 19th - early 20th century, which allows at the same time to more specifically understand how it could explain certain aspects of the inner life of Russia in the late Middle Ages and early modern times. This presentation contributed to the historian's search for his reader, and the reader's search for his historian, able to give an understanding of the complex issues of historical science at an accessible level for his understanding. Moreover, to "protected and respected" reader, according to F. Nietzsche, the interpretation of this theory of I. E. Zabelin was more suitable, whereas to the reader who had in consciousness "critical" character of thinking - the approach of V. O. Klyuchevsky and G. V. Plekhanov was close. This theory can offer nothing to adherents of F. Nietzsche's "monumental history".

Keywords: theory of the patrimonial state, Moscow state, popular historical literature, F. Nietzsche, I.E. Zabelin, V.O. Klyuchevsky, G.V. Plekhanov.

Особенностью социально-гуманитарного научного знания является высокая степень обращенности его к читателю, не относящемуся к научной среде, но живо интересующемуся источниками и фактами, положениями и выводами этих дисциплин. Между тем данное обстоятельство

не всегда в должной степени учитывается самим профессиональным цехом историков и обществоведов. Известно, что в нем имеет определенную поддержку своего рода профессиональный снобизм, который хорошо выражается в идее «наука ради науки» или ее разно-

видности «история для истории». Нельзя сказать, что подобный подход не имеет оправдания. В некоторых случаях он неизбежен, поскольку в ходе научного исследования могут возникнуть такие проблемы, которые важны для правильного понимания источника, но которые, в силу своей специфики, не могут представлять значительного интереса для более широкого круга интересующихся историей читателей. Это, например, отдельные проблемы вспомогательных исторических дисциплин или некоторые узкие и специальные исторические проблемы. Подобную ситуацию описывал Р. Дж. Коллингвуд, видя ее в развитии исторической науки XIX в., когда такие выдающиеся историки, как Т. Моммзен, «стали величайшими знатоками исторической детали». У них «добросовестность отождествлялась с крайней скрупулезностью в исследовании любого фактического материала». Но в конечном счете они сталкивались с тем, что «обычные читатели» считали, будто бы «факты, открываемые историей, неинтересны» [1, с. 123]. Подобная ситуация может иметь место и в исторической науке новейшего времени. С неизбежностью при этом возникал вопрос: а что же дальше? Что такое следует из этих фактов, которое может заинтересовать читателя?

Не случайно поэтому, что культурные запросы общества, заинтересованность его в историческом знании с неизбежностью ставят перед историком задачу преодоления такого профессионального снобизма, обращения не только к представителям своей профессии, но и к более широкому читателю. Особенно возрастает спрос на историческое знание в условиях нарастающей общественной нестабильности, в переломные исторические моменты, когда массовое сознание стремится выявить примеры и прецеденты современного состояния в прошлом. Отсюда возникают условия для взаимного сближения между читателем как потребителем исторического знания и историком как его производителем.

Но при этом очевидно, что в подобной ситуации «свой» должен найти «своего». Читатель – «своего» историка, а историк – «своего» читателя за рамками профессиональной среды. Некоторые примеры установления культурного соответствия между читателем и историком приво-дил Ф. Ницше. Так, по его мнению, человеку «деятельному и мощному, тому, кто ведет великую борьбу», требуется утвердить в своем сознании «монументальную историю», или «вели-

кие моменты в борьбе единиц», которые «знаменуют подъем человечества на вершины развития» [2, с. 131, 132]. Читателю другого типа, «охраняющему и почитающему», необходим труд «историка-антиквария». Такой читатель находит в труде подобного историка то прошлое, куда он «с верностью и любовью обращает свой взор» [2, с. 131, 136]. Наконец, человеку «страждущему и нуждающемуся в освобождении» необходим свой «способ» исторического осмысления – «критический», чтобы «разбивать и разрушать прошлое, чтобы иметь возможность жить дальше» [2, с. 131, 139].

Период становления и развития истории как научной дисциплины в XIX в. был временем формирования больших объяснительных моделей, в которых на основе анализа исторических фактов и выявления культурно-исторических особенностей отдельных макрообъектов исторического познания делались выводы о причинно-следственных связях, об общем и особенном в истории. Эти модели носили фундаментальный характер и претендовали на объяснение истории в рамках отдельной страны или хода истории человечества в целом. Одна из таких моделей – теория вотчинного государства, разработанная в России в середине XIX в. О ее силе говорит тот факт, что она сумела возродиться в наши дни, несмотря на то что в советское время она была по существу забыта. Но между тем сила ее также в том, что ее положения и выводы могли быть изложены в литературной форме, доступной образованному читателю за рамками профессиональной исторической среды. Эта теория могла быть представлена в разной читательской аудитории, в зависимости от особенностей культурного опыта читателя, от места его в разворачивавшемся в России общественно-политическом противостоянии.

Последователи этой теории в отечественной историографии показали не только способности использовать ее в качестве объяснительного инструмента для понимания сложных вопросов российского прошлого, но и находить свою читательскую аудиторию. Среди таких российских историков очень близко к своему читателю и к выделенной Ф. Ницше группе читателей подходит И. Е. Забелин. Не удивительно, что если сам историк как автор исторических трудов не может быть отделен от своего прошлого большого специалиста по музейным ценностям и антиквариату, то обращался он к читателю «охраняющему и почитающему». Как отмечал исследова-

тель творчества И.Е. Забелина А.А. Формозов, стремление его «написать не “Историю России” типа карамзинской или соловьевской, а “Историю русской жизни” или “русского домашнего быта”» [3, с. 70] не могло не иметь общественной поддержки.

Проблема истории домашнего быта, которая и в самом деле считается одной из существенных проблем исторического познания, ставит в центр исследовательского внимания историка семью, без понимания характера и особенностей которой невозможно во всей сложности и полноте уяснить особенности положения общества в целом, государства и населяющего его народа. Поэтому само по себе обращение к подобной проблематике является большим достижением историка. Более того, история семьи как одной из микроструктур общества в настоящее время все больше привлекает внимание современной гуманитарной и социальной науки. И в этом отношении И.Е. Забелин выступал своего рода историком-новатором, четко указавшим на то, что история семьи не менее важная проблема, чем история государства. Но несомненным недостатком его подхода к данному исследованию является отождествление в его сознании двух общественных структур, резко различных по степени своей сложности, из которых одна представляет собой микроструктуру общества, а другая – его макроструктуру, т. е. семью и государство соответственно.

Отождествление семьи и государства, которое имело место в трудах И.Е. Забелина, само по себе обеспечивало интерес к этой теме массового российского читателя, делало для него рассуждения историка близкими и понятными, составляло характерную черту российского массового сознания, было логической основой его патернализма. В самом деле патернализм по отношению к княжеской, великокняжеской и царской власти соответствовал понятию о патерналистском устройстве семьи, а место князя и государя соответствовало представлению о главе семьи. Указывая на то, что новгородцы называли великого князя московского «Государем», И.Е. Забелин видел в таком наименовании перенесение на политические отношения традиций в семейных отношениях. По его словам, это было «простое рядовое обычное наименование каждого домохозяина, владыки дома или своей семьи». Как подчеркивал историк, этому наименованию полностью соответствовало положение крупного землевладельца-вотчинника, такого,

как великий князь московский, который «стал уже домохозяином и владыкой не одной Москвы, но всей Низовой Русской земли, лежавшей в речном углу Волги и Оки» [4, с. 132].

И.Е. Забелин считал, что взгляд на государя-монарха как на государя-домовладельца и вотчинника был очень хорошо понятен людям Московского государства. Основывался он на том, что несколько поколений еще в период Великого княжества Московского привыкли нести многообразные «службы вотчиннику, службы лицу». Но у них не сложилось «отвлеченного понятия отечества или государства». Положение московского государя как вотчинника имело место при Иване Грозном, но сохранялось и в более позднее время. При первых царях из династии Романовых государь не в меньшей степени предстал в массовом сознании русского общества не только носителем высшей государственной власти, но и «вотчинником-господарем» [5, с. 59].

Еще К.Д. Кавелин, в качестве негативного последствия установления в Московской Руси вотчинного государства указывал на то, что такой режим вытекал «из начал рабства» [6, с. 179]. Правота его несомненна. Однако такую сторону отношений между государем-вотчинником и служившим ему лицом, которое предполагало холопское начало службы, И.Е. Забелин не рассматривал. Напротив, он отмечал вполне позитивную основу этих отношений. По его словам, дружинники киевского периода русской истории «очень скоро обратились в слуг, и имя слуги сделалось самою высшею наградою за службу вообще. Древнее выражение: страдать за Русскую землю, заменилось новым: служить государю» [5, с. 59].

Появление понятия «слуги» не случайно, оно не несло в себе такую негативную коннотацию, как слово «холоп» или упоминание «начал рабства» К.Д. Кавелиным. Оно использовалось И.Е. Забелиным, поскольку, по его мнению, полнее выражало смысл того, каким осознавали люди Московского государства свое положение по отношению к государю. Они не видели худших сторон своего состояния и понимали его таким, каким оно досталось от предков, считая его нормой.

Историк подчеркивал глубокую органичность представления русского населения о государстве как о вотчине государя. Такая характеристика вотчинного государства выражала, однако, не только представление о московском

царе как о вотчиннике, которому принадлежит государство, но и об определенной части своих современников, среди которых такое представление держалось. Оно оказалось намного более устойчиво, чем сам режим вотчинного государства. И если в переписном листе переписи населения Российской империи 1897 г. Николай II обозначил себя: «Хозяин земли Русской», то только потому, что так считала часть общества. К такому читателю были обращены сочинения И.Е. Забелина. Этот читатель – представитель консервативного сегмента русской общественной мысли.

Совершенно другому читателю подавалась теория вотчинного государства в ее изложении марксистом Г.В. Плехановым. В его фундаментальном труде «История русской общественной мысли», который содержит комплексный социокультурный анализ идейных установок и интеллектуальной жизни русского общества средневековья и нового времени, теория вотчинного государства проходит красной нитью. При том очевидно, что вотчинное государство и понятие о государстве как о вотчине государя, составляющее основу этой теории, у революционера Г.В. Плеханова вызывают противоположное к себе отношение по сравнению с историком-антикваром и исследователем русского быта И.Е. Забелиным, видевшим в таком государстве наглядный пример единения русской власти с народом, единство в устройстве русского общества на государственном макроуровне и семейном микроуровне. Отсюда, по его мнению, глубина корней государственного строя страны в русском народном быту составляла сущность самой системы вотчинного государства. Иных взглядов придерживался Г.В. Плеханов. Он оказался значительно ближе к основоположнику этой теории, чем выдающийся историк русского быта, поскольку разделял мысль К.Д. Кавелина о рабских основах этих отношений. Но как марксист он в центр своего анализа ставил не правовую, но социально-экономическую сторону этих отношений и их политические последствия.

В таком государстве, подчеркивал Г.В. Плеханов, отношения собственности как явление экономического базиса оказывались в зависимости от политической надстройки общества, которой являлась власть вотчинного государя. Следовательно, в Московском государстве не могло сложиться института частной собственности в том виде, как он сложился в западноев-

ропейских странах и стал источником их ускоренного исторического развития. Отсюда его замечание: «Абсолютная власть показалась бы французскому третьему сословию несносным игом, если бы государь вздумал обращаться с имуществом своих подданных и с ними самими так, как обращается вотчинный монарх в своей стране» [7, с. 167].

Мысль о холопском начале, лежавшем в основе вотчинного государства, которую высказывал еще К.Д. Кавелин, Г.В. Плеханов значительно продвинул вперед. Он считал, что холопское, или рабское, начало в основе вотчинного государства делало его устойчивой политической конструкцией. «Холопы не способны были дорасти и до ... мысли об ограждении прав высших классов общества какими-нибудь законными нормами» [7, с. 224]. В доказательство он приводил князя А.М. Курбского, идейного противника Ивана Грозного. «В нем нет холопского настроения», – говорил Г.В. Плеханов о князе, и в этом видел уникальность его личности для своего времени. Но культура окружающего общества сказывалась на его сознании настолько, что он «решительно не способен противопоставить последовательному учению Ивана о беспредельной власти царя сколько-нибудь стройную теорию политических прав, если не всех жителей страны, то хотя бы высших ее классов» [7, с. 193–194]. Отсюда устойчивость и длительное существование системы. Но и после Смуты власть царя «в государственных делах ... оставалась беспредельной» [7, с. 224], что соответствовало состоянию вотчинного государства.

Российское общество того времени, когда Г.В. Плеханов работал над своим трудом, представляло для него весьма широкую читательскую аудиторию. После первой революции в России 1905–1907 гг. и продолжавшегося системного кризиса самодержавия положение о холопских началах вотчинного государства и самодержавного строя было созвучно настроениям весьма значительной части общества. Эта часть общества не могла не разделять мысль автора о несоответствии существовавшей в России политической системы условиям новейшего времени, о необходимости ее решительного слома. Такой читатель плехановского труда, написанного вполне понятным всякому образованному человеку языком, был тем, кто, согласно Ф. Ницше, воспринимал «критический» «способ» осмысления истории, кто стремился

ради дальнейшей жизни «разбивать и разрушать» прошлое, дожившее до новейшего времени и бесповоротно устаревшее. Подобному читателю как человеку не только «страждущему и нуждающемуся в освобождении», но и прошедшему опыт революционного времени, мысли Г.В. Плеханова о вотчинном государстве были понятны и близки.

Но была еще одна часть российской читательской аудитории, живо интересующаяся вопросами истории и политики, однако не доводившая свои политические выводы до степени революционного радикализма. Она принимала критику власти и ее прошлого, но в то же время была готова признать процесс эволюции этой власти, изживание наиболее устаревших сторон в российских общественных отношениях и в государственном строе страны. Теория вотчинного государства давала свой вариант, приемлемый для такой аудитории. Выработан он был в «Курсе русской истории» В.О. Ключевского, где резкая критика системы вотчинного государства сочеталась с осторожным высказыванием историка об уходе этой системы в прошлое, с приведением определенного культурно-исторического обоснования.

В этой аудитории положительно воспринималось стремление историка показать сложность и постепенность формирования и развития разных форм политического устройства. Он утверждал, что «в московском князе XIV – XV вв., даже великом князе, было ... много частного владельца, закрывавшего собой государя» [8, с. 33]. Те же мысли высказывались о единстве вотчины и государства в Московской Руси. Он приводил изложение переговоров Ивана III с великим князем литовским Александром, который якобы говорил, что «мне ... разве не жаль своей вотчины, Русской земли, которая за Литвой, – Киева, Смоленска и других городов?». Согласно В.О. Ключевскому, Иван III понимал Русскую землю как свою вотчину. Так же считали и русские дипломаты того времени, говорившие, что «Русская земля – от наших предков из старины наша вотчина» [8, с. 117]. Тем самым, подчеркивал В.О. Ключевский, представление о вотчине способствовало объединению русских земель. Но эти представления историк оценивал как устаревшие, хотя они прочно держались, и, по его словам, «ни из чего не видно, чтобы Иван III понимал отчину как-нибудь иначе, не так, как понимали эту форму его удельные предки» [8, с. 127]. То же самое он

видел и при последующих государях старой московской династии. Но не только вотчинные государи представляли Русскую землю своей вотчиной. В целом «московские люди того времени» были уверены, что «Московское государство ... есть государство московского государя, а не московского или русского народа» [9, с. 52].

В качестве оборотной стороны такого представления В.О. Ключевский выделял положение народа в таком государстве. «По отношению к царю все его подданные считались холопами, дворовыми его людьми, либо сиротами, безродными и бесприютными людьми, живущими на его земле» [9, с. 68], – подчеркивал он. Однако потрясения Смутного времени способствовали резкому изменению в массовом сознании сложившихся представлений, согласно которым разные слои населения Московского государства видели «в своем государе ... хозяина московской государственной территории». Эти события показали, что без государя «государство не распалось, а собралось с силами и выбрало себе нового царя» [9, с. 67], что «общество, народ не политическая случайность», но «политическая случайность есть скорее всего династия» [9, с. 68], которая приходит и уходит. Распространению нового представления о государстве и о месте в нем государя и народа способствовали, указывал В.О. Ключевский, земские соборы. По его мнению, благодаря собору 1598 г., на котором был избран Борис Годунов, появилась «новая идея народа не как паствы, подлежащей воспитательному попечению правительства, а как носителя ... государственной воли, которая на соборе передавалась избранному царю» [8, с. 395].

В.О. Ключевский совершенно справедливо не настаивал на уходе после Смуты в прошлое состояния вотчинного государства. Но он тем не менее обратил внимание на то, как новые политические понятия способствовали важным изменениям в характере общественных отношений. Так, указывал он, до Смуты, когда подданные смотрели на государство как на вотчину государя, «народное недовольство ни разу не доходило до восстания против самой власти». Народ «выработал особую форму политического протеста», не восставал против государства, но люди «выходили из него, “бредли розно”, бежали из государства». После Смуты сложилась иная ситуация. Люди «восстают» против власти в государстве, «потому что не считают его чу-

жим для себя» [9, с. 52], что находило свое проявление в форме «бунташного века».

Аудиторией, воспринимавшей рассуждения В.О. Ключевского о вотчинном государстве, была прежде всего близкая ему академическая и студенческая среда, а также либеральная интеллигенция, к которой принадлежал и сам выдающийся историк, но относился к ней в то же время весьма критически. Работал он над второй и третьей частью своего «Курса» в условиях начавшейся в 1905 г. революции. По наблюдению его биографа М.В. Нечкиной, он по своим общественно-политическим воззрениям в тот период «левет» [10, с. 407], и не удивительно, что характеристика им вотчинного государства как системы власти с холопством подданных в виде оборотной стороны была весьма негативной и воспринималась в его читательской аудитории положительно. В условиях революционной ситуации и начавшейся революции слушатель и читатель курса В.О. Ключевского – это человек, настроенный, по характеристике Ф. Ницше, к критическому восприятию прошлого и его опыта.

Таким образом, теория вотчинного государства способна восприниматься в разных по своей социокультурной и политической ориентации читательских аудиториях, положения ее могли разделяться и почитателями старины, и противниками ее традиций. Не находит, однако, своих приверженцев эта теория среди сторонников выделенной Ф. Ницше монументальной истории, поскольку ничего предложить им не может. Тем не менее способность этой теории быть принятой в разных аудиториях свидетельствует о силе и убедительности ее как объяснительной модели для российского исторического процесса.

Литература

1. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М. : Наука, 1980. 485 с.
2. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Философия истории. Антология. М. : Аспект пресс, 1995. 351 с.
3. Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. М. : Московский рабочий, 1984. 239 с.
4. Забелин И.Е. История города Москвы от Юрия Долгорукова до Петра I. М. : Вече, 2006. 688 с.
5. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях : в 3 кн. М. : Книга, 1990. Кн. 1. 416 с.
6. Кавелин К.Д. Краткий взгляд на русскую историю // Избранное. М. : РОССПЭН, 2010. 224 с.
7. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли // Соч. М.; Л., 1925. Т. 20.
8. Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. : в 8 т. М. : Госполитиздат, 1957. Т. 2, ч. 2. 468 с.
9. Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. : в 8 т. М. : Госполитиздат, 1957. Т. 3, ч. 3. 426 с.
10. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М. : Наука, 1974. 640 с.

References

1. Kollingvud R.Dzh. *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The Idea of History. Autobiography]. Moscow: Nauka, 1980, 485 p.
2. Nitsche F. [On the Use and Abuse of History for Life]. *Filosofiya istorii. Antologiya* [Philosophy of History. Anthology]. Moscow: Aspekt press, 1995, 351 p.
3. Formozov A.A. *Istoriik Moskvy I.E. Zabelin* [Historian of Moscow I.E. Zabelin]. Moscow: Moskovskii rabochii, 1984, 239 p.
4. Zabelin I.E. *Istoriya goroda Moskvy ot Yuriya Dolgorukova do Petra I* [The History of the City of Moscow from Yuri Dolgoruky to Peter I]. Moscow: Veche, 2006, 688 p.
5. Zabelin I.E. *Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII stoletiyakh* [Domesticity of Russian Tsars in the 16th and 17th Centuries]. In 3 vol. Moscow: Kniga, 1990, vol. 1, 416 p.
6. Kavelin K.D. [A Brief Look at Russian History]. *Izbrannoe* [Selected]. Moscow: ROSSPEN, 2010, 224 p.
7. Plekhanov G.V. [History of Russian Social Thought]. *Soch.* [Works]. Moscow; Leningrad, 1925, vol. 20.
8. Klyuchevskii V.O. [Russian History Course]. *Soch.* [Works]. In 8 vol. Moscow: Gospolitizdat, 1957, vol. 2, part 2, 468 p.
9. Klyuchevskii V.O. [Russian History Course]. *Soch.* [Works]. In 8 vol. Moscow: Gospolitizdat, 1957, vol. 3, part 3, 426 p.
10. Nechkina M.V. *Vasilii Osipovich Klyuchevskii. Istoriya zhizni i tvorchestva* [Vasily Osipovich Klyuchevsky. History of Life and Work]. Moscow: Nauka, 1974, 640 p.

УДК 94(47).084.9

DOI 10.23683/0321-3056-2019-4-64-69

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ

© 2019 г. С.М. Мусаева

THE NATIONAL QUESTION IN THE CULTURAL POLICY OF RUSSIA IN THE PERESTROIKA ERA

S.M. Musayeva

Мусаева Сабина Мурад-кызы –
свободный исследователь,
ул. Ю. Сафарова, 12а, кв. 36,
г. Баку, AZ-1025, Азербайджан.
E-mail: sabmus@hotmail.com

Sabina M. Musayeva -
Free Researcher,
Yu. Safarova St., 12a, fl. 36,
Baku, AZ-1025, Azerbaijan.
E-mail: sabmus@hotmail.com

Изучаются взгляды советской интеллигенции периода перестройки на национальный вопрос. Отмечается, что перестройка стала катализатором споров в среде националистически настроенной интеллигенции в союзных республиках. На примере разногласий Н. Эйдельмана и В. Астафьева, а также других представителей художественной интеллигенции показано размежевание советской интеллигенции по национальным вопросам в целом и вопросам статуса в республиках национального языка и национальной культуры.

Рассматриваются причины недовольства культурной и национальной политикой в СССР республиканскими руководителями, в частности проблемы башкиризации татарских школ и угрозы уничтожения татарского языка и культуры после включения Уфимской губернии в состав в Башкирии, затронутые на Пленуме ЦК КПСС 19–20 сентября 1989 г. первым секретарем башкирского обкома КПСС Р.Х. Хабибуллиним. Приведена позиция центральной власти на примере выступлений М.С. Горбачева с точки зрения ленинской политики культурной революции, отношение к данной позиции как представителей центральных и партийных органов власти, так и творческой интеллигенции. Отражена такая мера национально-культурной политики, как создание национально-культурных автономий в республиках, и отношений к ней различных творческих и общественно-политических сил. Раскрывается деятельность общественных организаций, формирование которых основывалось на национальной повестке, в частности общества «Память». Дается его характеристика представителями творческой интеллигенции и советскими политическими деятелями.

Приводятся примеры обсуждения в публицистике проблем антисемитизма, шовинизма на страницах газет и журналов «Огонек», «Советская культура», «Комсомольская правда», «Известия», «Октябрь», «Юность», «Знамя», в том числе «Письмо писателей, деятелей культуры и науки России», ставшее ответом на публикации в вышеобозначенных СМИ. В результате размежевание среди советской интеллигенции в период перестройки по такому ключевому вопросу, как национально-культурная политика, стало одним из важнейших факторов распада страны, поскольку именно творческая интеллигенция формировала в условиях гласности общественное сознание позднесоветского человека.

Ключевые слова: перестройка, культурная политика, национальный вопрос, творческая интеллигенция, власть и общество, идеологическое влияние, идеологический контроль, гласность.

The article is devoted to the study of the views of the Soviet intelligentsia on the national question in the period of perestroika. It is noted that perestroika has become a catalyst for disputes among nationalist intellectuals in the Union republics. On the example of the disputes between N. Eidelman and V. Astafiev and other intellectuals the author shows the division of the Soviet intelligentsia on the national question and the status of the national language and national culture in the republics.

Special attention is paid to specific examples of dissatisfaction with the policies of cultural and national policy of the USSR Republican leaders, in particular, the problems of “Bashkirization” of Tatar schools and the threat of destruction of the Tatar language and culture after the inclusion of the Ufa province in Bashkiria raised at the Central Committee Plenum on September 19 and 20, 1989 by the first Secretary of the Bashkir regional Committee of the CPSU R. H. Habibullin. The position of the Central government is given on the example of M. S. Gorbachev's speeches based on Lenin's policy of the cultural revolution, the attitude to this position of both representatives of the Central and party authorities, and the creative intelligentsia. Such a measure of national-cultural policy as the creation of national-cultural autonomies in the republics and the relations of various creative and socio-political forces are reflected. The article also

reveals the activities of public organizations, the formation and functioning of which were based on the national agenda, in particular, the society "Memory". The author characterizes the activity of "Memory" by representatives of the creative intelligentsia and Soviet politicians.

Examples of discussion in public press the problems of anti-Semitism, chauvinism, for example on the pages of newspapers and magazines "Ogonyok", "Sovietskaya Kultura", "Komsomolskaya Pravda", "Izvestia", "Otyabr' ", "Yunost' ", "Znamya", etc., where there was so-called "Letter of writers, culture and science workers of Russia", which became a response to publications in the above media. The author concludes that the division among the Soviet intelligentsia in the period of perestroika on such a key issue as national and cultural policy became one of the most important factors in the collapse of the country, since it was the creative intelligentsia that formed the public consciousness of the late Soviet man in the conditions of publicity.

Keywords: *perestroika, cultural policy, national question, creative intelligentsia, government and society, ideological influence, ideological control, publicity.*

Национальный вопрос – один из самых болезненных вопросов современности. Ошибки и просчеты в национальной политике стоят человечеству очень дорого – становятся причиной межнациональных конфликтов, войн, исчезновения целых государств. Именно поэтому так важно изучение различных ее аспектов. Культура и культурная политика могут быть как сближающим, так и разъединяющим фактором в национальном вопросе, особенно в многонациональном государстве, каковым является Российская Федерация. В нашей статье рассматривается культурный аспект национальной проблемы в СССР в годы перестройки.

Данному вопросу уделяется много внимания в научных работах. Среди них можно отметить статьи И.А. Гузельбаевой [1], затрагивающей тему возрождения национальной культуры в Татарстане в годы перестройки, Д.С. Сазанова [2] о деятельности творческой интеллигенции патриотического толка, которая, по его мнению, стала инициатором возрождения мифа о «жидомасонском заговоре». Теории масонского заговора против русской литературы, царившей в среде национал-патриотических сил эпохи перестройки, посвящена и статья А.И. Разуваевой [3] о конспирологическом сюжете в фильме Н. Бурляева «Лермонтов» и его «Дневнике режиссера».

С самого начала перестройки в обществе стали проявляться те проблемы, которые в предыдущие годы, если и не решались, то находились под контролем партийного руководства, в частности межнациональные отношения. Процесс возрождения национального сознания, заполнение «белых пятен» истории, критика прошлого, территориальные споры – все это стало причиной обострения национального вопроса в СССР.

Немалую роль сыграли культурная политика страны и ее представители. Гласность и послаб-

ления в цензуре имели и свои негативные стороны. Уже с самого начала перестройки, пока еще не так открыто, но начали появляться темы, запретные прежде в СССР. В частности, националистические тенденции и ксенофобия в литературе и кинематографии. Одним из первых отличился В. Астафьев, в произведениях которого «Ловля пескарей в Грузии» и «Печальный детектив» нашли оскорбительные для себя слова грузины и евреи. Первый рассказ стал предметом обсуждения на съезде писателей СССР, и в ходе развернувшейся полемики грузинская делегация покинула съезд в знак протеста. По словам самого В. Астафьева, после публикации рассказа грузины ему даже угрожали. Но писатель считал, что у этой истории были организаторы и вдохновители, которые намеренно раздували скандал. В свойственной ему резкой манере В. Астафьев обвинил в происходящем коллег-писателей С. Михалкова и Г. Троепольского, а также члена Политбюро Е.К. Лигачева [4, с. 381]. Получила широкую известность связанная с этой историей переписка Н. Эйдельмана с В. Астафьевым. Н. Эйдельман сделал попытку пристыдить В. Астафьева за ксенофобию, за что получил от того резкий и оскорбительный ответ. Письма Н. Эйдельмана и ответ В. Астафьева были размножены на пишущей машинке и распространены среди интеллигенции по всей стране. Отношение к обоим литераторам было неоднозначным. В. Астафьев получил огромное количество писем от возмущенных читателей, кто-то даже поспешил вернуть писателю его книги. Некоторые же считали, что В. Астафьева незаслуженно обидели и спровоцировали, и обвиняли Н. Эйдельмана в распространении писем с целью скомпрометировать В. Астафьева.

Перестройка стала катализатором активизации националистически настроенной интеллигенции в союзных республиках. Обострение национальных вопросов в СССР в конце 1980-х гг. коснулось и

культурной политики. В ЦК КПСС шли письма от интеллигенции союзных республик с просьбой решить вопрос о национальном языке и национальной культуре. После поездки на Украину и встречи с украинскими писателями М.С. Горбачев в разговоре с членами Политбюро нашел вполне естественным, что интеллигенция поднимает вопрос о национальных языках и литературе, о том, что было упущено за предыдущие годы. Писателей, по его мнению, беспокоило то, кто будет читать их произведения на родном языке. Однако М.С. Горбачев обратил внимание на попытки представить национальный вопрос с экстремистских позиций и отметил, что в народе очень сильны интернационалистские привязанности, и благодаря этому удастся избежать всплесков конфликтов, связанных с национальным вопросом [5, с. 466].

Среди представителей культуры разных республик и национальностей кипели споры о национальном языке, национальной литературе, шли разговоры о насильственной русификации в предыдущие годы. В своей речи на Пленуме ЦК КПСС 19–20 сентября 1989 г. М.С. Горбачев, отмечая впечатляющие результаты ленинской политики культурной революции, которая, несмотря на все деформации, способствовала развитию национальных культур всех народов СССР, научной и художественной интеллигенции, тем не менее подверг критике необоснованную ликвидацию национальных районов, а также сокращение использования национальных языков. По словам М.С. Горбачева, все это «трактовалось в пользу распространенных в прошлом теоретических постулатов о форсированном слиянии наций, которые были подняты на уровень программных установок» [6, с. 24]. Данные процессы беспокоили общественность, однако попытки решить эти острые вопросы более рационально зачастую воспринимались как проявления национализма. В результате многие национальные языки потеряли свою роль, что негативно сказалось и на национальных культурах [6, с. 24].

На этом же Пленуме первый секретарь башкирского обкома КПСС Р.Х. Хабибуллин заявил, что статус автономии препятствует решению национальных и культурных вопросов. Он привел в пример Башкирию и Эстонию. В Башкирии, население которой в 2 раза больше населения Эстонии, нет своей киностудии, выпускается только 10 периодических изданий против 105 в Эстонии, и т.д.

Обнажились проблемы национальных культур и языков и в самих автономных республиках, например в Башкирии, между башкирским и татарским населением. Активно поднимали эти вопросы главным образом деятели культуры. Так, башкирский поэт Б.Н. Халимов, обращаясь в лице В. Астафьева к известным советским деятелям культуры [7, с. 368], просит подействовать в разрешении татарской проблемы, которая существовала с 1922 г., когда Уфимскую губернию, где преобладающим населением были татары, включили в состав Башкирии. Впоследствии началась башкиризация татарских школ, что очень беспокоило татарское население республики, боявшееся потерять свой язык и свою культуру. Эта практика была подвергнута критике на февральском Пленуме ЦК КПСС в 1988 г. Начался процесс перевода школ на татарский язык обучения, однако вскоре он был приостановлен руководством Башкирии. Кроме того, не было программ на татарском языке на радио и ТВ, все татарские культурные и общественные объединения не признавались властями республики официально. Все это создало новый очаг напряженности между двумя национальностями.

Одним из направлений национальной политики партии было названо создание таких условий, чтобы национальные языки и культуры могли свободно развиваться. Также немаловажное значение имело усиление роли национальной автономии путем поднятия ее правового статуса. Предлагалось расширить компетенции национальных автономий и предоставить им право решать на своей территории все вопросы, включая проблемы защиты и охраны природы и исторических памятников, развития и сохранения национальных культур и языков [6, с. 226]. Поскольку не все национальные меньшинства имели свои автономии, предполагалось, что функции развития языка и культур последних возьмут на себя национальные культурные центры и общественные организации, которые будут также развивать контакты с гражданами других государств, имеющих общее этническое происхождение или культурное наследие.

Вопрос создания национально-культурных автономий вызвал споры в обществе. В редакцию «Известий ЦК КПСС» поступали письма, в которых люди выражали свое отношение к данной проблеме. Например, В.К. Савчук из Одессы считает, что создание культурно-национальной автономии разъединит совместно

живущих людей по национально-культурным признакам [8, с. 158], что будет означать разделение образования, культуры, общения, народного творчества. В результате, по мнению читателя, у людей, живущих в одной республике, не останется ничего общего, кроме советского паспорта, и вместе с тем «это увековечит архинационалистический предрассудок, что национальность определяется не общностью территории и языка, а неким “национальным самосознанием”, якобы передаваемым из поколения в поколение вместе с родительскими генами» [8, с. 158]. И. Акулов, Ю. Прокушев, В. Сорокин, члены КПСС, писатели из Москвы выражают обеспокоенность тем, что демагогия и экстремистские устремления прикрываются гласностью и плюрализмом мнений, а многие из тех, кто занимает руководящие посты на телевидении, в СМИ, «испытывают плохо скрываемую неприязнь к национальным традициям, особенно к русской национальной культуре», «ведут атаку на духовные и культурные ценности социализма, ставят под сомнение не только нашу историю, наши идеалы, но и важнейшие государственные решения» [8, с. 160].

Многие неформальные организации того периода также возникали на почве национальных идей. В справочнике «Неформальная Россия» выделены российские неформальные организации, образовавшиеся как гибрид культурно-просветительских и националистических идей. В сборнике подчеркивается, что общее для всех этих организаций «национальное и культурное возрождение русских и российских традиций в педагогике, воспитании, различных видах искусства, архитектуре, основанных на общинных традициях крестьянской русской культуры, национальных традиций в культуре общения и совместном проживании, восстановление коллективистских (артельных) форм трудовой деятельности, воспитание уважения к национальным символам отечественной истории, русскому и российскому краеведению, сохранение и развитие русского языка без засоренностей иностранного происхождения» [9, с. 59].

Самой известной организацией такого рода было общество «Память». Хотя впоследствии многие представители творческой интеллигенции дистанцировались от радикального общества, на первых порах «Память» пользовалась поддержкой части творческой интеллигенции, которые даже обвиняли ЦК и перестроечные СМИ в травле организации. Во власти же и сре-

ди либералов преобладало резко негативное отношение к обществу.

Например, Н.И. Рыжков пишет о том, что организация «вызывала отторжение со стороны других неформалов своими ксенофобскими лозунгами... После прихода в конце 1985 г. к руководству объединения Д. Васильева эта организация стала сильно радикализироваться. Опираясь на пресловутые “Протоколы сионских мудрецов”, Васильев рисовал картину мировой борьбы между сионизмом и патриотическими силами. Перестройку он трактовал как очищение партии и государства от “сионистской агентуры”» [10, с. 127]. Н.И. Рыжков полагал, что хотя «Память» и поддерживала перестройку на словах, на деле она принесла не меньше вреда, чем оппозиционные реформам политические и общественные неформальные организации, поскольку своей деятельностью отталкивала немалую часть общества.

Много внимания уделял критике «Памяти» и А.Н. Яковлев. В записке на имя М.С. Горбачева он сравнивает «Память» с польской «Солидарностью», обвиняя организацию в националистическом экстремизме и антисоветской пропаганде. Также он высказывает мысль, что создание «Памяти» имеет отношение к антисоветским силам на Западе, поскольку с появлением нового политического курса партии дисидентство было фактически ликвидировано, и Западу потребовалось что-то новое [11]. Доказательство экстремистского характера «Памяти», по мнению А.Н. Яковлева, в том, что, объявив одной из своих важнейших целей защиту культурного наследия, эта организация не стремится устанавливать контакты с выдающимися деятелями науки, культуры и искусства. Тем не менее некоторые видные деятели культуры поддерживали деятельность организации. Одним из них был писатель В. Распутин, к которому А.Н. Яковлев обратился с письмом, выражая недоумение поддержкой В. Распутиным движения «Память» (22 августа 1989). Деятельность «Памяти» А.Н. Яковлев характеризует как попытку, прикрываясь патриотизмом, заботой о русской культуре, сохранении ее святынь, навязать народу чувство шовинизма и охотничьескую идеологию. «Не получилось ли так, что Вашей честностью воспользовались те, кому и талант и гражданственность Ваши понадобились не для литературы России, а как прикрытие – для чего-то другого?» [12], – писал он В. Распутину.

В интервью журналу «Знамя» Г. Попов раскритиковал руководителей «Памяти» за их выборочное отношение к истории, которое проявлялось, по его словам, в том, что выбирается из истории только то, что нравится, а об остальном умалчивается [13, с.190]. Кроме того, Г. Попов считал недостатком организации то, что ее представители односторонне толковали те или иные события истории с точки зрения лишь одного народа СССР – русских, и даже более того – с московских позиций, в результате чего могли возникнуть конфликтные ситуации, спровоцированные столкновениями памяти одного народа с памятью другого или спорами о полноценности/неполноценности тех или иных народов [13, с. 192].

По мнению Г. Попова, уважение к истории только одного народа лишает возможности объективно оценивать исторические события, и что еще хуже, служит оправданием всему на свете [13, с.192]. Вместе с тем Г. Попов считал «Память» своеобразным наказанием за бюрократизацию общества охраны памятников, потому что простые люди, глядя на официальные структуры и их бездействие, приходят к выводу о необходимости радикальных мер, и тут общество «Память» отвечает их интересам.

В публицистике широко обсуждаются закрытые ранее проблемы антисемитизма, шовинизма. Е. Евтушенко, затрагивая тему националистических организаций, высказывается за борьбу с теми из них, которые разжигают национальную рознь, пользуясь предоставленной свободой слова. «Лозунги, вытаскиваемые из пронафталиненных сундуков, могут превратиться в боевой арсенал реакции. Перестройка – это попытка духовного и экономического раскрепощения. Но иногда раскрепощаются и низменные, подстрекательские страсти, ведущие сограждан не к взаимопониманию, а к взаимоненависти» [14, с.117]. Е. Евтушенко призывает не молчать, а бороться с этими проявлениями, не допускать использования гласности и демократии против породивших их реформ, не позволять определенным силам возбуждать ненависть между людьми.

В марте 1990 г. в «Литературной России», а затем в новой редакции в журнале «Наш современник» было опубликовано «Письмо писателей, деятелей культуры и науки России», адресованное Президенту СССР, Верховному Совету СССР и РСФСР, делегатам XXVIII съезда партии, известное так же как «Письмо семиде-

сяти четырех». В нем содержался ответ на обвинения ряда русских писателей в национализме со стороны «перестроечных» СМИ. Авторы письма обвинили «Огонек», «Советскую культуру», «Комсомольскую правду», «Книжное обозрение», «Московские новости», «Известия», журналы «Октябрь», «Юность», «Знамя» в том, что они служат прибежищем откровенным расистам и фашистам, занимаются травлей и преследованием представителей коренного населения страны и больше всего русского народа. Утверждалось, что люди русского происхождения постоянно подвергаются оскорблениям в прессе, называются фашистами и расистами. Одновременно идет очернение всего исторического прошлого России и отрицание ее вклада в мировую историю и культуру [15, с.136].

Письмо переполнено цитатами из различных публикаций, которые, по мнению авторов, оскорбительны для русского народа и русского национального характера, русской культуры и истории. Целью подобных публикаций называется дестабилизация ситуации в стране, желание расчленить ее, запугать население СССР «русским великодержавным шовинизмом».

Переоценка исторических событий в последние годы перестройки тоже видится писателям как часть этой клеветнической компании, в угоду которой переписывается и обесценивается история страны.

Таким образом, в среде творческой интеллигенции, как и во всем советском обществе, происходило размежевание по национальному вопросу, которое стало одной из ключевых причин распада страны. Деятели культуры, несмотря на многолетнюю пропаганду интернационального советского искусства, не только не смогли противостоять этой конфронтации, но и сами оказались ее активными участниками и порой вдохновителями, поскольку на тот момент формировали общественное мнение.

Литература

1. *Гузельбаева И.А.* Диалог творческой интеллигенции и власти в период перестройки (на материалах республики Татарстан) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 404. С. 57–60.
2. *Сазанов Д.С.* Критика западного пути развития в журналах «почвеннической» направленности в эпоху перестройки // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 3. С. 61.

3. Разуvalova A.I. Конспирологический сюжет в фильме «Лермонтов» и «Дневнике режиссера» Н. Бурляева: об «этнографии эмоций» национально-консервативного сообщества // Антропологический форум. 2015. № 27. С. 95–121.

4. Астафьев В.П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001. Иркутск : Сапронов, 2009. 720 с.

5. В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черныяева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / сост. А. Черныяев. М. : Горбачев-Фонд, 2008. 800 с.

6. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 19–20 сентября 1989 г. М. : Политиздат, 1989. 255 с.

7. Астафьев В.П. Собр. соч. : в 15 т. Т. 14 : Письма, 1961–1989 гг. Красноярск : Офсет, 1998. 480 с.

8. Известия ЦК КПСС. 1989. № 10.

9. Неформальная Россия: о «неформальных» политизированных движениях и группах в РСФСР (опыт справочника) / сост., авт. вступ. ст. и науч. ред. В. Березовский, Н. Кротов. М. : Мол. гвардия, 1990. 382 с.

10. Олейник Б.И., Павлов В.С., Рыжков Н.И. Иуда: Анатомия предательства Горбачева. М. : Эксмо: Алгоритм, 2010. 240 с.

11. ГАРФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 385. Л. 4.

12. ГАРФ. Ф. 10063. Оп. 2. Д. 507. Л. 23.

13. Знамя. 1988. № 1.

14. Евтущенко Е.А. Политика – привилегия всех. Книга публицистики. М. : Изд-во АПН, 1990. 624 с.

15. Наш современник. 1990. № 4.

References

1. Guzel'baeva I.A. Dialog tvorcheskoi intelligentsii i vlasti v period perestroiki (na materialakh respubliki Tatarstan) [Dialogue of Creative Intelligentsia and Power during the Perestroika Period (based on the materials of the Republic of Tatarstan)]. *Vestn. Tom. gos. un-ta.* 2016, No. 404, pp. 57-60.

2. Sazanov D.S. Kritika zapadnogo puti razvitiya v zhurnalakh «pochvennicheskoi» napravlenosti v epokhu perestroiki [Criticism of the Western Path of Development in Journals of the “Soil” Orientation in the Era of

Perestroika]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem.* 2011, No. 3, p. 61.

3. Razuvalova A.I. Konspirologicheskii syuzhet v fil'me «Lermontov» i «Dnevnik rezhissera» N. Burlyayeva: ob «etnografii emotsii» natsional'no-konservativnogo soobshchestva [Conspirological Plot in the Films “Lermontov” and “Diary of a Film Director” by N. Burlyayev: on the “Ethnography of Emotions” of the National Conservative Community]. *Antropologicheskii forum.* 2015, No. 27, pp. 95-121.

4. Astaf'ev V.P. *Net mne otveta... Epistol'yarnyi dnevnik 1952–2001* [There is No Answer for Me ... Epistolary Diary 1952-2001]. Irkutsk: Sapronov, 2009, 720 p.

5. *V Politbyuro TsK KPSS... Po zapisyam Anatoliya Chernyaeva, Vadima Medvedeva, Georgiya Shakhnazarova (1985–1991)* [To the Politburo of the Central Committee of the CPSU... According to the Notes of Anatoly Chernyaev, Vadim Medvedev, Georgy Shakhnazarov (1985-1991)]. Com. A. Chernyaev. Moscow: Gorbachev-Fond, 2008, 800 p.

6. *Materialy Plenuma Tsentral'nogo Komiteta KPSS 19–20 sentyabrya 1989 g.* [Proceedings of the Plenum of the Central Committee of the CPSU September 19-20, 1989]. M.: Politizdat, 1989. P. 255.

7. Astaf'ev V. P. *Sobr. soch.* [Collection of Works]. In 15 vol. Vol. 14: Letters, 1961-1989. Krasnoyarsk: Ofset, 1998, 480 p.

8. *Izvestiya TsK KPSS.* 1989, No. 10.

9. *Neformal'naya Rossiya: o «neformal'nykh» politizirovannykh dvizheniyakh i gruppakh v RSFSR (opyt spravochnika)* [Informal Russia: on “Informal” Politicized Movements and Groups in the RSFSR (experience of the directory)]. Com., Auth. Intr. Art. & Scien. Ed. V. Berезovskii, N. Krotov. Moscow: Mol. gvardiya, 1990, 382 p.

10. Oleinik B.I., Pavlov V.S., Ryzhkov N.I. *Iuda: Anatomiya predatel'stva Gorbacheva* [Judah: Anatomy of Gorbachev's Betrayal]. Moscow: Eksmo: Algoritm, 2010, 240 p.

11. GARF [SARF]. Fund 10063. In. 1. File 385. L. 4.

12. GARF [SARF]. Fund 10063. In. 2. File 507. L. 23.

13. *Znamya.* 1988, No. 1.

14. Evtushenko E.A. *Politika – privilegiya vsekh. Kniga publitsistiki* [Policy - a Privilege of All. Journalism book]. Moscow: Izd-vo APN, 1990, 624 p.

15. *Nash sovremennik.* 1990, No. 4.

УДК 94(47).084.9

DOI 10.23683/0321-3056-2019-4-70-74

ПУТИ И МЕТОДЫ ПРОПАГАНДЫ В СССР В 1960-е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ И КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

© 2019 г. М.А. Пономарева ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

WAYS AND METHODS OF PROPAGANDA IN THE USSR IN THE 1960S (ON THE EXAMPLE OF ROSTOV REGION AND KRASNODAR REGION)

M.A. Ponomareva ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Пономарева Мария Александровна –
кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой
отечественной истории XX – XXI веков,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: ponomariya@sfedu.ru

Maria A. Ponomareva -
Candidate of History, Associate Professor,
Head of Russian History
of the 20th-21st Centuries Department,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: ponomariya@sfedu.ru

Рассматриваются общие черты в развитии позиции КПСС по вопросу идеологической пропаганды в 1960-е гг. на примере Ростовской области и Краснодарского края. Приведены основные направления работы центральных и местных государственных и партийных органов. Выделены формы и методы идеологического влияния, способы привлечения общественности к партийной и государственной работе. Раскрываются содержание так называемого советского патриотизма и его основные тезисы. Местные партийные органы представлены не только в качестве посредников между центральными партийными органами и местными жителями, но и в качестве самостоятельных участников политического процесса на местном уровне.

Обращается внимание на особую роль средств массовой информации, в частности провинциальных газет и журналов, а также на преподавание общественных и гуманитарных наук в высших учебных заведениях и соответственно на роль провинциальной интеллигенции в формировании «верного» идеологического климата. Одной из главных целей пропаганды на местах называется создание условий для своевременной реакции на изменение общественной атмосферы и осуществления соответствующих мероприятий.

Приводятся примеры восприятия жителями решений местных партийных органов различного уровня. Доказывается, что в рамках общей партийной линии местные партийные организации самостоятельно определяли степень и меру реализации как решений верховных партийных органов, так и объем предоставляемой «наверх» об этом информации.

Ключевые слова: КПСС, Ростовская область, Краснодарский край, идеология, пропаганда, «советский патриотизм», местные партийные органы, идеологическое влияние, партийный контроль.

The article considers the common features in the development of the position of the CPSU on ideological propaganda issues in the 1960s on the example of two regions: the Rostov region and the Krasnodar region. The main directions of work of the Central and local state and party bodies are given. Forms and methods of ideological influence, ways of public involvement in party and state work are allocated.

Special attention is paid to the content of the so-called “Soviet patriotism”, its main theses are revealed. Local party bodies are represented not only as intermediaries between Central party bodies and local residents, but also as independent participants in the political process on the local level. Attention is drawn to the special role of the media, in particular, provincial newspapers and magazines, as well as the teaching of Social Sciences and Humanities in higher education and, accordingly, the role of the provincial intelligentsia in the formation of the “right” ideological climate. One of the main objectives of local propaganda is to create conditions for a timely response to changes in the public atmosphere and the implementation of appropriate activities.

Examples of reaction of local residents to decisions of local party bodies of various levels are given. It is proved that within the framework of the General Party line, local party organizations independently determined the degree

and measure of implementation of both the decisions of the Supreme Party bodies, and the amount of information provided “to the top” about it.

Keywords: CPSU, Rostov Region, Krasnodar Region, ideology, propaganda, “Soviet patriotism”, local party organizations, ideological influence, party control.

По мнению ряда российских исследователей, важное влияние на развитие взаимоотношений государственных органов власти, населения и общественных организаций в 1960-е гг. оказывала сложившаяся на тот период партийная идеология [1–8]. Особенно интересным представляется выявление идеологического содержания подобного рода взаимоотношений и изучение тех форм и методов идеологического влияния, которые были использованы как центральными, так и местными партийными и государственными органами для проведения на практике различных мер политического и экономического реформирования и вовлечения в этот процесс представителей местной общест-венности.

Влияние идеологического фактора на рассмат-риваемые взаимоотношения имело не-сколько противоречивый характер и претерпело определенную трансформацию. В 1960-е гг. со стороны разных уровней управления начались разночтения в понимании того, каковы функции идеологии, ее цели и задачи, и какую роль она должна играть во взаимоотношениях с местным обществом в рамках государственного политиче-ского и социально-экономического реформи-рования. С 1961 г. углубляется разрыв «...между теоретической работой и практи-кой...» [9, с. 285], ожиданиями от идеологиче-ского посыла, который направляли на места со-юзные (республиканские) партийные и государ-ственные органы, и результатами, полученными на местах.

Важнейшая роль в идеологической работе на местах отводилась ученым и преподавателям вузов. В.П. Елютин, министр высшего и средне-го специального образования, в свою очередь, предостерегал руководителей вузов и партий-ных организаций от того «неприятного факта», что преподаватели, которые «... по старинке трусливо» обходят острые вопросы, «дискреди-тируют нашу марксистско-ленинскую науку в глазах студентов» [10, с. 341–342].

На июньском (1963 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечалась необходимость расширения автори-тета общественных наук с целью формирования через них в «каждом советском специалисте» «сердца патриота», «гражданина Советского

Союза» [11, с. 50–51; 12]. Либо, развертывая научные исследования, следовало укреплять взаимодействие ученых, работающих в области естественных, технических и общественных наук, ориентируясь на применение научных до-стижений в народном хозяйстве, как отмечалось в резолюции XXIV съезда КПСС по Отчетному докладу ЦК КПСС от 09.04.1971 г. [13, с. 8–30].

В Ростовской области реализация Постанов-ления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему раз-витию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» [14] проводилась через кафедры общественных наук высших учебных заведений, о чем в начале 1970-х гг. союзному руководству также неодно-кратно докладывали местные партийные органы [15, с. 25]. Данная ситуация являлась типичной для всего юга России, однако ростовские вузы играли в ней ведущую роль.

В Москве 27–28 июня 1983 г. состоялась Всесоюзная научно-теоретическая конференция, посвященная 80-летию Второго съезда РСДРП. На конференции с докладом выступил секретарь ЦК Компартии Украины А.С. Капто, в котором прозвучал тезис в концепции центра о роли ре-гиональной интеллигенции в транслировании идеологии. Указывалось, в частности, что «эф-фективным каналом партийного руководства наукой» являлось формирование социальных заказов ученым, концентрация их усилий на разработке целевых программ [16, с. 63].

С 1961 г. одной из основных задач стало транслирование в общество идейного содер-жания тезисов новой программы партии «о вели-кой исторической миссии коммунизма» [17, с. 322–333]. Как отмечал на Всесоюзном сове-щании по вопросам идеологической работы, состоявшемся в 1961 г. в Москве, главный ре-дактор газеты «Правда» П.А. Сатюков, «... не-которые газеты редко дают на своих страницах пропагандистские статьи, написанные с жаром сердца, с большим умом, с обоснованием новых теоретических положений, выдвинутых Про-граммой партии и решениями съезда» [17, с. 322–333]. И главным примером по «исправле-нию» роли периодической печати в пропаган-дистских функциях должна была стать именно газета «Правда» как ведущее издание страны.

Местные партийные органы как основные трансляторы партийной идеологии на местах традиционно обозначили свою позицию в рассматриваемом вопросе. Так, Ростовский обком КПСС четко аргументировал свое мнение на одном из заседаний о роли периодической печати в политической пропаганде Ростовской области. В качестве основной задачи районных и областных газет было названо «... раскрытие новой Программы КПСС, распространение в массах ее идей, яркая и глубокая пропаганда материалов и решений XXII съезда, перспектив коммунистического строительства в нашей стране, организация масс на претворение в жизнь исторических решений съезда...» [18, л. 14].

В итоге степень, направление, методы и в ряде случаев интерпретация партийной идеологии определялись органами власти на местах и развивались в тех смысловых рамках, которые ими же и устанавливались. В частности, на юге России реакция руководства периодической печати и общественного восприятия партийных указаний была достаточно умеренной. Так, в феврале и июле 1962 г. Ростовский обком КПСС посвятил ряд заседаний рассмотрению вопроса о роли шахтинской газеты «Призыв» «...по мобилизации тружеников сельского хозяйства Шахтинского производственного правления на выполнение решений мартовского Пленума ЦК КПСС» [19, л. 17] и каменской газеты «Труд» по «...пропаганде и реализации решений XXII съезда КПСС» [18, л. 12]. В протоколах бюро Ростовского обкома КПСС отмечалось, что редакция газеты «Призыв» провела работу, в результате которой стала «большим помощником» сельских партийных организаций. Однако в развитии общественных начал газетой сделан «лишь первый шаг» – создан один внештатный отдел. В реальности действенность критических выступлений газеты «...низка» [18, л. 18].

На местах значительно больший акцент делался на такой функции печати, как «настойчивая борьба за практическое создание материально-технической базы коммунизма», способствовало тому, чтобы «каждый трудящийся отчетливо увидел и глубоко осознал свое место в ряду строителей коммунизма, проникся высокой ответственностью» [18, л. 14].

Анализ происходивших общественно-политических и социально-экономических преобразований в стране привел представителей центральных органов власти к пониманию необходимости усиления контроля над местной

периодической печатью. Существенные сдвиги в этом направлении начинаются со второй половины 1960-х гг. Главную роль в исправлении создавшегося положения центральное руководство отводило местным партийным комитетам. Постановление ЦК КПСС «О повышении роли районных газет в коммунистическом воспитании трудящихся» от 12.09.1968 г. по сути содержит протокольные правила для средств массовой информации в рамках идеологического воздействия на общество. Так, в число основных функций районных газет входило систематическое описание связей депутатов с трудящимися, информирование о выполнении наказов избирателей и отчетах депутатов перед населением. Связь с гражданами на местах предполагалась за счет улучшения работы с авторским активом, укрепления связей с рабочими и сельскими корреспондентами, публикации отчетов о собраниях трудящихся, результатов встреч с передовиками производства, специалистами народного хозяйства, представителями местной интеллигенции [13, с. 512]. Таким образом, предполагалось охватить практически все слои местного общества, что позволило бы не только влиять на принятие конкретных политических и экономических решений на местах, но и вовремя корректировать изменения общественной атмосферы.

Еще более определенная позиция партийного руководства прослеживается в Постановлении ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения партийно-политической информации» от 07.02.1969 г., в котором предписывалось редакциям газет «Правда», «Известия», «Советская Россия», «Сельская жизнь», Комитету по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР, ТАСС и АПН разработать конкретные мероприятия по «улучшению содержания» внутренней и международной информации [13, с. 190–195].

С одной стороны, подобного рода указания, пусть даже выраженные в директивной форме, должны были способствовать развитию взаимоотношений государственных органов региональной и центральной власти, населения и общественных организаций. С другой стороны, в тексте Постановления была оговорка, которая четко определяла условия подобного рода отношений – организация пресс-конференций и иных мероприятий и установок была поручена «Отделу пропаганды ЦК КПСС и Отделу печати МИД СССР» [13, с. 193]. Тем самым дух со-

трудничества был нивелирован директивностью принимаемых решений.

Тем не менее на местах посыл к сотрудничеству был воспринят с воодушевлением. В частности, краснодарский исследователь А.И. Бакурский отмечал, что «наиболее значимые законопроекты» (основы гражданского законодательства и гражданского судопроизводства СССР и союзных республик; о районном и городском советах депутатов трудящихся РСФСР и др.) «стали публиковаться в печати и подвергаться всестороннему обсуждению не только специалистами, но и широкими кругами населения, всего советского общества» [20, с. 292].

Таким образом, основными путями пропаганды партийной идеологии в 1960-е гг. служили средства массовой информации, в особенности региональные, и усиление роли общественных наук в высших учебных заведениях. Основным содержанием пропаганды в этот период являлось воспитание советского патриотизма, которое подразумевало гордость за достижения народного хозяйства, советскую систему власти, в первую очередь за факт непосредственного участия народа в управлении страной через наказы, выборы в советы, отчетность депутатов перед избирателями, и эффективность управления со стороны КПСС.

Литература

1. *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. М. : Политиздат, 1992. 159 с.
2. *Фельдман Д. М.* Советская идеология в контексте политической истории России XX в. : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2007. 691 с.
3. *Богданова Е. А.* Обращения граждан в органы власти как опыт отстаивания своих интересов в условиях позднесоветского общества : дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2006. 183 с.
4. *Алёшина Е. Ю.* Язык в системе воздействия властей на массовое сознание во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг.: на материалах Пензенской области : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006. 298 с.
5. *Щеглов Ю. Н.* Власть и формирование массового сознания на региональном уровне в середине 1960-х – начале 1980-х гг. (на примере Пензенской области) : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005. 201 с.
6. *Никонова С. И.* Государственная политика в области идеологии и культуры в контексте советской действительности (середина 60-х – середина 80-х годов XX века) : дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2009. 357 с.
7. *Бараишков Г. М.* Эволюция коммунистической идеологии: от государственной к партийной в СССР – Российской Федерации : дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2005. 196 с.
8. *Chinander W. A.* Ideology of reform: From the «thaw» to perestroika. Ph.D. : University of Kansas, 2003.
9. *Федосеев П. Н.* Марксизм-ленинизм – научная основа руководства общественной жизнью // XXII съезд КПСС и вопросы идеологической работы : материалы Всесоюз. совещания по вопросам идеологической работы 25–28 декабря 1961 г. М. : Политиздат, 1962. С. 279–286.
10. *Елютин В. П.* Выше уровень подготовки молодых специалистов // XXII съезд КПСС и вопросы идеологической работы : материалы Всесоюз. совещания по вопросам идеологической работы 25–28 декабря 1961 г. М. : Политиздат, 1962. С. 339–345.
11. *Ильичев Л.Ф.* Очередные задачи идеологической работы партии // Пленум ЦК КПСС. 1963. Июнь : стенографический отчет. М. : Политиздат, 1963. С. 5–67.
12. *Пономарева М.А.* Идеологический и партийный контроль в системе отношений центр – регион 50-е – нач. 60-х годов (на примере Ростовской области) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культура и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2 (8), ч. 2. С. 152–161.
13. Об идеологической работе КПСС : сб. док. М. : Политиздат, 1983. 544 с.
14. История Коммунистической партии Советского Союза / отв. ред. А.Б. Безбородов; науч. ред. Н.В. Елисеева. М. : Политическая энциклопедия, 2014. 670 с.
15. Трудовой Дон от съезда к съезду // Блокнот агитатора. Спец. вып. 1971. Март. 159 с.
16. *Kanto A.C.* Актуальные вопросы повышения научно-теоретического уровня идеологической работы в современных условиях // Павленко А.А. Значение идеологической работы КПСС в решении экономических задач (Из опыта Ростовской областной партийной организации). М. : Знание, 1983. 64 с.
17. *Сатюков П.А.* Ленинский стиль в руководстве печатью // XXII съезд КПСС и вопросы идеологической работы : материалы Всесоюз. совещания по вопросам идеологической работы 25–28 декабря 1961 г. М. : Политиздат, 1962. С. 322–333.
18. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 2863.
19. ГАРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2928.
20. *Бакурский А.И.* Развитие социалистической демократии в период строительства коммунизма в СССР // Из истории партийных организаций Краснодарского края. Краснодар : Изд-во Краснодарского гос. пед. ин-та, 1968. С. 277–297.

References

1. Bordyugov G.A., Kozlov V.A. *Istoriya i kon'yunktura: sub'ektivnye zametki ob istorii sovetskogo obshchestva* [History and Conditions: Subjective Notes on the History of Soviet Society]. Moscow: Politizdat, 1992, 159 p.
2. Fel'dman D.M. *Sovetskaya ideologiya v kontekste politicheskoi istorii Rossii XX v.: dis. ... d-ra ist. nauk* [Soviet Ideology in the Context of the Political History of Russia of the 20th century]. Saratov, 2007, 691 p.
3. Bogdanova E.A. *Obrashcheniya grazhdan v organy vlasti kak opyt otstaivaniya svoikh interesov v usloviyakh pozdnesovetskogo obshchestva: dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Citizens' Appellations to Authorities as an Experience of Defending their Interests in the Conditions of the Late Soviet Society]. Saint Petersburg, 2006, 183 p.
4. Aleshina E.Yu. *Yazyk v sisteme vozdeistviya vlastei na massovoe soznanie vo vtoroi polovine 1960-kh – pervoi polovine 1980-kh gg.: na materialakh Penzenskoi oblasti: dis. ... kand. ist. nauk* [Language in the System of Influence of Authorities on Mass Consciousness in the Second half of the 1960s - the First Half of the 1980s: Based on Proceedings of Penza Region]. Penza, 2006, 298 p.
5. Shcheglov Yu.N. *Vlast' i formirovanie massovogo soznaniya na regional'nom urovne v seredine 1960-kh – nachale 1980-kh gg. (na primere Penzenskoi oblasti): dis. ... kand. ist. nauk* [The Power and Formation of Mass Consciousness at the Regional Level in the Mid. 1960s - Early 1980s (on the Example of Penza Region)]. Penza, 2005, 201 p.
6. Nikonova S.I. *Gosudarstvennaya politika v oblasti ideologii i kul'tury v kontekste sovetskoi deistvitel'nosti (seredina 60-kh – seredina 80-kh godov XX veka): dis. ... d-ra ist. nauk* [State Policy in the Sphere of Ideology and Culture in the Context of Soviet Reality (mid. 60s – mid. 80s of the 20th century)]. Kazan, 2009, 357 p.
7. Barashkov G.M. *Evolutsiya kommunisticheskoi ideologii: ot gosudarstvennoi k partiinoi v SSSR – Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. polit. nauk* [The Evolution of Communist Ideology: from State to Party in the USSR - Russian Federation]. Saratov, 2005, 196 p.
8. Chinander W. A. *Ideology of reform: From the «thaw» to perestroika*. Ph.D.: University of Kansas, 2003.
9. Fedoseev P.N. [Marxism-Leninism - the Scientific Basis for the Management of Public Life]. *XXII s"ezd KPSS i voprosy ideologicheskoi raboty* [XXII Congress of the CPSU and Questions of Ideological Work]. Proceedings of the All-Union Meetings on Ideological Work, December 25-28, 1961. Moscow: Politizdat, 1962, pp. 279-286.
10. Elyutin V.P. [Higher Level of Training of Young Specialists]. *XXII s"ezd KPSS i voprosy ideologicheskoi raboty* [XXII Congress of the CPSU and Questions of Ideological Work]. Proceedings of the All-Union Meetings on Ideological Work, December 25-28, 1961. Moscow: Politizdat, 1962, pp. 339-345.
11. Il'ichev L.F. [Immediate Tasks of the Ideological Work of the Party]. *Plenum TsK KPSS. 1963. Iyun'* [Plenum of the Central Committee of the CPSU. 1963. June]. Verbatim Report. Moscow: Politizdat, 1963, pp. 5-67.
12. Ponomareva M.A. *Ideologicheskii i partiinyi kontrol' v sisteme otnoshenii tsentr – region 50-e – nach. 60-kh godov (na primere Rostovskoi oblasti)* [Ideological and Party Control in the System of Relations Center - region 50s - early 60s (on the example of the Rostov region)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'tura i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2011, No. 2 (8), part 2, pp. 152-161.
13. *Ob ideologicheskoi rabote KPSS* [On the Ideological Work of the CPSU]. Col. Doc. Moscow: Politizdat, 1983, 544 p.
14. *Istoriya Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza* [History of the Communist Party of the Soviet Union]. Res. Ed. A.B. Bezborodov; Scien. Ed. N.V. Eliseeva. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014, 670 p.
15. *Trudovoi Don ot s"ezda k s"ezdu* [Working Don from Congress to Congress.]. *Bloknot agitatora*. Special Issue 1971, March, 159 p.
16. Kapto A.S. [Actual Issues of Increasing the Scientific and Theoretical Level of Ideological Work in Modern Conditions]. Pavlenko A.A. *Znachenie ideologicheskoi raboty KPSS v reshenii ekonomicheskikh zadach (Iz opyta Rostovskoi oblastnoi partiinoi organizatsii)* [The Value of the Ideological Work of the CPSU in Solving Economic Problems (From the Experience of the Rostov Regional Party Organization)]. Moscow: Znanie, 1983, 64 p.
17. Satyukov P.A. [Leninist Style in Leadership of the Press]. *XXII s"ezd KPSS i voprosy ideologicheskoi raboty* [XXII Congress of the CPSU and Questions of Ideological Work]. Proceedings of the All-Union Meetings on Ideological Work, December 25-28, 1961. Moscow: Politizdat, 1962, pp. 322-333.
18. *Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti (GARO)* [State Archive of the Rostov Region (SARR)]. Fund 9. In. 1. File 2863.
19. *GARO* [SARR]. Fund 9. In. 1. File 2928.
20. Bakurskii A.I. [The Development of Socialist Democracy During the Construction of Communism in the USSR]. *Iz istorii partiinykh organizatsii Krasnodarskogo kraia* [From the History of Party Organizations of the Krasnodar Region]. Krasnodar: Izd-vo Krasnodarskogo gos. ped. in-ta, 1968, pp. 277-297.

УДК 93 (327)

DOI 10.23683/0321-3056-2019-4-75-85

ЭВОЛЮЦИЯ ФРАНКО-ГЕРМАНСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ: ОТ ВЕСТФАЛЬСКОГО ДО ВЕРСАЛЬСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА

© 2019 г. Н.Е. Пуховская^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

THE EVOLUTION OF FRANCO-GERMAN CONTRADICTIONS BETWEEN THE PEACE OF WESTPHALIA AND THE TREATY OF VERSAILLES

N.E. Pukhovskaya^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Пуховская Наталья Евгеньевна –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра зарубежной истории
и международных отношений,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: nepuhovskaya@sfnu.ru

Natalia E. Pukhovskaya -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of Foreign History
and International Relations,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: nepuhovskaya@sfnu.ru

Исследуются франко-германские противоречия, заложенные в статьях Вестфальского мирного договора, закрепившего статус Германии как политически раздробленной страны и лишивших ее условий для создания национального суверенного государства, что стало возможным вследствие внешнеполитических амбиций и усилий французской дипломатии.

Эволюция франко-германских взаимоотношений, отличавшихся нарастанием противоречий и взаимной неприязни, истоки которых во многом продиктованы эгоистичными национальными интересами обеих стран, рассматривается в статье вплоть до подписания Версальского договора.

Характер и специфика франко-германских противоречий анализируются с учетом контекста эпохи, особенностей европейской системы международных отношений, дипломатической конъюнктуры, идеологического инструментария, умело используемого политиками двух стран. Силовые методы решения межгосударственных проблем, отсутствие желания поиска компромисса демонстрировали не только незрелость политико-идеологических стратегий двух стран, но и становились причиной новых войн и конфликтов.

Ключевые слова: Франция, Германия, Тридцатилетняя война, франко-германская война, Вестфальский мирный договор, Франкфуртский мир, Версальский мирный договор, Эльзас, Лотарингия, франко-германские противоречия.

The article is devoted to the study of Franco-German contradictions underpinned by the Peace of Westphalia, which fixed the status of Germany as a politically fragmented country and deprived it of the conditions for creating a sovereign national state, which became possible due to foreign policy ambitions and efforts of French diplomacy.

The article considers the evolution of Franco-German relations until the signing of the Treaty of Versailles focusing on the increase in contradictions and mutual hostility, the origins of which being largely dictated by selfish national interests of both countries.

The specific nature of the Franco-German contradictions is analyzed by taking into account the context of the era, the particularities of the European system of international relations, diplomatic conjuncture as well as the ideological toolkits skillfully used by politicians of both countries. Methods of solving interstate problems by force and the lack of desire to find a compromise not only demonstrated the immaturity of the political and ideological strategies of Germany and France but also caused new wars and conflicts.

Keywords: France, Germany, Thirty Years' War, Franco-German War, Peace of Westphalia, Treaty of Frankfurt, Treaty of Versailles, Alsace, Lorraine, Franco-German contradictions.

Эпохальным событием первой половины XVII в. стала Тридцатилетняя война, исход которой привел к существенному изменению политической карты Европы, а также заложил основу первой в истории системы международных отношений. Тридцатилетняя война, в рамках которой предстояло решить комплекс проблем территориального, религиозного и династического порядка, продемонстрировала невероятные успехи французской дипломатии. Замыслы французской дипломатической стратегии начала XVII в. заключались в том, чтобы воспрепятствовать укреплению династии Габсбургов, целью которых было восстановление влияния императорской власти в Германии, что означало усиление роли немцев в Европе. Создание мощного немецкого государства не входило в политико-дипломатические планы Франции, а потому она, заручившись поддержкой со стороны Швеции, стала активно бороться против Фердинанда II, используя при этом самые разнообразные приемы, к числу которых следует отнести обещание «восстановить свободу Германии». Французские призывы к «восстановлению свободы» стоит рассматривать в качестве эффективного средства, с помощью которого удалось мобилизовать князей на борьбу с германским императором. Таким образом, «вооружившись идеей свободы» французы стали вмешиваться в немецкие дела, что приводило к систематическому разорению Западной Германии, а следствием явилось ослабление Германии и невозможность ее политического объединения.

Таким образом, Вестфальский мир продемонстрировал торжество и невероятный успех французской дипломатии. Главный противник Франции – Священная Римская империя германской нации фактически прекратила свое существование. Согласно Вестфальским договоренностям Франция расширяла свои владения на левом берегу Рейна, ей удалось добиться признания своих прав на крепости Мец, Туль и Верден, находившиеся в Лотарингии. Вестфальский мир существенно укрепил международные позиции Франции, которая наряду со Швецией не только оказалась в статусе стран-победительниц, но и являлась гарантом выполнения Вестфальского мирного договора, что возвело ее в ранг великой европейской державы. Победа в Тридцатилетней войне, которую справедливо принято считать «первой европейской войной», обеспечила Франции военно-политическое преобладание, а XVII в. принято

считать периодом французской гегемонии в Европе [1, с. 9].

На фоне стран-победительниц совсем незаметной оказалась участь побежденных, к числу которых можно отнести Германию. «XVII в. стал веком немецкой исторической трагедии», а Тридцатилетняя война оказалась подлинной катастрофой для Германии [2, с. 63].

Вестфальский мирный договор не только лишил Германию ряда территорий, отошедших к Швеции и Франции, но и зафиксировал фактический распад Священной Римской империи германской нации, что предопределило ее государственно-политическую раздробленность на длительное время. Отныне Германия представляла 300 разрозненных, ничем тогда не связанных между собой светских и духовных княжеств, не считая имперских городов.

В отличие от успешных европейских государств, формировавшихся на принципах территориальной целостности и государственного суверенитета, к числу которых относилась и Франция, немецкие государства были раздроблены, отличались конфессиональной разобщенностью, партикуляризмом, «политические распри усугублялись династическими противоречиями», все это делало «недостижимым политическое единство» страны [3, с. 5].

Последствия войны для Германии также обернулись долгосрочными крайне негативными внешнеполитическими перспективами, сопряженными с ее международным статусом, к числу которых следует отнести отсутствие немцев в первой волне европейской колониальной экспансии.

Совсем иначе выглядели внешнеполитические позиции Франции. Благоприятный исход войны, обеспечивший этой стране внешнеполитический престиж и авторитет, позволял ей зарабатывать долгосрочные внешнеполитические концепции, с тем чтобы сохранить систему международных отношений в том виде, который был выгоден для решения французских внешнеполитических задач. Франция получила возможность влиять на положение в Центральной и Восточной Европе, так как могла выступать теперь арбитром в спорах между немецкими князьями, что создавало дополнительные средства для противодействия австрийским Габсбургам.

Таким образом, в эпоху Нового времени Франция умело маневрировала, создавая коалиции против своих противников, участвуя в различных европейских конфликтах, оспаривая с

другими влиятельными государствами статус «арбитра Европы», что позволяло ей определять вектор международных отношений и занимать, как правило, доминантное положение в Европе.

И если XVII – XVIII вв. были эпохой «династического интереса» в международных отношениях, то XIX в. демонстрировал торжество «экономического интереса»; наблюдалась тенденция к экономизации межгосударственных отношений. Отныне цели внешней политики европейских стран во многом были продиктованы их экономическим потенциалом, поскольку именно благодаря экономике появлялись средства для достижения внешнеполитических целей.

К сожалению, экономические показатели Германии были предельно скромными, первая половина XIX в. характеризуется тотальным отставанием страны. Модернизационные процессы в немецких государствах вплоть до середины XIX в. протекали вяло, следствием чего являлось экономическое и социальное отставание, которое превратилось в устойчивую тенденцию, а стагнация стала своеобразной визитной карточкой хозяйственного упадка. В XIX в. в Германии преобладало земледелие, доля городского населения была невелика. Так, в Пруссии в 1849 г. городское население «составляло лишь 28 %, в промышленно развитой Саксонии – 34 %; в Баварии на 100 «городских жителей» приходилось 578 сельских, в Вюртемберге – 400, в Бадене – 560» [4, с. 17]. Стоит учитывать, что эти цифры дают лишь представление о численности городского населения, но отнюдь не являются свидетельством того, что немецкие горожане существовали неземледельческими промыслами. Даже в сравнительно крупных городах значительная часть населения, «иногда до 20 % существовала исключительно сельским хозяйством, другая часть – сельским хозяйством и промышленными занятиями, и лишь оставшая – исключительно торговлей и промышленностью» [4, с. 17]. Например, в 1849 г. доля фабричных рабочих в Пруссии составляла лишь 5,4 %, а в 1860 г. на фабриках и заводах было занято 7 % прусского населения [5, с. 26].

В то время как европейские государства, в том числе и Франция, переживали период бурного экономического роста на фоне модернизационных преобразований, немецкие государства сохраняли феодальные пережитки и безнадежно отставали в социально-экономической сфере,

неслучайно за ними прочно закрепился статус аутсайдеров.

Итак, Тридцатилетняя война явилась важным рубежом в немецкой истории, ее последствия оказались серьезной исторической травмой, сопряженной с «отклонением Германии от “нормального” исторического развития в процессе ее перехода от доиндустриальной эпохи к индустриальной» [6, с. 9]. Подобная тенденция не только предопределила растущее отставание германских государств в XVIII и в первой половине XIX в., но и создаст почву для формирования «национальной истории» в русле концепции «особого немецкого пути», что послужит основой для утверждения иррационализма, будущих расистских, националистических, антисемитских теорий» [7, с. 92], а в дальнейшем будет способствовать распространению самых смелых и дерзких экспансионистских планов.

Стоит учитывать, что немцы во многих своих бедах винили французов, рассматривая их в качестве «старинного врага, который по итогам Тридцатилетней войны добился в Вестфальском договоре 1648 г. юридического закрепления германской раздробленности» [8, с. 137]. Причем немцы долгое время не могли избавиться от чувства обиды, нанесенной французами, о чем свидетельствуют слова канцлера фон Бюлова, произнесенные 14 ноября 1906 г. в рейхстаге: «Вестфальский мир создал Францию и разрушил Германию» [9, с. 3–4].

Но немецкие обвинения в адрес Франции на этом не исчерпывались, они еще более усилились в период наполеоновских войн. В 1806 г. Пруссия пережила одну из самых страшных катастроф, когда в результате поражения при Йене и Ауэрштедте французы безжалостно разгромили прусские войска. Наполеон закрепил свою победу весьма жесткими и унижительными для пруссаков условиями мира. В результате «Пруссия лишилась всех своих провинций к западу от Эльбы и всех владений в Польше, вследствие чего ее население сократилось с 9,7 млн чел. до 4,9 млн чел. Из всех стран, побежденных Наполеоном, Пруссии пришлось выплатить самую большую военную контрибуцию, размер которой составил 515 млн франков» [9, с. 4]. С 1806 по 1813 г. Пруссия подверглась оккупации, в ходе которой французы безжалостно осуществляли поборы, грабежи и вывоз материальных ценностей. Во Францию по приказу Наполеона была отправлена «даже знаменитая квадрига,

украшавшая Бранденбургские ворота в Берлине» [9, с. 4].

Французы даже в XIX в. крайне скептически относились к немцам, рассматривая их исключительно как непрактичных и склонных лишь к музицированию и философствованию. Они разделяли утвердившуюся в Европе точку зрения, согласно которой «англичанам принадлежат моря, французам и русским поля, а немцы остаются заложниками своих фантазий, мечтаний и иллюзий» [10, с. 133]. Французское общественное мнение вплоть до 1870 г. активно распространяло идею о том, что «немцы скучны, неповоротливы, нет в них жизни, чувства, они грубы, словом – неприятны, они не герои» [11, с. 12].

Объединительный процесс, который стараниями Отто фон Бисмарка усилился в 60-е гг. XIX в., вызывал недовольство во Франции, воспринимавшей происходящее в качестве угрозы национальным интересам Второй империи. Наполеон III откровенно говорил о том, что будет препятствовать объединению Германии, однако Бисмарк уверенно шел к намеченной цели, не обращая внимания на подобного рода выпады со стороны французского императора. В конце 60-х гг. XIX в. наблюдалось усиление франко-германских противоречий, которые в 1870 г. привели к войне.

Недальновидность и ошибочность своих суждений в отношении немцев, недооценку их внутреннего потенциала французам пришлось признать после окончания франко-германской войны 1870-1871 гг. По мнению российского писателя и общественного деятеля XIX в. П.С. Леонарда, успех немцев в войне и по ее окончании являлся закономерным. Немцы, считал П.С. Леонард, «прислушиваются к голосу веков и извлекают из него драгоценные плоды опыта. Они медленно, но прочно вступают вперед, неразрывно с прошедшим ... они бережно разворачивают неразрывную историческую нить... не обрывают ее» [11, с. 80]. «Смирение и безоглядное, твердое исполнение долга» позволили немцам, с точки зрения Леонарда, сломить «декоративное величие Франции» [11, с. 75].

Непродолжительная война серьезно пошатнула позиции Франции. Во время войны людские потери французов составили 140 тыс. чел. [9, с. 6]. Хотя немцам война тоже стоила больших жертв: они потеряли 6247 офицеров, 123 453 солдата [12]. Большое количество французов было взято в плен: в Германии – 11 860

офицеров, 371 981 солдат; в Париже – 7456 офицеров, 241 686 солдат; обезоружено в Швейцарии – 2192 офицера, 88 381 солдат; всего 21 508 офицеров, 702 047 солдат [12].

На военную кампанию (с 19 июля по 2 сентября 1870 г.) Франция потратила 15 млрд франков, причем эта сумма не являлась исчерпывающей [13, с. 49]. Для примера: военная кампания 1814–1815 гг. не превысила 2,5 млрд франков [13, с. 49].

Французы не учли, что война была для немцев «священной», для них было делом чести завершить объединение страны, создать империю, а также наказать своих давних противников. Немцы были настроены решительно, поэтому они не скрывали, что «условия, которые мы предъявим Франции, будут настолько тяжелы, что у французского народа не получится легко выйти из игры», «мы должны деморализовать их настолько, насколько сможем» и «сокрушить их так, чтобы они не могли вздохнуть еще сотни лет» [9, с. 5].

Немцы сдержали свои грозные обещания, которые нашли отражение в статьях Франкфуртского мирного договора. По его условиям на Францию возлагалась 5-миллиардная контрибуция, выплата которой стала для французов тяжелым финансовым бременем, повлекшем за собой социальные катаклизмы. Однако еще более трудным испытанием для побежденной Франции стали территориальные потери. Согласно мирным договоренностям, немцы-победители обязали Францию предоставить в распоряжение Германской империи Эльзас и восточную Лотарингию – «территории более чем в 1 450 000 га и населением 1 957 000 жителей» [14, с. 270]. Французы воспринимали этот факт как вопиющую несправедливость, в сознании французских граждан прочно закрепилась мысль, «что германские территориальные приобретения были основаны “не на праве, а на силе”» [15, с. 52].

У французов были основания для подобного рода суждений, ввиду того что «положения Франкфуртского договора не были санкционированы никаким международным конгрессом, а значит, вопрос о признании легитимности германских завоеваний великими державами оставался открытым» [15, с. 54].

Действительно корни тогдашних и будущих конфликтов между Францией и Германией были заложены в статьях Франкфуртского договора. Спустя 3 месяца после подписания мирных до-

говоренностей Бисмарк пророчески заявил, что «за минувшей войной между Францией и Германией последует ряд других» [16, с. 21].

Германская империя, наслаждаясь победой и собственным величием, была лишена желания поиска компромисса или хотя бы видимой попытки свести к минимуму конфронтацию с французами. Сознание французской нации и правящей элиты Третьей республики было отравлено болезненным реваншизмом, германофобскими настроениями и иллюзией о скором возвращении отторгнутых территорий.

Немцы-победители после войны демонстрировали «самоуверенность и заносчивость», а разговаривать с Францией они предпочитали «языком угроз и ультиматумов» [17, с. 28]. Население отторгнутых у Франции территорий, находясь под властью Германской империи, ощутило всю полноту драматизма сложившейся ситуации. «Эльзасцам все было не по душе в их новом отечестве: высокомерие аристократии, наглость офицеров, подбострастие подчиненных, пресмыкательство перед властью; они задыхались в феодальном здании, куда их втиснули» [18, с. 384]. Немцы приступили к осуществлению политики германизации, причем действовали с невероятным упорством. Так, например, они вытеснили «французский язык из официального употребления, подчинили школы стеснительному надзору (февраль 1873 г.)... стали поощрять переселение немцев в Эльзас» [18, с. 384]. В 80–90-е гг. XIX в. был не только запрещен французский язык, «но некоторые чиновники зашли так далеко, что запрещали французские надписи на надгробных памятниках» [18, с. 385].

Немцы с невероятной поспешностью ввели воинскую повинность для молодых людей, проживающих на территории Эльзаса и Восточной Лотарингии. Это нововведение спровоцировало не только новую волну недовольства и протестов, но и побудило эльзасцев и лотарингцев к неповиновению. «В Эльзас-Лотарингии вплоть до конца 1870-х гг. процент уклонистов от службы в германской армии составлял порядка 70 %»; в период «с 1871 по 1910 гг. Эльзас-Лотарингию покинуло свыше 461 тыс. человек» [15, с. 54].

Чувство ненависти и вражды к немцам усиливала недалёковидная политика, в рамках которой «было запрещено пребывать в Эльзасе всем, кто имел хотя бы самое отдаленное отношение к французской армии; арестовывали лю-

дей, единственное преступление которых состояло в том, что они не скрывали своей привязанности к Франции; был запрещен доступ в имперские провинции (т.е. Эльзас и Лотарингию) всем приезжим, у которых не было визированных в германском посольстве паспортов» [18, с. 385].

После отставки Бисмарка наиболее ненавистные и стеснительные меры были отменены, однако изменить крайне негативное отношение французов к немцам было уже почти невозможно.

Таким образом, мирный договор и послевоенная практика взаимодействия двух стран заложили прочный фундамент долгосрочных претензий, территориальных противоречий, взаимной неприязни. Бисмарк, будучи рейхсканцлером, прекрасно понимал всю степень французского недовольства, вражды и мести по отношению к немцам. Политика Бисмарка в послевоенный период была предельно проста: «Враждебность Франции обязывает нас к тому, чтобы она была слабой» [19]. Бисмарк сконцентрировал свои усилия на политико-дипломатическом давлении на французское руководство, он делал ставку на изоляцию Франции на международной арене и сталкивание между собой ее потенциальных союзников. Канцлер широко использовал тактику дискредитации французов и запугивания «французской угрозой». Весной 1875 г. Бисмарк, вынашивая идею помешать мирному восстановлению Франции, в очередной раз заявил о наличии «французской угрозы», с тем чтобы привлечь внимание европейской элиты и общественности к «неподобающему поведению» французов. Подобного рода дипломатические интриги, имеющие своей целью осуждение европейскими странами поведения Франции, Бисмарк относил к достижениям немецкой дипломатии.

Французская версия происходивших между Францией и Германией событий выглядела следующим образом: «До 1873 г. князь Бисмарк не переставал угрожать нам», – с горечью констатировал Р. Пуанкаре [20, с. 37]. В 1875 г. Бисмарк, по словам французского политика, «пытался зажечь пожар войны, от чего был удержан только усилиями Англии и России. Затем, в течение десяти лет, он старался хитростью и ласками ввести нас в русло своей политики и принудить нас признать отторжение наших территорий» [20, с. 37]. Кайзер Вильгельм II вообще безапелляционно и уверенно заявлял, что «Эльзас-Лотарингия уже в течение

многих столетий была коренной немецкой областью. Она была в свое время захвачена Францией, а в 1871 году мы взяли ее обратно, как принадлежащую нам по праву... Уступка с нашей стороны в этом вопросе явилась бы пощечиной нашему национальному чувству и чувству законности вообще» [21, с. 283]

Подобного рода суждения позволяют утверждать, что немецкие политики на протяжении нескольких десятилетий вынашивали самые амбициозные и смелые планы в отношении Франции. Например, канцлер Бюлов даже в начале XX в. «ожидал найти в глубине наших (французских. – Н. П.) душ признание верховенства Германии», сокрушался Пуанкаре [20, с. 37]. Совершенно справедливым в этой связи является замечание французского политика, утверждающего, что «между Францией и Германией наблюдалось острое несогласие. Первая не хотела понять, что вторая не желала быть “блестящим попутчиком” ее политики» [20, с. 36]. Трудно также не согласиться с мнением немецкого историка О. Данна, который утверждает, что «извечная вражда» с Францией стала аксиомой, которая получила дополнительную легитимацию благодаря реваншистским и националистическим настроениям во Франции [22, с. 168].

Действительно, французскую угрозу нельзя было назвать мнимой. Французы, бесспорно, вынашивали идею реванша, не сиюминутно, конечно, но в перспективе. Именно поэтому заявления немецкой политической элиты не были беспочвенными, тем более что немецкие политики не могли не обратить внимания на процесс реформирования французской армии по прусскому образцу в послевоенный период. Кроме того, Франция всячески давала понять, что не откажется от своей роли «великой державы», и немцы это прекрасно осознавали.

Постепенно немцы начинают убеждаться в том, что добиться гегемонии в Европе, а значит и закрепить свою победу над Францией возможно только путем активной колониальной политики. Признавая тот факт, что Германия существенно отстает от ведущих европейских стран в вопросах колониальной экспансии, немцы возвели данную проблему в разряд первостепенных, которая требовала колоссальных усилий и скорейшего решения. Актуализация темы колониальной экспансии для Германии была очевидной ввиду того, что страна опоздала к территориальному переделу мира. Сами

немцы признавали, что «вследствие собственных ошибок и целого ряда внешних обстоятельств мировой истории Германия ... задержалась на столетия, и ее перегнали чужие народы на Западе и Востоке», именно поэтому теперь германский рейх стремился устранить эту проблему путем активной и даже агрессивной внешней политики [23, S. 248].

Крупный немецкий историк Герман фон Трейчке, который активно пропагандировал идею сильного немецкого государства, стремящегося к мировой гегемонии, после завершения «эры Бисмарка» уверенно убеждал соотечественников в том, что они «до сих пор слишком смирились» и не акцентировали должного внимания «на ущербе для нации от раздела другими державами неевропейских территорий», теперь же, по его мнению, наступило время «требовать колониальные владения, чтобы иметь возможность далее существовать в качестве великой державы» [24, S. 42].

Французы, бесспорно, с тревогой наблюдали за усилением мощи германского рейха, появлением великодержавных амбиций и увеличением численности немецкого населения. Так, если к 1850 г. количество немцев составляло лишь 24,8 млн, то к 1910 г. население империи достигло 65 млн [5, S. 38]. К 1915 г. население Германии увеличилось до 68 млн, во Франции при почти такой же территории оно фактически стагнировало, лишь в 1915 г. достигло 40 млн [25, с. 30]. Демографическая ситуация, наблюдавшаяся в Германской империи во второй половине XIX в., требовала, по язвительному замечанию Пуанкаре, чтобы часть немецкого населения «отправилась искать себе счастья вовне, и вот таким образом, германцы отправились в мир в тот момент, когда к несчастью для них, уже не оставалось свободных мест», потому «они пустили в ход локти, чтобы освободить себе местечко» [20, с. 51].

В 1890 г. с приходом к власти Вильгельма II был провозглашен курс мировой политики (“Weltpolitik”), что означало немецкую внешнеполитическую экспансию, в том числе посредством торговой политики.

В марте 1897 г. имперский министр иностранных дел, барон Адольф Маршалл фон Биберштайн, выступая в рейхстаге и касаясь проблемы всемирно-исторической роли Германии, сказал: «Вопрос о том, должна ли Германия заниматься мировой политикой, неразрывно связан с другим, имеет ли Германия мировые

интересы? Этот вопрос давно решен... Немецкие купцы, которые поставляют немецкой продукции на сотни миллионов в заморские страны, немецкие судовладельцы, которые снаряжают тысячи судов, чтобы бороздить моря всех стран, и немцы, которые переезжают за море, чтобы там основать новую родину, – они расставили на великой мировой шахматной доске немецкие фигуры в надежде, что мы их защитим и их достижения будут не напрасны. Должны ли мы обмануть эти ожидания? Я считаю, что мысль о том, что мы для этого слишком бедные, слишком слабые, слишком убогие, не должна возникать у немца; тогда бы мы перестали быть тем, чем мы стали благодаря великим временам. Все то, что великая целеустремленная нация отдает в чужие страны, образует экономически и политически, материально и идейно очень ценный капитал. Сохранить этот капитал и использовать его для родины – одна из первейших наших обязанностей, и для круга этих обязанностей я использую слово «мировая политика»; именно в этом смысле мы хотим и должны заниматься мировой политикой. Не существует опасности, что мы на этом пути покатаемся вниз. Кто этого боится, тот видит призраков светлым днем» [23, S. 257].

По мнению известного немецкого колонизатора Карла Петерса, бездействие в колониальных вопросах грозит германскому рейху «огромным экономическим ущербом» ввиду того, что немецкий потенциал «устремляется в большинстве случаев непосредственно в лагерь наших экономических конкурентов и увеличивает мощь наших противников»; «ежегодно миллионы немецких капиталов переходят к другим нациям!» Немецкий экспорт зависит от произвола иностранной пошлинной политики» [26, S. 93]. «Нашей промышленности, по заверениям Карла Петерса, не хватает надежного при любых обстоятельствах рынка сбыта, поскольку у нашего народа отсутствуют собственные колонии» [26, S. 93].

Усилия немецких политиков были направлены на превращение страны в мировую державу, а главный инициатор активного внешнеполитического курса – кайзер Вильгельм II открыто заявлял: «Теперь моя обязанность, моя привилегия – беспощадно использовать для достижения данной задачи подходящие, а если придется, то и самые сильные средства. Я убежден, что весь немецкий народ сплотится вокруг меня» [27, S. 88].

По замечанию М. Вебера, «цели германской политики, в том числе и в наибольшей степени – заморской политики, были весьма умеренными по сравнению с территориальными приобретениями других народов, а ее результаты – и по-прежнему скудными. При этом, однако, она породила зоны разногласий и производила шум, несравнимый с политикой любой другой страны. И всегда эти политически совершенно бесполезные и пагубные сенсации создавались такого рода оглаской высказываний монарха. И этот метод оказывал вредное воздействие не только на чуждые нам или на нейтрально относящиеся к нам державы» [28, с. 202].

Действительно, немцы излишне нарочито заявляли о своих внешнеполитических планах, что не могло остаться без внимания французов, которые воспринимали подобного рода высказывания в качестве реальной угрозы. Французы с горечью констатировали, что когда они «слышат по ту сторону Рейна куплеты песни “Deutschland über alles” («Германия превыше всего»), они очень хорошо понимают, что угрозы направляются, прежде всего, против них» [20, с. 55]. Однако, по мнению Бисмарка, политика Вильгельма II в отношении французов отличалась от политики прежнего императора. Так, например, Бисмарк обвинял Вильгельма II в том, что тот, предпринимая «попытки завоевать любовь французов, истинной подоплекой которых, возможно, была заветная мысль посетить Париж и готовность вновь открыть границу у Вогезов, привели к единственному результату: французы стали наглее, а мы – боязливее» [29, с. 193].

Стоит учитывать, что уже в конце XIX – начале XX в. колониальная политика европейских стран, прежде регулируемая дипломатическими приемами, теперь перерастала в политическую плоскость с использованием силовых методов. Ввиду этих обстоятельств во многих европейских странах наблюдались гонка вооружений и появление националистических организаций. Франция и Германия не стали исключением. В 90-е гг. XIX в. во Франции появилась организация националистического толка «Ligue Maritime Francaise». В 1898 г. в Германии было основано «Общество германского флота», которое к 1908 г. насчитывало в своих рядах более 1 млн членов, а в 1912 г. было создано «Германское общество вооруженных сил» [22, с. 210]. Подобного рода явления свидетельствовали о милитаризации стран, в первую очередь, Германской империи.

Опасения французов были не напрасны. В конце XIX – начале XX в. Германская империя, превратившись в бесспорного экономического лидера в Европе, постоянно напоминала о своих внешнеполитических претензиях. Французы сетовали на то, что «Германия с высокомерием и заносчивостью вызывала дипломатические трудности», «бряцала оружием, протягивала свой бронированный кулак» [13, с. 295]. В подобного рода ситуациях Франция, чтобы «успокоить Германию», старалась уладить эти конфликты с помощью «объяснений, переговоров, интернациональных конференций и даже территориальных уступок» [13, с. 295]. Однако немцы не отступали от своих стратегических планов, они тщательно готовились к предстоящей войне.

Французы отмечали активное строительство немцами шоссейных дорог и железнодорожных линий, предназначенных для стремительного вторжения немецких войск на территорию Бельгии и Франции. По мнению французов, «после 1900 г., а именно в 1904 и 1914 гг. на высотах, господствующих над Метцем, были возведены могущественные укрепления, на большом расстоянии от города были построены передовые форты, они выходили на стратегическую дорогу Мозеля и должны были обстреливать французские железнодорожные пути, идущие от Туля до Седана. В этот же период была окружена прочным кольцом укреплений линия Метц – Теонвилль. Страсбург был опоясан линией из четырнадцати выдвинутых фортов по обоим берегам Рейна. В Лотарингии... была возведена целая система укреплений, построенных по последнему слову техники обороны; в начале августа 1914 г. о них разбилося первое французское наступление на востоке» [13, с. 297].

В действительности, к Первой мировой войне готовилась не только Германия, поскольку кризис Венской системы международных отношений был очевиден, к тому же на рубеже веков складывался культ войны, а мирные соглашения были хрупкими и непрочными. Война рассматривалась представителями многих государств в качестве героической эпопеи, способной разрешить имеющиеся противоречия и проблемы. Германии для мобилизации понадобилось 14 дней, в Первую мировую войну она вступила 1 августа 1914 г. Французы вступили в войну на два дня позже, им понадобилось 16 дней для мобилизации. Все это является свидетельством готовности обеих стран к войне.

Первая мировая завершилась поражением Германии, крушением империи и подписанием Версальского мирного договора, условия выполнения которого оказались невероятно сложными для немцев. Жесткость и международно-правовая несправедливость статей Версальского мирного договора во многом были продиктованы непримиримой позицией Франции, которая старалась максимально унижить и дискредитировать побежденную Германию. Именно поэтому немецкая общественность не скрывала своего крайне негативного отношения к договору.

Эрнст Трельч, оценивая Версаль, писал в 1924 г., что «Версальский договор – это воплощение садистско-ядовитой ненависти французов» [30, с. 67]. Известный варбургский профессор Мойрер сказал в свое время о Версальском договоре: «Германия оказалась жертвой обмана. Версальский мирный договор... принятие которого было вынуждено при помощи насилия, должен будет всегда встречать сопротивление в Германии... Даже если мы из уважения к нашей подписи будем его выполнять в пределах возможного, то это вовсе не будет означать отказ от нашего права сопротивляться ему» [31, с. 27]. По мнению еще одного современника послевоенных событий, известного специалиста по международному праву профессора Ляуна, формально-юридическая обязательность Версальского договора «будет разрушаться в силу его моральных дефектов» [31, с. 27].

После окончания войны национальное сознание немецкого народа, испытавшего разочарование, горечь поражения, бесконечного унижения, было отравлено болезненным реваншизмом, национализмом, ненавистью к французам. Статьи Версальского мирного договора заложили прочную основу для нового витка конфликта между Францией и Германией, который будет еще более сложным и ожесточенным.

Франко-германские взаимоотношения в период Нового времени были пропитаны враждой и ненавистью ввиду того, что Вестфальский мир, усилив позиции держав антигабсбургской коалиции, обрёл страны противоположного блока, в том числе Германию, на роль второстепенных и бесперспективных государств, закрепив их территориальную раздробленность. Внешнеполитическим гарантом выполнения договорных обязательств помимо Швеции также являлась Франция, политика которой могла влиять на судьбу германских государств. Несправедливое, с точки зрения немцев, решение

территориальных проблем повлекло за собой системное отставание немецких государств в социально-экономической, внутри- и внешнеполитических сферах, в результате чего за Германией закрепился статус неудачника в европейской системе международных отношений, который еще более усилился в период наполеоновских войн.

Исторические травмы и отклонение от нормального европейского развития станут основой немецкой национальной идеи, сформировавшей особую ментальность, основанную на чувстве превосходства, желании доминировать над своими обидчиками и попытках доказать собственную историческую значимость усилением милитаристских тенденций, ярко проявившихся после окончания франко-германской войны.

После завершения франко-германской войны 1871 г. победители и побежденные поменялись местами, вчерашний аутсайдер – Германия, превратившись в мощную, влиятельную империю, демонстрировала ярко выраженные внешнеполитические амбиции, в то время как Франция, утратив статус великой державы, мечтая о былом величии, вынашивала идею реванша. Подобная ситуация привела к серьезным переменам во взаимодействиях двух стран, что повлечет за собой структурные изменения в европейской системе международных отношений.

К сожалению, франко-германские противоречия решались исключительно с позиции силы, были далеки от поиска компромисса, именно поэтому столь деструктивными являлись решения победителей в отношении побежденных. Франко-германские противоречия являются примером защиты интересов страны, основанных на национальном эгоизме, что приводит к утрате баланса межгосударственных интересов, а это значит, что новый виток конфликтов между двумя странами был неизбежен.

Литература

1. *Поршнев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М. : Наука, 1976. 437 с.
2. *Раков В.М.* «Европейское чудо» (рождение новой Европы в XVI – XVIII вв.). Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1999. 254 с.
3. *Лазарева А.В.* Национальная мысль в Германии в эпоху Тридцатилетней войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 30 с.

4. *Блос В.* Германская революция. История движения 1848–1849 года в Германии / пер. с нем. В. Базарова и И. Степанова. М. : Гос. изд-во, 1928. 528 с.

5. *Geissler R.* Die Sozialstruktur Deutschlands. Die gesellschaftliche Entwicklung vor und nach der Vereinigung. Bonn : Bundeszentrale für politische Bildung, 2002. 512 S.

6. Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия. М. : Три квадрата, 2010. 319 с.

7. *Пуховская Н.Е.* Особенности политической культуры Германии: искажение исторической памяти и формирование национальных мифов // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире. Будапешт; Киров : Радуга-ПРЕСС, 2019. 523 с.

8. *Односталко М.А.* Французский национализм как основная причина участия Франции в Первой мировой войне // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭК. 2014. Т. 10, № 2. С. 136–141.

9. *Лихарев Д.В.* Опыт наполеоновских войн в немецком национальном сознании во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. // Вестн. Краснодарского гос. ин-та культуры. 2019. № 1 (18). С. 3–7.

10. *Пленков О.Ю.* Триумф мифа над разумом. Немецкая история и катастрофа 1933 г. СПб. : Владимир Даль, 2011. 608 с.

11. *Леонард П.* Германия или Франция? Одна и другая. СПб. : Тип. Б.Г. Янпольского, 1875. 86 с.

12. *Мольтке Г.* История германо-французской войны 1870–1871 гг. М., 1937. URL: [http:// militera.lib.ru/h/moltke_h/25.html](http://militera.lib.ru/h/moltke_h/25.html) (дата обращения: 20.06.2019).

13. *Зеваэс А.Л.* История Третьей республики (1870–1926). М.; Л. : Гос. изд-во, 1930. 400 с.

14. *Лависс и Рамбо.* История XIX века. Конец века. 1870–1900. Ч. 2 : пер. с фр. : в 8 т. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1939. Т. 8. 551 с.

15. *Бодров А.В.* «Эльзас-лотарингский вопрос» в дипломатии Франции после 1871 года: основные принципы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 9. С. 52–56.

16. *Хвостов В.М.* Проблемы истории внешней политики России и международных отношений в конце XIX – начале XX в. М. : Наука, 1977. 403 с.

17. *Манфред А.З.* Внешняя политика Франции 1871–1891. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. 591 с.

18. *Лависс и Рамбо.* История XIX века. Конец века. 1870–1900. Ч. 2 : пер. с фр. : в 8 т. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1939. Т. 7. 623 с.

19. *Бодров А.В.* Франко-германские отношения в первые годы после Франкфуртского мира: 1871–1875 гг. URL: <http://www.dissercat.com/content/franko-germanskie-otnosheniya-v-pervye-gody-posle->

frankfurtskogo-mira-1871-1875-gg (дата обращения: 20.06.2019).

20. Пуанкаре П. Происхождение мировой войны / пер. с фр. А.Ф. Сперанского; с предисл. И.Н. Бороздина. Петроград : Мир, 1924. 256 с.

21. Кайзер Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878–1918. М. : Вече, 2017. 318 с.

22. Данн О. Нации и национализм в Германии 1770–1990 / пер. с нем. И.П. Стребловой. СПб. : Наука, 2003. 469 с.

23. Bonhard O. Geschichte des Alldeutschen Verbandes. Leipzig und Berlin: Theodor Weicher, 1920. 300 S.

24. Treitschke H. von. Politik. Vorlesungen, gehalten an der Universität zu Berlin / hrsg. von Max Cornicelius. Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1922. 576 S.

25. Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. М. : РОССПЭН, 2017. 677 с.

26. Krätschell H. Carl Peters 1856 bis 1918. Ein Beitrag zur Publizistik des imperialistischen Nationalismus in Deutschland. Berlin : Freie Universität, 1959. 215 S.

27. Reden des Kaisers. Ansprachen, Predigten und Trinksprüche Wilhelms II / hrsg. Von Ernst Johann. München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1966. 171 S.

28. Вебер М. Политические работы (1895–1919) / пер. с нем. Б.М. Скуратова. М. : Праксис, 2003. 424 с.

29. Бисмарк О. Второй рейх. Не надо воевать с Россией. М. : Родина, 2019. 463 с.

30. Космач В.А. Германия в 1918–1919 гг.: рождение республики. Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2008. 169 с.

31. Версальский мирный договор / полн. пер. с фр. и под ред. проф. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина; со вступит. ст. проф. Ю.В. Ключникова. М. : Литиздат НКВД, 1925. 198 с.

References

1. Porshnev B.F. *Tridtsatiletnyaya voina i vstuplenie v nee Shvetsii i Moskovskogo gosudarstva* [The Thirty Years War and the Entry of Sweden and the Moscow State into It]. Moscow: Nauka, 1976, 437 p.

2. Rakov V.M. «Evropeiskoe chudo» (rozhdenie novoi Evropy v XVI – XVIII vv.) [“European Miracle” (the birth of a new Europe in the 16 – 18th centuries)]. Perm: Izd-vo Perm. un-ta, 1999, 254 p.

3. Lazareva A.V. *Natsional'naya mysl' v Germanii v epokhu Tridtsatiletnei voiny: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [National Thought in Germany during the Thirty Years War]. Moscow, 2008, 30 p.

4. Blos V. *Germanskaya revolyutsiya. Istoriya dvizheniya 1848–1849 goda v Germanii* [German Revolution. The History of the Movement of 1848-1849 in

Germany]. Tr. from Germ. by V. Bazarov and I. Stepanov. Moscow: Gos. izd-vo, 1928, 528 p.

5. Geissler R. *Die Sozialstruktur Deutschlands. Die gesellschaftliche Entwicklung vor und nach der Vereinigung*. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2002, 512 S.

6. *Ideologiya «osobogo puti» v Rossii i Germanii: istoki, sodержanie, posledstviya* [The Ideology of the “Special Way” in Russia and Germany: the Origins, Content, Consequences]. Moscow: Tri kvadrata, 2010, 319 p.

7. Pukhovskaya N.E. [Features of the Political Culture of Germany: Distortion of Historical Memory and the Formation of National Myths]. *Politika i kul'tura: problemy vzaimodeistviya v sovremennom mire* [Politics and Culture: Problems of Interaction in the Modern World]. Budapesht; Kirov: Raduga-PRESS, 2019, 523 p.

8. Odnostalko M.A. *Frantsuzskii natsionalizm kak osnovnaya prichina uchastiya Frantsii v Pervoi mirovoi voine* [French Nationalism as the Main Reason for the Participation of France in the First World War]. *Politicheskaya ekspertiza. POLITEKS*. 2014, vol. 10, No. 2, pp. 136-141.

9. Likharev D.V. *Opyt napoleonovskikh voyn v nemetskom natsional'nom soznanii vo vremya frankoprusskoi voiny 1870–1871 gg.* [The Experience of the Napoleonic Wars in German National Consciousness during the Franco-Prussian War of 1870-1871]. *Vestn. Krasnodarskogo gos. in-ta kul'tury*. 2019, No. 1 (18), pp. 3-7.

10. Plenkov O.Yu. *Triumf mifa nad razumom. Nemetskaya istoriya i katastrofa 1933 g.* [The Triumph of Myth over Mind. German History and the Disaster of 1933]. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2011, 608 p.

11. Leonard P. *Germaniya ili Frantsiya? Odnа i drugaya* [Germany or France? One and the Other]. Saint Petersburg: Tip. B.G. Yanpol'skogo, 1875, 86 p.

12. Mol'tke G. *Istoriya germano-frantsuzskoi voiny 1870–1871 gg.* [The History of the German-French War of 1870-1871]. M., 1937. Available at: http://militera.lib.ru/h/moltke_h/25.html (accessed 20.06.2019).

13. Zevaes A.L. *Istoriya Tret'ei respubliki (1870–1926)* [History of the Third Republic (1870-1926)]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo, 1930, 400 p.

14. *Laviss i Rambo. Istoriya XIX veka. Konets veka. 1870–1900* [Laviss and Rambo. The History of the 19th Century. The End of the Century. 1870-1900]. Ch. 2: Tr. from Fr.: in 8 vol. Moscow: Gos. sots.-ekon. izd-vo, 1939, vol. 8, 551 p.

15. Bodrov A.V. «El'zas-lotaringskii vopros» v diplomatii Frantsii posle 1871 goda: osnovnye printsipy [The Alsace-Lorraine Question in French Diplomacy after 1871: Basic Principles]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2014, No. 9, pp. 52-56.

16. Khvostov V.M. *Problemy istorii vneshnei politiki Rossii i mezhdunarodnykh otnoshenii v kontse XIX – nachale XX v.* [Problems of the History of Russian Foreign Policy and International Relations in the Late 19th - Early 20th Century]. Moscow: Nauka, 1977, 403 p.
17. Manfred A.Z. *Vneshnyaya politika Frantsii 1871–1891* [French Foreign Policy 1871-1891]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1952, 591 p.
18. Laviss i Rambo. *Istoriya XIX veka. Konets veka. 1870–1900* [Laviss and Rambo. The History of the XIX Century. The End of the Century. 1870-1900]. Ch. 2: Tr. from Fr.: in 8 vol. Moscow: Gos. sots.-ekon. izd-vo, 1939, vol. 7, 623 p.
19. Bodrov A.V. *Franko-germanskie otnosheniya v pervye gody posle Frankfurtskogo mira: 1871–1875 gg.* [Franco-German Relations in the First Years after the Frankfurt Peace: 1871-1875]. Available at: <http://www.dissercat.com/content/franko-germanskie-otnosheniya-v-pervye-gody-posle-frankfurtskogo-mira-1871-1875-gg> (accessed 20.06.2019).
20. Puankare R. *Proiskhozhdenie mirovoi voiny* [Origin of World War]. Tr. from Fr. by A.F. Speranskiy; with intr. by I.N. Borozdin. Petrograd: Mir, 1924, 256 p.
21. Kaizer Vil'gel'm II. *Memuary. Sobytiya i lyudi. 1878–1918* [Memoirs. Events and People. 1878-1918]. Moscow: Veche, 2017, 318 p.
22. Dann O. *Natsii i natsionalizm v Germanii 1770–1990* [Nation and Nationalism in Germany 1770-1990]. Tr. from Ger. by I.P. Streblova. Saint Petersburg: Nauka, 2003, 469 p.
23. Bonhard O. *Geschichte des Alldeutschen Verbandes.* Leipzig und Berlin: Theodor Weicher, 1920, 300 p.
24. Treitschke H. von. *Politik. Vorlesungen, gehalten an der Universität zu Berlin.* Hrsg. von Max Cornicelius. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1922, 576 S.
25. Fisher F. *Ryvok k mirovomu gospodstvu. Politika voennykh tselei kaizerovskoi Germanii v 1914–1918 gg.* [Breakthrough to World Domination. The Policy of Military Objectives of Kaiser Germany in 1914-1918]. Moscow: ROSSPEN, 2017, 677 p.
26. Krätschell H. *Carl Peters 1856 bis 1918. Ein Beitrag zur Publizistik des imperialistischen Nationalismus in Deutschland.* Berlin: Freie Universität, 1959, 215 S.
27. *Reden des Kaisers. Ansprachen, Predigten und Trinksprüche Wilhelms II.* Hrsg. Von Ernst Johann. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1966, 171 S.
28. Veber M. *Politicheskie raboty (1895–1919)* [Political Works (1895-1919)]. Tr. from Germ. by B.M. Skuratov. Moscow: Praksis, 2003, 424 p.
29. Bismark O. *Vtoroi reikh. Ne nado voevat' s Rossiei* [Second Reich. No Need to Fight with Russia]. Moscow: Rodina, 2019, 463 p.
30. Kosmach V. A. *Germaniya v 1918–1919 gg.: rozhdenie respubliki* [Germany in 1918-1919: the Birth of the Republic]. Vitebsk: VGU imeni P. M. Masherova, 2008, 169 p.
31. *Versal'skii mirnyi dogovor* [Versailles Peace Treaty]. Com. Tr. from Fr., Ed. by Yu.V. Klyuchnikov and A. Sabanin; Int Art. by Yu.V. Klyuchnikov. Moscow: Litizdat NKID, 1925, 198 p.

УДК 94(47)

DOI 10.23683/0321-3056-2019-4-86-90

РОЛЬ ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЖИЗНИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960–1970-е ГОДЫ

© 2019 г. Я.В. Фиофанова ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

THE ROLE OF TRADE UNION ORGANIZATIONS IN THE LIFE OF THE ROSTOV REGION IN 1960-1970

Ya.V. Fiofanova ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Фиофанова Яна Владимировна –
аспирант, кафедра
отечественной истории XX–XXI веков,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: madam.fiofanowa@yandex.ru

Yana V. Fiofanova -
Postgraduate, Department of Domestic History
of the 20th-21st Centuries,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: madam.fiofanowa@yandex.ru

На основе различных источников, прежде всего архивных материалов, рассмотрены изменения в работе профсоюзных организаций Ростовской области в 60–70-е годы минувшего века. Отмечено расширение состава профсоюзов не только в различных отраслях промышленного производства, но и в сфере культуры и образования, вовлечение их в решение жизненно важных вопросов – в совершенствовании управления, в борьбе с бюрократическими тенденциями, в культурно-просветительной работе, в нравственно-этическом воспитании масс, в организации труда и отдыха трудящихся. Уделено внимание и распределению финансовых средств на материальную помощь членам профсоюзов, на культурно-образовательные цели и пр. При этом подчеркивается, что в рассматриваемые годы роль профсоюзов в экономической и социальной сферах жизни в Ростовской области неуклонно возрастала, они становились школами управления, хозяйствования. Профсоюзы являлись своего рода промежуточным звеном между органами управления и населением.

Ключевые слова: советские профсоюзы, общество, государственные учреждения, общественная организация.

Based on various sources, primarily archival materials, changes in the work of trade union organizations of the Rostov region in the 60-70s of the last century are considered. The author points out at the expansion of the composition of trade unions not only in various branches of industrial production, but also in the field of culture and education, their involvement in solving vital issues - in improving governance, in the fight against bureaucratic trends, in cultural and educational work, in the moral and ethical education of the masses, in the organization of labor and recreation of workers. Attention was also paid to the distribution of financial resources for material assistance to trade union members, for cultural and educational purposes, etc. It is emphasized that in the above-mentioned years the trade unions role in the economic and social spheres of life in the Rostov Region steadily increased, they started functioning as the schools of management. Trade unions were a kind of intermediate link between the governing bodies and the population.

Keywords: Soviet trade unions, society, state institutions, public organization.

С первых лет советской власти роль профсоюзов в нашей стране резко изменилась. Если в дореволюционный период профсоюз – это добровольное общественное объединение людей, связанных общими интересами по роду их деятельности на производстве, в сфере обслуживания, культуры и т.д., созданное преимущественно для защиты прав работников перед работода-

телями, то в советское время профсоюзы были призваны играть в первую очередь роль посредника между партией и народом, воплощать идеи партии в жизнь. В те годы популярным был тезис: «Профсоюзы – приводной ремень от партии к массам». И за десятилетия советской власти этот лозунг не претерпел существенных изменений. Так, профсоюзы 1960-х гг. были объеди-

нениями людей по профессиональному признаку и роду занятий, цель их деятельности заключалась в вовлечении в экономическое строительство широких масс трудящихся и в развитии у них трудового творчества, активности, новой дисциплины труда, самостоятельности и сознания ответственности.

Как отмечал М.С. Курбацких, профсоюзы СССР во второй половине XX столетия были полностью подконтрольны КПСС и администрациям, являлись звеном в системе государственного и хозяйственного управления [1, с. 96]. О.Ф. Михайловская называет деятельность профсоюзов немаловажным условием взаимодействия общества с органами власти [2]. И.Ю. Юргенс и В.Е. Можаяев рассматривали профсоюзы в большей степени как часть государственного аппарата [3, с. 5]. С.Г. Струмилин, анализируя деятельность профсоюзов в различных регионах СССР, в том числе и в Ростовской области, видел в ней фактор достижения поставленных партией и правительством задач [4, с. 44–45]. Деятельности профсоюзов Донского края также посвящен сборник «Донские профсоюзы: история, события, люди» [5]. Вышеперечисленные аспекты в той или иной степени получили отражение в «Истории профсоюзов СССР» [6]. Однако роль профсоюзных организаций в жизни Ростовской области в 1960-е гг. остается по-прежнему недостаточно изученной.

После XXII съезда ЦК КПСС роль профсоюзов в СССР существенно возрастает. В докладе XXII съезду КПСС Н. С. Хрущев, отметив значительно возросшую роль профсоюзов, обратил внимание на то, что через данные организации рабочие и служащие все больше усиливают свое влияние на хозяйственную деятельность, способствуют улучшению работы предприятий и контролю за производством. Роль профсоюзов, по его мнению, должна была усилиться и в связи с тем, что им предоставлялось право законодательной инициативы, к ним должны были перейти некоторые функции государственных органов [7]. В основу построения партийных и советских органов были положены производственные принципы, обеспечивавшие конкретное планомерное руководство в равной мере промышленностью и сельским хозяйством. Решения ноябрьского 1961 г. пленума ЦК КПСС способствовали закреплению вышеизложенных положений.

На I областной Отчетно-выборной профсоюзной конференции Ростовского областного

комитета союза работников государственных учреждений от 1 февраля 1962 г. было принято решение принимать более активное участие в перестройке государственного аппарата, оказывать помощь в административной подборке кадрового аппарата. В качестве основных целей деятельности советских профсоюзов были поставлены: развитие демократических основ и общественных начал, искоренение бюрократии, формализации и волокиты. Было принято решение направлять усилия профессиональных организаций на улучшение контроля за внедрением средств механизации на планово-экономическом направлении, в учетно-статистических, системно-бухгалтерских работах, а также повышать роль производства в улучшении культуры обслуживания населения. Особое внимание было уделено работе с населением: своевременному рассмотрению писем, заявлений и жалоб трудящихся. При этом важное значение придавалось воспитательной работе служащих в духе неуклонного соблюдения моральных требований поведения [8, л. 109].

В подобных условиях только в Ростовской области действовало множество профсоюзных организаций. Так, к 1964 г. среди организаций, входящих в профсоюзы, насчитывалось 8455 первичных организаций 22 отраслевых профсоюзов, имевших в своем составе около 1,5 млн членов [5, с. 30].

Самым крупным по количеству участников и степени контроля общественной жизни являлся Профсоюз работников государственных учреждений. Он действовал с начала 1950-х гг., но наиболее активно – с 1961 г. На выполнение задач, поставленных I областной Отчетно-выборной профсоюзной конференцией Ростовского областного комитета союза работников государственных учреждений, профсоюз выделил денежные средства, которые, согласно официальным отчетам, в целом были использованы в полном объеме на социальные нужды населения. Так, на культурно-воспитательные мероприятия по плану выделялось 52,1 тыс. руб., но фактически использовалось больше – 58,5 тыс. руб. Из этих денег были выделены средства на приобретение книг по культурному воспитанию (по плану – 10,1 тыс. руб., а по факту использовалось 5,8 тыс. руб.); на физическую культуру и оздоровительные мероприятия (по плану – 4,9 тыс. руб., по факту – 5,2 тыс. руб.); на материальную помощь (по плану было выделено 27,9 тыс. руб., а на деле было использовано

31,1 тыс. руб.); на административно-хозяйственную деятельность (по плану – 20,1 тыс. руб., фактически – 20,4 тыс. руб.) [8, л. 5]. Однако были использованы и дополнительные средства, поступающие от приносящей доход деятельности.

На приведенном выше примере мы видим существенное расхождение в планах и фактическом использовании средств при реализации культурно-воспитательных мероприятий и в распределении материальной помощи. Данный факт объясняется в частности тем, что в бюджетных планах профсоюзных организаций отразить воспитательные мероприятия и распланировать действия на год было сложнее, чем другие мероприятия, поскольку большая их часть находилась под контролем государства. Материальная помощь оказывалась нуждающимся семьям членов профсоюза в зависимости от конкретного случая. Выделяемой суммы не всегда хватало, в деятельности профсоюзов могли возникать чрезвычайные случаи (травматизм, гибель на предприятии, болезни), которые прописать в бюджетную часть не всегда было возможно.

Зачастую профсоюзы взаимодействовали с другими общественными организациями. Указанный выше профсоюз при проведении культурно-просветительской деятельности работников различных организаций (фабрик, заводов, комбинатов) использовал поддержку Профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений. Стоит отметить, что, по приведенным статистическим данным одного из членов этого профсоюза тов. Остроушко, среди его представителей имели высшее образование – 23 чел., незаконченное высшее – 5 чел., среднее – 54 чел., образование ниже среднего – 25 чел. [8, л. 5]. Большое внимание в связи с этим уделялось культурно-воспитательному направлению в работе профсоюза. Характерно, что председатель обкома Профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений А.С. Дейнеко видел главную цель деятельности профсоюзов в целом именно в просвещении работников: «Профсоюзам... необходимо повседневно заниматься вопросами повышения коммунистической сознательности и культурного уровня трудящихся» [9, л. 146].

Профсоюзная деятельность в Ростовской области проводилась не только в отношении трудящихся на заводах, фабриках, предприятиях, но и в школах и вузах. Тот же А.С. Дейнеко приводит в пример Вешенскую среднюю школу,

в которой первичная профсоюзная организация под председательством В.П. Мельниковой активно вела просветительскую работу по изучению трудов Н.К. Крупской, М.И. Калинина, коммунистическому воспитанию трудового коллектива [9, л. 146].

До 1963 г. деятельность всех профсоюзных организаций в Ростовской области контролировал Ростовский областной совет профессиональных союзов. С 4 января 1963 г., в соответствии с Постановлением Президиума ВЦСПС, данная организация была разделена на Ростовский областной промышленный совет профессиональных союзов (председателем являлся Г.А. Макеев) и Ростовский областной сельский совет профессиональных союзов (председатель – Е.С. Тарасов) [5, с. 29]. Основными направлениями деятельности этих организаций являлись: содействие развитию производства путем организации социалистического соревнования и поддержки передовиков и новаторов производства, новых форм труда, организации помощи отстающим, экономического всеобщего обучения, кружков качества, деятельности рационализаторов и изобретателей, научно-технических обществ.

Если профсоюзы государственных учреждений организовывали свою деятельность, прежде всего, ориентируясь на поддержку преимущественно образованной части работающего населения государственных учреждений, то Профсоюз промышленного совета и Профсоюз сельского совета большую часть работы направляли на развитие труда на производстве, достижению профессионального роста работниками предприятий. Общая деятельность профсоюзов состояла в интенсификации трудовой деятельности, улучшении трудового порядка на местах. В одном из интервью член Профсоюза рабочих текстильной и легкой промышленности Полина Александровна Краснокутская, вспоминая свою работу в профсоюзной организации как дорогу «прямую и светлую», обращает внимание на степень влияния ее руководства, от которого «... зависело многое, особенно от стиля руководства, кто-то из наших членов президиума посоветовал Макееву, мол, все мужики на лошадях, а у Краснокутской при разбросе ее производственных объектов, нет лошади. Не прошло и месяца, председателем был выделен мне УАЗик» [5, с. 30–31]. Действительно, деятельность профсоюзов во многом зависела от руководства. Особенно ценился «хороший и испол-

нительный руководитель», который избирался на общем профсоюзом собрании посредством голосования, и должен был позитивно восприниматься членами профсоюза.

Значительное усиление роли профсоюзов в реформировании страны в качестве составной части государственной системы и партийного контроля относится к марту 1968 г. На XIV съезде профсоюзов СССР было принято решение: «Профессиональные организации вместе с хозяйственными руководителями должны определять направления [социалистического. – Прим. авт.] соревнования и его условия, исходя из требований экономической реформы, всестороннего учёта особенностей и задач данной отрасли и предприятия, оказывать помощь соревнующихся в разработке и выполнении социалистических обязательств, шире развивать соревнование рабочих ведущих профессий» [10, 11]. Тем самым социалистическое соревнование, как фактор по достижению экономических целей государства в условиях улучшения качества производства, стало одновременно рассматриваться в качестве важного механизма контроля власти над обществом, и профсоюзы в этом процессе получили заметную роль.

Таким образом, роль профсоюзов в экономической и социальной сфере Ростовской области постепенно увеличивалась, 1960-е гг. были пиковым периодом объединения в профсоюзные организации, занятость населения в них возрастает. К 1970 г. большая часть населения области состояла в профсоюзах. Профсоюзы стали неотъемлемой частью жизни населения в различных сферах. В Ростовской области профсоюзными организациями были охвачены не только производственные организации, но и образовательные, просветительские учреждения. Сфера влияния профсоюзов в 1960-е гг. значительно расширилась. Профсоюзы становились школами управления, хозяйствования, охватывали различные виды деятельности. Они приобрели значимость в жизни трудящихся Ростовской области, все более превращаясь в посредника во взаимоотношениях между работающим населением и государственным аппаратом управления.

Литература

1. Курбацких М.С. Эволюция профсоюзного движения в России: теоретический аспект // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2012. № 19 (273). Философия. Социология. Культурология. Вып. 26. С. 95–98.

2. Михайловская О.Ф. Профессиональные союзы в СССР: защита прав работников промышленных предприятий Челябинской области в 60–70-е гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010. 24 с.

3. Юргенс И.Ю., Можжев В.Е. Профсоюзы: вчера, сегодня, завтра. М.: Профиздат, 1996. 93 с.

4. Струмилин С.Г. Избранные произведения: в 5 т. Т. 4: Очерки социалистической экономики СССР. 1964. 467 с.

5. Донские профсоюзы: история, события, люди / сост. В.Н. Яковченко. Ростов н/Д.: Донской издательский дом, 2003. 184 с.

6. История профсоюзов СССР: учеб. пособие / под общ. ред. Г.В. Шарапова: 2-е изд., доп. и перераб. М.: Профиздат, 1977. Ч. 2: 1938–1978 годы. 1979. 303 с.

7. Каринский С.С. Участие профсоюзов в регулировании заработной платы // Юридическая Россия. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1129618> (дата обращения: 20.09.2019).

8. Материалы I областной Отчетно-выборной профсоюзной конференции областного комитета союза работников государственных учреждений // Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р - 4030. Оп. 1. Ед. хр. 1. Св. 1. Л. 109.

9. Доклад председателя обкома профсоюза Дейнеко А.С. 05.01.1960 г. // ГАРО. Ф. Р - 4117. Оп. 1 (прод.). Д. 337. Св. 20. Л. 146.

10. Профсоюзы СССР: документы и материалы: 1905–1963 гг.: в 5 т. М.: Профиздат, 1963. Т. 5: Профсоюзы СССР в период развитого социализма, 1963–1973 гг. / сост.: И. И. Белоносов, А. С. Боброва, В. А. Варшавская [и др.]. 1974. 775 с.

11. Доклад о результатах работы профессионального союза работников гос. учреждений председателя ревизионной комиссии Б. Григоренко // ГАРО. Ф. Р - 4030. Оп. 2. Ед. хр. 1. Св. 1. Л. 5.

References

1. Kurbatskikh M.S. Evolyutsiya profsoyuznogo dvizheniya v Rossii: teoreticheskii aspekt [The Evolution of the Trade Union Movement in Russia: Theoretical Aspect]. *Vestn. Chelyabinskogo gos. un-ta*. 2012, No. 19 (273). *Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya*. Iss. 26, pp. 95-98.

2. Mikhailovskaya O.F. *Professional'nye soyuzu v SSSR: zashchita prav rabotnikov promyshlennykh predpriyatii Chelyabinskoi oblasti v 60–70-e gg. XX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Trade Unions in the USSR: Protection of the Rights of Workers of Industrial Enterprises of the Chelyabinsk Region in the 60-70s of 20th Century]. Chelyabinsk, 2010, 24 p.

3. Yurgens I.Yu., Mozhaev V.E. *Profsoyuzy: vchera, segodnya, zavtra* [Trade Unions: Yesterday, Today and Tomorrow]. Moscow: Profizdat, 1996, 93 p.
4. Strumilin S.G. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. In 5 vol. Vol. 4: Essays on the Socialist Economy of the USSR. 1964, 467 p.
5. *Donskie profsoyuzy: istoriya, sobytiya, lyudi* [Don Trade Unions: History, Events, People]. Com. by V.N. Yakovchenko. Rostov-on-Don: Donskoi izdatel'skii dom, 2003, 184 p.
6. *Istoriya profsoyuzov SSSR* [History of Trade Unions in the USSR]. Study guide. Ed. by G.V. Sharapov: 2nd ed., com.& ren. Moscow: Profizdat, 1977, part 2: 1938-1978, 1979, 303 p.
7. Karinskii S.S. [The Participation of Trade Unions in the Regulation of Wages]. *Yuridicheskaya Rossiya* [Legal Russia]. Available at: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1129618> (accessed 20.09.2019).
8. [Proceedings of the 1st Regional Reporting and Election Trade Union Conference of the Regional Committee of the Union of State Institutions Employees]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti (GARO)* [State Archive of Rostov Region (SARR)]. Fund R - 4030. In. 1. Storage Unit 1. Sv. 1. L. 109.
9. [Report of the Chairman of the Regional Committee of the Trade Union A. Deineko 01/05/1960]. *GARO [SARR]*. Fund R - 4117. In. 1 (con.). File 337. Sv. 20. L. 146.
10. *Profsoyuzy SSSR: dokumenty i materialy: 1905–1963 gg.* [Trade Unions of the USSR: Documents and Materials: 1905-1963]. In 5 vol. Moscow: Profizdat, 1963. Vol. 5: Trade Unions of the USSR during the period of developed socialism, 1963-1973. Com.: I. I. Belonosov, A. S. Bobrova, V. A. Varshavskaya [and others]. 1974, 775 p.
11. [Report on the Results of the Work of the Trade Union of State Employees the Establishment of the Chairman of the Audit Commission V. Grigorenko]. *GARO [SARR]*. Fund R - 4030. In. 2. Storage Unit 1. Sv. 1. L. 5.

Поступила в редакцию / Received

25 сентября 2019 г. / September 25, 2019

ХРИСТИАНСКО-СОЦИАЛЬНЫЙ СОЮЗ В XXI ВЕКЕ. БАВАРСКИЕ КОНСЕРВАТОРЫ НА ПУТИ К «НАРОДНОЙ» ПАРТИИ?

© 2019 г. В.Ю. Щербаков ^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

CHRISTIAN SOCIAL UNION IN THE 21ST CENTURY. BAVARIAN CONSERVATIVES ON THEIR WAY TO A “PEOPLE’S” PARTY?

V.Yu. Shcherbakov ^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Щербаков Вячеслав Юрьевич –
кандидат исторических наук, доцент,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: sherbakov.viacheslav@yandex.ru

Vyacheslav Yu. Shcherbakov -
Candidate of History, Associate Professor,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: sherbakov.viacheslav@yandex.ru

Рассматривается эволюция позиции партии Христианско-социальный союз (ХСС) в условиях нарастания проблем с миграцией в стране. Отмечается усиление позиций молодых консерваторов из ХСС и ХДС, которые не только критикуют официальную политику А. Меркель, но и предпринимают действия, направленные на создание единой консервативной партии, способной эффективно противостоять современным вызовам. Усиление молодых консерваторов происходит на фоне падения популярности ХДС и успехов правопопулистской «Альтернативы для Германии» (АдГ). Выборы в сентябре 2019 г. в ландтаги ряда восточных земель в очередной раз показали резкий рост популярности АдГ. Наблюдается тождественность ряда программных положений ХСС и правопопулистской партии АдГ. Перед правящими кругами Германии стоит непростой выбор: допущение дальнейшего усиления АдГ с непредсказуемыми последствиями, либо отход союза ХС/ХДС от части традиционных демократических позиций, что также может привести к радикальным изменениям в политической системе страны. Одним из последствий может быть изменение положения в тандеме ХДС/ХСС в пользу баварских консерваторов.

Ключевые слова: Христианско-социальный союз, Христианско-демократический союз, Бавария, «Альтернатива для Германии», «народная партия», «Консервативный прорыв», миграционный кризис, правый радикализм, ПЕГИДА.

The evolution of the position of the Christian-Social Union (CSU) party is considered in the context of growing problems with migration in the Germany. This article considers the strengthening of the positions of young conservatives from the CSU and the CDU, who not only criticize A. Merkel's official policies, but also take actions aimed at creating a single conservative party that can effectively confront modern challenges. The strengthening of young conservatives comes against the backdrop of the fall in popularity of the CDU and the success of the right-wing populist "Alternatives for Germany". The elections in September 2019 to the landtags of several eastern lands once again showed a sharp increase in the popularity of AdG. The author draws attention to the identity of a number of program provisions of the CSU and the right-wing populist party "Alternative for Germany". German establishment faced a difficult choice: the further strengthening of AfD with unpredictable consequences or let CSU/CDU lose some of its traditional democratic positions, which can also lead to radical changes in the country's political system. One of the consequences, according to the author, may be a change in position in the CDU/CSU tandem in favor of the Bavarian conservatives.

Keywords: Christian Social Union, Christian Democratic Union of Germany, Bavaria, "Alternative for Germany", "People's Party", "Conservative breakthrough", migration crisis, right-wing radicalism, PEGIDA.

Свободное государство Бавария является крупнейшей по площади федеральной землёй Федеративной Республики Германии с населением 13 млн 800 тыс. человек, что превышает

численность жителей в таких европейских странах, как Бельгия, Ирландия, Норвегия, Швеция или Венгрия. Фактически Бавария – это государство в государстве, со своей оригинальной

историей, преимущественно католическим населением, диалектами, особым менталитетом, международными представительствами, наконец, футбольной командой, за которую в ФРГ болеют преимущественно баварцы. В течение XX в. Бавария не раз стояла на грани отделения от Германии. Даже в XXI в. баварский сепаратизм остаётся значимым фактором внутривнутриполитической жизни этой южно-немецкой земли. Особенностью Баварии является наличие партии, действующей в союзе с общегерманской ХДС, но существующей только на территории этой федеральной земли и зачастую проводящей политику, отличающуюся от политики союза.

Блок из двух партий ХДС и ХСС традиционно находится в «центре» партийно-политической системы Федеративной Республики. Под партиями «справа от центра» в ФРГ подразумевают обычно организации, которые их политические противники именуют праворадикальными, правопопулистскими, или правоэкстремистскими. Само понятие «правый радикализм» достаточно неоднозначно и включает в себя широчайший спектр партий и организаций, выступающих единым фронтом против негативных, по их мнению, реалий мультикультурного общества и европейской интеграции. Часть немецких исследователей относит «правый экстремизм» к особенно спорным понятиям политического языка. Оно служит как боевое слово в полемическом противостоянии, но также находит применение в серьёзных исследованиях. В научной литературе оно широко распространено и все-таки не бесспорно, тем более что понимается очень по-разному [1, S. 27]. «Понятием “правый радикализм” обобщаются все политические направления, которые образуют националистические и враждебные демократии основные установки, но всё же при этом остаются внутри конституционного порядка» [2, S. 11]. Все партии «справа от центра» поднимают проблемы отказа от единой европейской валюты, выступают против расширения и дальнейшей интеграции ЕС и непропорционального вклада Германии в общеевропейский бюджет. Они призывают к ограничению миграционных потоков, сохранению немецкой идентичности, высылке криминальных иностранцев и справедливому распределению беженцев среди стран-членов ЕС.

В начале 2018 г. премьер-министр Баварии Маркус Зёдер представил на совете фракции ХСС в ландтаге «План из 10 пунктов для Баварии».

Первые и, очевидно, самые важные два пункта «Безопасность» и «Правовое государство» предусматривали увеличение числа полицейских на 1000 должностей, формирование баварской пограничной полиции в составе 500 чел., создание специальной службы по предоставлению убежища и депортации для более эффективной работы по депортации и, наконец, полный перевод с денежной формы в натуральную при обеспечении лиц, претендующих на предоставление убежища [3]. Несмотря на очевидные различия в содержании, «план Зёдера», несомненно, отсылал к историческим «Десяти пунктам Христианско-социального союза» от 31 декабря 1945 г., намекая на очередной важный поворотный пункт в истории Баварии [4].

Христианско-социальный союз (ХСС) был создан 12 сентября 1945 г. на съезде в Мюнхене. Уже на первых выборах в Бундестаг ФРГ ХСС сумел получить 29,2 % голосов избирателей. Хотя в целом послевоенная баварская партийно-политическая система отображала общегерманский образец, именно ХСС стал олицетворением своеобразной обособленности этой южно-немецкой земли. Если ХДС объединил консерваторов на территории всей Федеративной Республики, кроме Баварии, то ХСС действует исключительно в Баварии. Христианско-социальный союз – это не только несменяемый стратегический партнёр ХДС в правящих коалициях, оказывающий существенное влияние на внешнюю и внутреннюю политику Германии, это правящая партия Баварии. На протяжении всего послевоенного времени ХСС, за редким исключением, формировал в Баварии однопартийное правительство, что представляет собой баварский политический феномен. В нескольких коалиционных правительствах баварские консерваторы получали большинство министерских портфелей. Начиная с 1970 г. ХСС собирал на земельных выборах не менее 50 % голосов избирателей, а в 1974 г. и 2003 г. более 60 % [5].

Несмотря на свой региональный характер, ХСС является третьей по численности партией страны. Баварские консерваторы уступают только «народным» ХДС и СДПГ, насчитывая в своих рядах, по данным на 2017 г., около 141 тыс. человек [6]. При этом численность ХСС отличается относительной, по сравнению с другими партиями, стабильностью и сокращается более медленно. Хотя количество вновь вступивших превышает вышедших, общее сокраще-

ние партийных рядов идёт в основном за счёт умерших, поскольку средний возраст членов ХСС составляет 59 лет [7].

Опросы незадолго до выборов в Баварский ландтаг в октябре 2018 г. отчётливо показывали падение интереса избирателей к ХСС. Если на предыдущих выборах в сентябре 2013 г. баварские консерваторы получили 47,7 % голосов и сформировали однопартийное правительство, то осенью 2018 г. их предпочли только 37,2 % избирателей. Разумеется, ни о каком правительстве, состоящем исключительно из представителей ХСС не могло быть и речи. Новый кабинет был создан при участии партии «Свободные избиратели» (СИ), получившей пять мест в правительстве. Эта партия, хотя и представлена во всех федеральных землях, но успешна только в Баварии, набирая уже несколько раз от 8 до 11,6 % (2018 г.) голосов. В других землях СИ получает от 0,3 до 2,7 %, являясь по сути преимущественно баварской партией.

Кризис младшего партнёра ХДС объясняется прежде всего длительным пребыванием в федеральном правительстве «большой коалиции», где баварским консерваторам приходится подстраиваться не только под партнёра по союзу ХДС/ХСС, но и под СДПГ, позиции которой по многим вопросам едва ли не диаметрально противоположны позициям ХСС. Особенно это относится к миграционной политике, где ХСС всегда отстаивала мнение, значительно отличающееся от реальных действий канцлера А. Меркель. Следует отметить, что более жёсткая позиция ХСС по вопросам миграции пользуется значительной поддержкой населения. Так, 71 % баварцев выступают за разрыв большой коалиции в случае невыполнения требования не допускать в страну тех беженцев, которые уже зарегистрированы в другом государстве ЕС [8].

ХСС с момента своего образования являлся выразителем более откровенных консервативных и националистических позиций, чем ХДС. То, о чём политики из числа христианских демократов могли только думать, представители ХСС зачастую выражали открыто. Однако части баварских консерваторов было тесно даже в рамках ХСС. В начале 1980-х гг. в ХСС разгорелись жаркие дискуссии как по вопросам внешней политики, так и в связи с усилением миграционных проблем. Противоречия привели к тому, что 26 ноября 1983 г. группа выходцев из ХСС во главе с депутатами Бундестага Ф. Хандлосом и Э. Фойгтом образовала партию «Республиканцев».

Новая организация, численность которой первоначально составляла около 800 человек, идентифицировала себя в качестве «независимой, консервативно-либеральной народной партии», находящейся «справа от центра». Политические противники, прежде всего из числа «зелёных», немедленно объявили «республиканцев» правыми популистами и даже правыми экстремистами.

Впервые «республиканцы» громко заявили о себе только в октябре 1986 г. на выборах в баварский ландтаг, когда под лозунгом «“Да” за Германию» им удалось получить 3 % голосов. Хотя «республиканцы» и не попали в мюнхенский парламент, ХСС получил весьма болезненный удар, причём не только по самолюбию. По сравнению с предыдущими выборами потери младшего партнёра «союза» в Баварии составили как раз около 3 %. На короткий срок «республиканцы» стали значимым политическим явлением в жизни страны, а в 1989 г. попали в Европарламент, собрав 7,1 % голосов (ХСС при этом получил 8,2 %) [9]. Им удалось пройти в парламенты нескольких федеральных земель.

Однако стать «своими» в политической системе ФРГ «республиканцам» так и не удалось. Ни одна из партий, представленных в Бундестаге или ландтагах, не пошла на сотрудничество с ними. Общую позицию выразил генеральный секретарь ХДС Х. Гейслер, в мае 1989 г. заявивший: «ХДС отвергает коалицию с “республиканцами” на любом уровне. Ради нескольких процентов голосов ХДС не станет продавать свою душу» [10, с. 1]. После объединения Германии и соответственно роста популярности ХДС/ХСС, влияние «республиканцев» начинает стремительно снижаться. На выборах в Европарламент 2014 г. они получают десятые доли процента голосов, на выборах в Бундестаг 2017 г. вообще не были представлены.

Несколько иная ситуация сложилась в Баварии с ПЕГИДА и «Альтернативой для Германии» (АдГ). Странников ПЕГИДА в Баварии, в отличие от Восточной Германии, с самого начала было довольно мало. Так, при образовании ПЕГИДА-Мюнхен в апреле 2015 г. в митингах и демонстрациях участвовало до 400 человек, к 2017 г. число их сократилось до 50. ПЕГИДА-Нюрнберг в феврале 2015 г. собирала более 200 чел., в 2017 г. уже от 50 до 80 чел. [11]. Число участников акций сокращалось на фоне роста числа сторонников АдГ. Следует отметить, что ПЕГИДА и АдГ никогда не были связаны с ХСС

организационно, а руководство ХСС характеризует АдГ в качестве «врагов» и исключает любое сотрудничество с ними. Не так однозначно настроены политики ХСС на уровне коммун, которые готовы к сотрудничеству, исключив, правда, «правое крыло» АдГ. Члены движения «Консервативный прорыв» отмечают, что многие ячейки АдГ в Баварии состоят из бывших членов ХСС, немало действующих рядовых партийцев ХСС участвуют в демонстрациях ПЕГИДА.

Опросы, проведенные в июле-августе 2018 г. показывали, что ХСС могли получить на выборах 14 октября от 37 до 42,5 % голосов, а АдГ – от 13 до 15,2 % [12]. Также по данным социологических опросов, каждый четвертый избиратель Германии в случае выдвижения ХСС по всей стране голосовал бы за эту партию. Что касается избирателей АдГ, то из них за ХСС в таком случае голосовал бы каждый второй [13]. Это говорит о высоком рейтинге ХСС в электоральной среде «справа от центра».

На выборах в Бундестаг 2017 г. 38,8 % (–10,5 %) баварских избирателей отдали голоса ХСС, 15,3 (–4,7 %) – СДПГ. За «зелёных», СвДП и «левых» – 9,8 % (+1,4 %), 10,2 %, (+5,1%) и 6,1 % (+2,3 %) соответственно. АдГ поддержали 12,4% (+8,1 %) [13]. Потери в пользу «Альтернативы» понесли все партии Германии без исключения, в том числе и ХСС, хотя из партий, входящих в Бундестаг, больше принципиальных точек соприкосновения именно у ХСС и АдГ. Иногда различия достаточно условны. Так, если в программе АдГ сказано: «Ислам не нужен Германии» [14], то баварцы осторожно замечают: «Политический ислам не нужен Германии» [15, с. 14].

Если «республиканцы» 1980-х гг. появились как партия протеста по отношению к политике ХСС людей, молодость которых пришлась на 1940–1950-е гг., то с нынешней политикой руководства баварских консерваторов зачастую не согласны и молодые. Именно молодые члены баварской ХСС на съезде в июне 2014 г. стали инициаторами создания в рамках партии движения «Консервативный прорыв» (КП). Инициатива была поддержана 50 делегатами съезда и многими политиками коммунального уровня [16]. Свои планы молодые консерваторы изложили в «Учредительном манифесте», где уже в первом пункте потребовали, чтобы ХСС вспомнил о своих фундаментальных христианских ценностях. Создатели манифеста категорически

выступили против неконтролируемой иммиграции в Германию и принятого «большой коалицией» курса на расширение возможностей для «второго гражданства». Что касается интеграции, то она была объявлена «долгом мигрантов» [17].

На съезде в Мюнхене в ноябре 2015 г. представители КП выступили с заявлением: «Защитить Германию! Восстановить верховенство закона! Остановить хаос и беззаконие!». В интервью газете «Молодая Свобода» представитель КП Д. Бендельс отметил, что ХСС должен наконец дать четкий сигнал того, что не будет сопровождать Меркель на этом «недостойном пути», поскольку «безответственная и незаконная “политика открытых границ” канцлера является угрозой безопасности для Германии и Европы» [18].

В преддверии выборов 2018 г. в ландтаг Баварии один из основателей КП Т. Ян объявил голосование «референдумом о необходимости смены курса в политике миграции». Прежде всего имелось в виду закрытие границ для мигрантов в случае если не будет подписано соглашение с государствами-членами ЕС о возврате беженцев, уже зарегистрированных в других государствах [19].

Инициатива молодых консерваторов Баварии была настороженно встречена как руководством ХСС, так и ХДС. Тем не менее углубление миграционного кризиса поднимало всё новые и новые проблемы и ставило новые вопросы к руководству «союза» со стороны массы рядовых членов и сторонников. 25 марта 2017 г. около 70 критиков политики А. Меркель, преимущественно из числа представителей ХСС, образовали движение внутри ХДС/ХСС «Ценности “Союза” – Свободно-консервативный прорыв – (ЦС). В 2018 г. ЦС уже насчитывал более 1000 консерваторов-членов ХДС/ХСС по всей стране [20].

В августе 2019 г., по собственным данным, в ЦС состояло уже около 3000 чел. [21]. По сути это стало расширением баварского КП на всю Германию. «Мы хотим заострить профиль ХДС/ХСС и вновь превратить их в партии, которые выступают за безопасность и свободу», – отметили собравшиеся. Учредительный съезд нового движения проходил в городке Шветцинген (Баден-Вюртемберг), который стал неофициальной столицей ЦС. «Мы не раскольники, от нас исходит позитивная сила», – заявил председатель новой организации А. Митч [22].

Молодые консерваторы не хотят уходить из своих партий, они стремятся объединить «здоровые силы» этих организаций, возможно, на базе ХСС. 7 апреля 2018 г. в Шветцингене федеральное правление нового движения приняло «Консервативный манифест ценностей союза»: «Для нас “Ценности Союза” означают содержательное и персональное обновление на христианско-консервативной и рыночной основе» – отмечено в документе. «Мы хотим, чтобы ХДС/ХСС вернулись к своим основным ценностям и воплотили в повседневную политическую жизнь наши убеждения, основанные на христианстве» [23].

Особое внимание в манифесте уделено проблемам, связанным с иммиграцией. Прежде всего отмечается, что Германия, будучи густонаселенной промышленно развитой страной, не подходит для многочисленных просителей убежища и беженцев. Поэтому, по мнению авторов манифеста, беженцы должны оставаться в своей стране и близких к ней государствах, где Германия будет оказывать им посильную помощь. «Мы хотим, чтобы ограничительная миграционная политика основывалась исключительно на спросе на квалифицированную рабочую силу в нашей стране» [23].

Манифест призывает к такой миграционной политике, которая гарантирует принятие европейско-германской ведущей культуры, отсутствие параллельных обществ и обеспечит не только интеграцию, но и ассимиляцию иммигрантов, что в долгосрочной перспективе предотвратит конфликты и сохранит европейские ценности и культуру. Обращается внимание на особое толкование ислама, который по мнению составителей манифеста, в отличие от других религий имеет двойственную природу: «Это не просто религия, но и одновременно политическая идеология с претензией на всеобъемлющую власть». Чтобы жить вместе, а не рядом, мусульманам недостаточно только исполнения основного закона: «Мусульмане должны следовать за большинством и ассимилироваться» [23].

Признавая значимость и необходимость Европейского Союза (ЕС) для Германии, манифест ЦС отвергает ЕС в качестве централизованного государства: «Напротив, мы хотим, чтобы федеративный ЕС основывался на принципе субсидиарности, ограничивающемся теми задачами, которые не могут выполнять сами государства-члены. Мы отвергаем вступление Турции в ЕС»

[23]. Позиции ЦС настолько максимально приближены к позициям АдГ, что вполне понятно мнение ряда политологов о том, что движение возникло как попытка более жесткой риторикой вернуть утраченных избирателей ХДС/ХСС. Тем более что создание ЦС, судя по всему, пока не вызвало особого беспокойства у руководства ХДС/ХСС. Тем не менее председатель КС Митч заявил, что «90 % членов ЦС готовы порвать с ХДС и вступить в ХСС» [20]. Кроме того, он требовал отстранения Меркель и назначения к качеству преемника «мужчины из ХДС» [24]. Подобно всем представителям «традиционного» спектра политических сил страны, Митч отвергает сотрудничество с АдГ: «В отличие от АдГ, ЦС придерживается консервативных ценностей, соответствует ценностям христианским и является проевропейским» [25].

Дальнейшее следование ХСС в фарватере политики «чёрно-красной» правительственной коалиции будет усиливать позиции как ЦС, так и АдГ. У ХСС всегда были сторонники и достаточно сильные позиции во всех федеральных землях. На фоне внешне и внутривнутриполитических просчётов ХДС, ХСС не только имеет реальные шансы расстаться с ролью младшего партнёра, но и возможность привлечь на свою сторону избирателей АдГ. По мнению видного деятеля ХДС В. Босбаха в «Ценностях Союза» представлены позиции, которые через 10–15 лет несомненно окажутся в спектре мнений ХДС/ХСС [26]. В этой ситуации у руководства ХДС/ХСС может не остаться иного пути, кроме организационного объединения двух близких партий в одну, преимущественно на базе позиций ХСС. В случае превращения в «народную» партию именно ХСС, ХДС теряет шансы на сохранение значимого влияния в немецкой политике.

Литература

1. Backes U. Rechtsextremismus in Deutschland. Ideologien, Organisationen, und Strategien // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1998. 20 Februar.
2. Hundseder F. Stich in Ort. Rechtsextremismus. München, 1993.
3. Zehn-Punkte Plan für Bayern. URL: <https://www.csu.de> (дата обращения: 23.08.2018).
4. Die Zehn Punkte der Christlich-Sozialen Union. URL: <https://www.hss.de> (дата обращения: 23.08.2018).
5. Landtagswahl Bayern. URL: <https://wahl.tagesschau.de> (дата обращения: 20.08.2018).

6. Anzahl der Parteimitglieder der CSU von 1990 bis 2017. URL: <https://de.statista.com> (дата обращения: 20.08.2018).

7. Die CSU am stabilsten. URL: <https://www.bayernkurier.de> (дата обращения: 20.08.2018).

8. Umfrage: Bürger in Bayern befürworten im Asylstreit Koalitionsbruch. URL: <https://www.zeit.de> (дата обращения: 19.08.2018).

9. Wahl zum 3. Europäischen Parlament 1989. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de> (дата обращения: 23.08.2018).

10. Geissler H. Pressemitteilung der CDU vom 18. Mai 1989, S. 1. Bonn, 1989.

11. Situation in Bayern. URL: <http://www.verfassungsschutz.bayern.de> (дата обращения: 19.08.2018).

12. Landtagswahl 2018 in Bayern: Das Wichtigste kompakt im Überblick. URL: <https://www.merkur.de> (дата обращения: 24.08.2018).

13. Jeder zweite AfD-Wähler würde für die CSU stimmen, wenn diese bundesweit anträte. URL: <https://www.focus.de> (дата обращения: 23.08.2018).

14. Programm für Deutschland. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017. Berlin, 2017. S. 45.

15. Die Ordnung. Grundsatzprogramm der Christlich-Sozialen Union. CSU. S. 14. URL: <https://www.csu.de> (дата обращения: 19.08.2018).

16. CSU-Parteitag: Durchbruch für «Konservativen Aufbruch». URL: <https://conservo.wordpress.com> (дата обращения: 28.08.2018).

17. Konservativer Aufbruch. CSU-Basisbewegung für Wert und Freiheit. Gründungsmanifest. URL: <https://konservativeraufbruch.de> (дата обращения: 28.08.2018).

18. CSU-Rebellen fordern Grenzschließung. URL: <https://jungefreiheit.de> (дата обращения: 30.08.2018).

19. Konservativer Aufbruch in der CSU fordert ausnahmslose Zurückweisungen an den Bundesgrenzen. URL: <https://conservo.wordpress.com> (дата обращения: 30.08.2018).

20. CDU-Rebellen offen für bundesweite CSU. URL: <https://www.tagesspiegel.de> (дата обращения: 20.09.2019).

21. Mitgliederzuwachs (Stand: 31/08/2019). URL: <https://werteunion.net> (дата обращения: 24.09.2019).

22. Konservative aus Union schlossen sich zusammen. URL: <https://www.zeit.de> (дата обращения: 30.08.2018).

23. Konservatives Manifest der WerteUnion Deutschland. URL: <https://werteunion.net> (дата обращения: 30.08.2018).

24. CDU-Mann fordert Merkel-Ablosung. URL: <https://www.merkur.de> (дата обращения: 03.09.2019).

25. «Abgrenzung, keine Abgrenzung»: WerteUnion-Chef sagt, wie AfD überflüssig werden soll. URL: <https://werteunion.net> (дата обращения: 30.08.2018).

26. Was andere über unsere Positionen sagen? URL: <https://werteunion.net> (дата обращения: 20.09.2019).

References

1. Backes U. Rechtsextremismus in Deutschland. Ideologien, Organisationen, und Strategien. *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 1998. 20 February .

2. Hundseder F. *Stich in Ort. Rechtsextremismus*. München, 1993.

3. *Zehn-Punkte Plan für Bayern*. Available at: <https://www.csu.de> (accessed 23.08.2018).

4. *Die Zehn Punkte der Christlich-Sozialen Union*. Available at: <https://www.hss.de> (accessed 23.08.2018).

5. *Landtagswahl Bayern*. Available at: <https://wahl.tagesschau.de> (accessed 20.08.2018).

6. *Anzahl der Parteimitglieder der CSU von 1990 bis 2017*. Available at: <https://de.statista.com> (accessed 20.08.2018).

7. *Die CSU am stabilsten*. Available at: <https://www.bayernkurier.de> (accessed 20.08.2018).

8. *Umfrage: Bürger in Bayern befürworten im Asylstreit Koalitionsbruch*. Available at: <https://www.zeit.de> (accessed 19.08.2018).

9. *Wahl zum 3. Europäischen Parlament 1989*. Available at: <https://www.bundeswahlleiter.de> (accessed 23.08.2018).

10. Geissler H. *Pressemitteilung der CDU vom 18. Mai 1989*, P. 1. Bonn, 1989.

11. *Situation in Bayern*. Available at: <http://www.verfassungsschutz.bayern.de> (accessed 19.08.2018).

12. *Landtagswahl 2018 in Bayern: Das Wichtigste kompakt im Überblick*. Available at: <https://www.merkur.de> (accessed 24.08.2018).

13. *Jeder zweite AfD-Wähler würde für die CSU stimmen, wenn diese bundesweit anträte*. Available at: <https://www.focus.de> (accessed 23.08.2018).

14. *Programm für Deutschland. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017*. Berlin, 2017, S. 45.

15. *Die Ordnung. Grundsatzprogramm der Christlich-Sozialen Union*. CSU, S. 14. Available at: <https://www.csu.de> (accessed 19.08.2018).

16. *CSU-Parteitag: Durchbruch für «Konservativen Aufbruch»*. Available at: <https://conservo.wordpress.com> (accessed 28.08.2018).

17. *Konservativer Aufbruch. CSU-Basisbewegung für Wertr und Freicheit. Gründungsmanifest.* Available at: <https://konservativeraufbruch.de> (accessed 28.08.2018).

18. *CSU-Rebellen fordern Grenzschliessung.* Available at: <https://jungefreiheit.de> (accessed 30.08.2018).

19. *Konservativer Aufbruch in der CSU fordert ausnahmslose Zurückweisungen an den Bundesgrenzen.* Available at: <https://conservo.wordpress.com> (accessed 30.08.2018).

20. *CDU-Rebellen offen für bundesweite CSU.* Available at: <https://www.tagesspiegel.de> (accessed 20.09.2019).

21. *Mitgliederzuwachs (Stand:31/08/2019).* Available at: <https://werteunion.net> (accessed 24.09.2019).

22. *Konservative aus Union schlissen sich zusammen.* Available at: <https://www.zeit.de> (accessed 30.08.2018).

23. *Konservatives Manifest der WerteUnion Deutschland.* Available at: <https://werteunion.net> (accessed 30.08.2018).

24. *CDU-Mann fordert Merkel-Ablosung.* Available at: <https://www.merkur.de> (accessed 03.09.2019).

25. *«Abgrenzung, keine Abgrenzung»: WerteUnion-Chef sagt, wie AfD überflüssig warden soll.* Available at: <https://werteunion.net> (accessed 30.08.2018).

26. *Was andere über unsere Positionen sagen?* Available at: <https://werteunion.net> (accessed 20.09.2019).

Поступила в редакцию / Received

21 октября 2019 г. / October 21, 2019

NIGERIA'S FOREIGN POLICY: INVOLVEMENT IN ECOWAS

© 2019 г. *Макрах Ойеинебийеридей Джой* ^а

^а Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НИГЕРИИ: УЧАСТИЕ В ЭКОВАС

Макна Ойеинебийеридей Джой ^а

^а Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Макрах Ойеинебийеридей Джой -
Postgraduate,
Peoples Friendship University of Russia
(RUDN University),
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia.
E-mail: joymakrah@yahoo.co.uk

Макна Ойеинебийеридей Джой –
Аспирант,
Российский университет
дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия.
E-mail: joymakrah@yahoo.co.uk

Every nation or country has established foreign policies which serve as a root and platform which the nation follows. These policies influence the international community or inter-governmental organization. Nigeria as a state is a main member of ECOWAS and many other organizations. The Nigerian foreign policy on ECOWAS by the community was enormous and can be assessed by its activism in the community. The purpose of this article is to analyze Nigerian foreign policy, and due to what factors the policy has been effective in the ECOWAS community. This article assesses Nigerian foreign policy with its implications and functions at ECOWAS. This article focuses on the use of the analytical method through literature review and personal research. From this analysis it can be concluded that foreign policy is an effective mechanism for projecting the image of a country and political direction abroad into a modern system of international relations.

Ключевые слова: Nigeria, foreign policy, ECOWAS, West African countries.

Рассматривается и анализируется внешняя политика Нигерии в отношении ЭКОВАС (Экономическое сообщество стран Западной Африки). Каждое государство определяет собственную внешнюю политику, то направление, которому оно следует, оказывая влияние на международное сообщество и межправительственные организации. Нигерия, являясь одним из основных членов ЭКОВАС, активно влияет на деятельность этой организации, кроме того, поддерживает ее на международном уровне. В статье показаны факторы, за счет которых политика Нигерии в отношении ЭКОВАС была эффективной и продуманной. Дана оценка нигерийской внешней политике и ее последствиям для имиджа страны. Автор делает обзор литературы и опирается на личные исследования. В заключение констатируется, что внешняя политика Нигерии в настоящее время является продуктивным механизмом ее положительного влияния на международные организации, в частности ЭКОВАС, успешно содействуя при этом продвижению страны в современной системе международных отношений.

Keywords: Nigeria, foreign policy, ECOWAS, countries of West Africa.

Introduction

Nigeria is a country located in the West Africa and it shares borders with Benin, Chad, Cameroon, and Niger. The capital city of Nigeria is Abuja. The country has 36 states and 1 Federal Capital Territory. Nigeria is the most populated nation in Africa and keeps the 8th place in the world with more than 140 million people. According to International Monetary Fund (IMF), Nigerian economy is projected by 8.3 % in 2009. The country of Nigeria is presented by five hundred different ethnic groups,

many different languages. The country declared its independence from the United Kingdom on October 1, 1960. As in 2019, the estimated population of the country is over 200.96 million [1], unarguably, Nigeria is a country that is blessed with enormous human and material resources, but ironically, this country has become the bastion of inequitable state policies, injustice, barefaced corruption, social decay, poverty-ridden, etc., where ethnicity has pervaded every facet of the Nigerian life, and obviously determines who gets what, when and how.

But according to analysis of 2018, things really changed in Nigeria both in the economy and the population. The broad numbers of languages and cultures have positive and negative effects, these will be discussed in details in the course of this thesis.

Objective: This paper considers the ways that Nigeria's foreign policies have been used and are being used in ECOWAS countries, the ways these policies have contributed in solving the challenges experiences in ECOWAS. The main objective of this research paper is to analyse the effect of Nigeria's foreign policies in ECOWAS community.

ECOWAS organization is considered to be one of the pillars of the African Economic Community; it was set up to foster the ideal of collective self-sufficiency for its member states. As a trading union, it is also meant to create a single, large trading bloc through economic cooperation.

Some of these strategies are integrated economic activities that are carried out in this area, but are not limited to industry, transport, telecommunications, energy, agriculture, natural resources, trade, monetary and financial issues, social and cultural issues.

Like every community with vision, ECOWAS has a vision in the creation of a borderless region where the population has access to its abundant resources and is able to exploit them through the creation of opportunities under a sustainable environment.

Problem statement: In this paper we analyze the Nigeria's foreign policies in ECOWAS and contributions of these policies to the community of ECOWAS and Africa. This paper has the task to identify the Nigeria's foreign policies influence on the activities of the ECOWAS community. It considers what ways these policies have been beneficial to the member states.

General Overview

Nigeria, a country known as the largest black African country in population is incorporated or is a member of many economic organizations that are multilateral in nature. The examples of such organizations are: World Bank, Organization of Petroleum Exporting Countries (OPEC), United Nations (UN), African Union (AU), Economic community of west African states (ECOWAS) and others.

The inauguration of ECOWAS in Lagos Nigeria on 28th May 1975 was seen as a breakthrough in the long series of efforts to establish some form of economic cooperation and integration embracing the entire West African sub-region [2]. While Nigeria's role as a leader in the process of forming ECOWAS

is generally acknowledged, no systematic analysis exists concerning the nature of Nigeria's role nor of its impact and probable consequences for the organization.

As every organization has its objectives so ECOWAS does. Most of these objectives are influenced by the soft and hard power policies. Further in the paper some of the objectives are summarized [3]:

- to promote coordinated development of the economic resources of the West African sub-region and give it considerably enhanced bargaining power vis-à-vis the industrialized countries of the world,
- to intensify intra-regional trade,
- to promote the free flow of intra-regional services and investment, and facilitate economic growth in the sub-region; to improve the standard of living of the peoples of the sub-region as well as foster more co-operative relationship between the governments and peoples of West Africa.

Nigeria's commitment to West African economic integration can be traced from the early 1960s, the time of efforts to institutionalize the concept of Pan-Africanism. One of the proposals to achieve institutionalizing of this concept was from Nkrumah's Continental Union Government, and from a political union of West African states [4]. This proposal met the brick wall because Nigeria opposed it, while succeeding in getting a coalition of African states to support its course [5]. Nigeria's position was that economic integration must precede political union and that economic integration itself must begin at the sub-regional level and proceed in stages beginning with functional cooperation and coordination and leading towards, perhaps, a common market.

Within West Africa, two sections couldn't find themselves on a level ground. The Francophone states saw themselves as a world apart from the Anglophone states and vice versa. The latter existed a Nigerian-Ghanaian rivalry. Ghana's withdrawal from the West African Currency Board and West African Airways on the "insulting" ground that achieved independence could no longer be associated with dependencies in these and other common institutions, together with later struggles for leadership, all exacerbated divergent ideologies and views on the proper form and scope of African unity.

Nigeria's Foreign Policies in ECOWAS

The ECOWAS community is an organization that consists of the Board of Heads of State and Government, the Council of Ministers, the Depart-

ment of Conflict Prevention, Peace and Security, the Community of Tribunal, Management and Resolution, the ECOWAS Parliament, the Executive Secretariat and six specialized Technical Commissions. The ECOWAS Treaty also makes provision for Economic and Social Council (ECOSOS) with an advisory role composed of economic and social activities. ECOWAS Commissions were transformed in 2007, exported and reorganized under: (i) Vision, (ii) Mission, (iii) Objectives, (iv) Institutional arrangement and (v) Directorates (ECOWAS Report 2007).

From the moment Nigeria attained its independence in 1960, various government administrative regimes have given international organizations a place of prominence in the country's diplomacy. Nigeria participated in the founding of some existing international organizations like OAU which is now called AU, World Bank, UNESCO, OPEC, etc., and participated in creating ECOWAS. However, time passed and the degree of importance Nigeria attached to the different international organizations of which it is a member has varied and also its participation in them has changed. Moreover, some international organizations, where Nigeria is a member, have provided it less benefit than cost. Based on these facts of Nigeria's participation, and commitment to the ECOWAS cause, Babangida administration raised some important questions in August 1985.

The Murtala / Obasanjo administration, which replaced the administration of General Gowon, suggested supporting the ECOWAS ideals, while the regimes of President Shehu Shagari and General Bukhari showed little interest, while subsequent governments, up to the current administration, played the role of father / leader of ECOWAS. The question that needs to obtain the answer is What political goals does Nigeria hope to achieve with the help of ECOWAS, for which the country bears the bulk of the burden of maintaining the organization's life?

The commitment to the pragmatic and flexible economic integration process that began in the Balewa administration continued to shape the integration policy of the successors. After Nigeria's civil war, which created a setback in the integration efforts, Gowon made Africa the heart of Nigerian policy. A secret foreign policy think-tank endorsed this plan in 1975. Accordingly, the government continued to promote an all-West African economic integration either in spite of or perhaps because of more vigorous regional and international opposition

(mainly Francophone and France) and serious, if short-lived, domestic opposition by a segment of the bureaucracy.

Nigeria has made a tremendous contribution to supporting ECOWAS in the field of trade. The participation of Nigeria in ECOWAS was an adequate field, which writers pay great attention to, and as a result, much has been written about it. Most of the work on this topic has been devoted to the history of ECOWAS. Some others tried to identify the special interest that Nigeria pursued within its framework, without indicating whether it achieved them or not, or on the brink of it, while few seem to be worried about whether Nigeria plays a leading role in the West African sub-region, regardless of the costs that it incurs as part of its membership obligations [3, 6]. The structure of Nigerian foreign policy formed the basic perception on how it sees the world from ideological, political, economic, and religious standpoints. These factors are used as a criterion for determining its foreign policy in response to regional and continental issues. The Nigerian foreign policy approach to the ECOWAS regional agenda is based on the Afrocentric foreign policy doctrine, which is the premise of its foreign policy after Nigeria gained its independence to support the cause of African countries fighting for independence in the 1960s. The Nigerian Afrocentric foreign policy doctrine was effective at the regional level, led by its West African neighbors, because Nigeria views the West African region as its natural territory. Many factors that determined Nigeria's commitment to the ECOWAS idea, the commitment process, as well as the method and tactics adopted in creating the supportive regional coalition that generated ECOWAS are studied [7]. Nigeria as a major leader in ECOWAS community played a central role in the ECOWAS efforts to end the civil war in Liberia and contributed the bulk of the ECOWAS peacekeeping forces sent there in 1990. In the effort to help her co members, Nigeria provided the bulk of troops for ECOMOG forces in Sierra Leone thereby, enjoyed the general good relationship with its immediate neighbors [8].

ECOMOG is the Economic Community of West African States Monitoring Group. It was a West African multilateral armed force established by the Economic Community of West African States (ECOWAS) which was a formal arrangement for separate armies of the West African States to work together. ECOMOG was largely and highly supported by personnel and resources of the Nigerian Armed Forces, with sub-battalion strength units

contributed by other ECOWAS members like Ghana, Guinea, Sierra Leone, The Gambia, Liberia, Mali, Burkina Faso, Niger, and others [9]. ECOMOG represented the first credible attempt at a regional security initiative since the Organization of African Unity (OAU) tried to establish an “Inter-African Force” within Africa to intervene in Chad in 1981 [10]. The Agenda has been properly planned with the implementation strategies adequately put in place waiting for the full outcome, to ensure the realization of ECOWAS Vision 2020 which Nigerian embraced with all its seriousness.

Nigeria Today and Its Policies

Presently, Nigeria’s new foreign policy direction focuses on investment and economic cooperation, which thus ties foreign policy to the country’s domestic agenda, a slight switch from the old one which Africa has as the main. Notwithstanding, the Nigeria’s change in foreign policy objectives did not put Nigeria off in helping The ECOWAS Community, in fact, Nigeria continued to demonstrate its support towards ECOWAS zero tolerance for the unconstitutional and undemocratic change of government [11]. From the office of the Ministry of Foreign Affairs of Nigeria in 2013, Nigeria agreed on a peaceful resolution of the crisis and prevented coup leaders in these countries from executing their former detained presidents and prime ministers. [12].

In dealing with Nigeria’s foreign policy, it was necessary to maintain its own internal interests, as many things went wrong, starting with a high level of terrorism, the implacable attitude of the Nigerian security forces towards the citizens of Nigeria, human rights violations, the desire to divide the country, economic downturn, militancy etc. Nigeria’s acceptance of the leadership of the Joint Multinational Military Forces demonstrated its readiness to build a strategic security network outfit with its West African neighbors to fight against some of the above mentioned are the issues of concern. Discussing some of the main issues mentioned above we need to mention that Boko Haram terrorist group has grown to a stage where Nigeria government needs the help from other ECOWAS nations to fight this deadly terrorist group. Boko Haram is seen as a branch of the Islamic State of Iraq and the Levant. Boko Haram has been active in Nigeria since 2009. The name Boko Haram means “Western” or “non-Islamic” where education is a sin [13]. Since 2009 this deadly group has killed tens of thousands of people and rendered millions of people homeless in the place where

they have been active, in the north of Nigeria, and they want to impose Islamic law as the only law in Nigeria [14]. Boko Haram wants to outlaw education that is not based on Islam in the country. This group sees itself similar to the Taliban, which is active in Afghanistan. Though, lot of Nigerians sees this deadly group as a politically sponsored group by some prominent Nigerians in their quest for power. The main priority of the Nigerian government remains its internal task of restoring the economy, as they have promised to their citizens, but ignorance of the current administration of Nigeria regarding the need for citizens has led the country to an increase in militancy. As the example we can take the Niger Delta Militancy, a branch of which is called the Movement for the Liberation of the Niger Delta (MEND). In fact, it will be bad and inhuman to call this MEND a terrorist group or a militant, because they are fighting for their right. A study that I conducted in this region showed the absence of a Nigerian government in this region. This region, mainly located in the South-South region of Nigeria and considered to be the engine of Nigeria’s resources, and it’s hard to see that the region that provides the Nigerian government with wealth does not have good water, school and other amenities. Another concern is that Nigeria has still not resolved the cause of the civil war in Nigeria between the government of Nigeria and the people of Biafra (southeastern and south-south regions of Nigeria). The government has failed to treat and solve the reason and cause of this Civil war. The people of Biafra have been left and ignored by the Nigerian government and had to suffer and die in the hands of security agencies of the Nigeria government that are meant to fight and protect Nigeria citizens. In 2017, the government and military of Nigeria noted that a group from the Biafra region, known as the Biafra Indigenous Peoples (IPOB), was called a terrorist group, which the international community kicked and talked about because these people never carried weapons, never killed anyone and tried in a peaceful way to tell the world the truth about the injustice towards them from the side of the government of Nigeria.

Based on the above issues, the present government of President Muhammadu Buhari has not done enough to solve the problem of Nigerians. An evidence of this can be seen in security challenges, economic challenges of the country of Nigeria currently facing and illustrated by the articles of the United Nations and WHO (World Health Organisation). Although during the inaugural address of President Muhammad Bukhari in 2015, when he

took office, he promised to raise the level of citizens of Nigeria, preserving the national interests that would determine his foreign policy in the West African sub-region, Nigerian foreign policy is undergoing a period of transformation without any specific agenda, with the exception of the old afrocentric slogan, which has dominated its foreign policy language since the moment of its independence. Nigerian foreign policy has passed through various phases since its independence in 1960. Nigerian foreign policy from the very beginning was formulated to serve the interest of the West African region and the African continent [15]. Statistically, Nigeria's poverty rate has grown drastically in this early stage of the present Nigeria administration more than it was in the past 4 years with the same president, that can be verified from the united nation statistics. Elaborating on this, the cost of living in Nigeria is now too high while the source of income has dropped as low as 80 % where civil servants are owed monthly salary for more than 12 months and pensioners more than 20 months.

Conclusion

From the analysis, the following listed conclusions are drawn

1. Notwithstanding, the setback in Nigerian political development and subsequent internal challenges that is following did not discourage Nigeria from extending its assistance and contributions to ECOWAS.

2. Nigerian foreign policy towards ECOWAS regional initiatives has directly or indirectly contributed to the growth of the organization and the development of the region especially in spheres of the economic scheme, security formation, and promotion of political stability through democracy and good governance but more is needed in the internal aspect of Nigeria.

Nigeria engagements in ECOWAS activities are carried out through bilateral and multilateral diplomacy to meet the expectations of the international community as a regional leader and it is expected to bring help into the Nigeria internal problems to solve and do the needful for a better Nigeria by allowing member nations to sign bilateral agreements that will benefit all and bring unity.

References

1. *Nigerian population*. Available at: <http://worldpopulationreview.com/countries/nigeria-population/> (accessed 11.04.2019).

2. Green R.A., Krishna K.G.V. *Economic Cooperation in Africa: Retrospect and Prospects*. London: Oxford University Press, 1967.

3. Owunwa S.C. *Nigeria's National Interest and the Survival of ECOWAS*. AICE, Owerri: Mimeograph, 1992.

4. Nkrumah K. *Africa Must Unite*. London: Mercury Books, 1965, pp. 150-172.

5. Olatunde J.B.O. *Nigeria's Foreign Policy, 1960-66: Politics, Economics and the Struggle for African Leadership*.

6. *Committee report* (2005), ECOWAS profile. Available at: www.isscozal/af/regory/unit (accessed 14.02.2015).

7. Nuamah R. *Nigeria's Foreign Policy after the Cold War. Domestic, Regional and External Influences*. 2003.

8. *Library of Congress*. Cameroon, Nigeria: Bakassi Peninsula Transition Completed, Aug. 13, 2013.

9. Adeleke A. *Liberia civil war: Nigeria, ECOMOG and regional security*. Lynne Rienner / International Peace Academy, 2002, pp. 64-65.

10. Wippman D. *Enforcing Peace: ECOWAS and the Liberian Civil War. Enforcing Restraint, Collective Interventions in Internal Conflicts*. L. Fisler Damosch (ed). New York: Council on Foreign Relations, 1993, pp.157-203.

11. Omo-Ogbebor D.O. Nigerian foreign policy approach towards ECOWAS. *Journal of Human Sciences*, 2017, vol. 14 (4).

12. *Foreign Policy*. Business Dictionary, 2017.

13. Available at: <http://www.thenationonline.net/2011/index.php/news/21270-boko-haram-is-battle-for-2015-says-chukwumerije.html> (accessed 20.12.2015).

14. All Africa.com: Nigeria: We Are Responsible for Borno Killings, Says Boko Haram.

15. Ajaebili C.N. The Option of Economic Diplomacy in Nigeria's Foreign Policy. *International Journal of Humanities and Social Science*, 2011, vol. 1 (17), pp. 277-280.

Литература

1. Nigerian population. Available at: <http://worldpopulationreview.com/countries/nigeria-population/> (дата обращения: 11.04.2019).

2. Green R.A., Krishna K.G.V. *Economic Cooperation in Africa: Retrospect and Prospects*. London: Oxford University Press, 1967.

3. Owunwa S.C. *Nigeria's National Interest and the Survival of ECOWAS*. AICE, Owerri: Mimeograph, 1992.

4. *Nkrumah K.* Africa Must Unite. London: Mercury Books, 1965. P. 150–172.
5. *Olatunde J.B.O.* Nigeria's Foreign Policy, 1960-66: Politics, Economics and the Struggle for African Leadership.
6. Committee report (2005), ECOWAS profile. Available at: www.isscozal/af/regory/unit (дата обращения: 14.02.2015).
7. *Nuamah R.* Nigeria's Foreign Policy after the Cold War. Domestic, Regional and External Influences. 2003.
8. Library of Congress. Cameroon, Nigeria: Bakassi Peninsula Transition Completed, Aug. 13, 2013.
9. *Adeleke A.* Liberia civil war: Nigeria, ECOMOG and regional security. Lynne Rienner / International Peace Academy, 2002. P. 64–65.
10. *Wipptan D.* Enforcing Peace: ECOWAS and the Liberian Civil War // Enforcing Restraint, Collective Interventions in Internal Conflicts. L. Fislser Damrosch (ed). New York: Council on Foreign Relations, 1993. P. 157–203.
11. *Omo-Ogbebor D.O.* Nigerian foreign policy approach towards ECOWAS // Journal of Human Sciences, 2017. Vol. 14 (4).
12. Foreign Policy. Business Dictionary, 2017.
13. Available at: <http://www.thenationonline.net/2011/index.php/news/21270-boko-haram-is-battle-for-2015-says-chukwumerije.html> (дата обращения: 20.12.2015).
14. All Africa.com: Nigeria: We Are Responsible for Borno Killings, Says Boko Haram.
15. *Ajaebili C.N.* The Option of Economic Diplomacy in Nigeria's Foreign Policy // International Journal of Humanities and Social Science. 2011. Vol. 1 (17). P. 277–280.

Поступила в редакцию / Received

21 мая 2019 г. / May 21, 2019

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ ECONOMIC SCIENCE

УДК 339.562 : 339.(166.82+378)

DOI 10.23683/0321-3056-2019-4-104-110

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ РОССИЙСКИХ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ РЕТЕЙЛЕРОВ: ОПЫТ КОРПОРАТИВНОГО ПРОИЗВОДСТВА ТОРГОВОЙ СЕТИ «МАГНИТ»

© 2019 г. Н.Н. Евченко^а, Р.М. Насыров^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

IMPORT SUBSTITUTION OF RUSSIAN FOOD RETAILERS: EXPERIENCE OF CORPORATE PRODUCTION OF TRADE NETWORK “MAGNET”

N.N. Yevchenko^а, R.M. Nasyrov^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Евченко Наталья Николаевна –
доктор экономических наук, профессор,
кафедра мировой экономики
и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Горького, 88, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия.
E-mail: nnyevchenko@sfedu.ru

Natalia N. Yevchenko -
Doctor of Economics, Professor,
Department of World Economy
and International Relations,
Southern Federal University,
Gorkogo St., 88, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: nnyevchenko@sfedu.ru

Насыров Рустам Махсудович –
аспирант,
кафедра мировой экономики
и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Горького, 88, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия.
E-mail: nasyrov_92@mail.ru

Rustam M. Nasyrov -
Postgraduate,
Department of World Economy
and International Relations,
Southern Federal University,
Gorkogo St., 88, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: nasyrov_92@mail.ru

Санкционные ограничения и валютные скачки курса рубля 2014–2015 гг. оказали существенное влияние на объем и структуру импорта товаров в Россию. Рассматриваются проблемы импортозамещения крупных субъектов сектора оптово-розничной торговли России, анализируется процесс реализации стратегии импортозамещения одного из крупнейших российских ретейлеров, основанной на производстве импортозамещаемой продукции под собственным брендом. Сделаны выводы о существенном снижении объема поставок импортной продукции в сеть, наличии программы производства товаров под собственными торговыми марками и потенциале для экспорта корпоративной продукции, подлежащем реализации.

Ключевые слова: импортозамещение, продовольственные товары, ретейлеры, субъекты внешней торговли, собственная торговая марка, экспорт, импорт, санкции.

Sanctions restrictions and currency surges of the ruble in 2014-2015 had a significant impact on the volume and structure of goods imported to Russia. The article considers the problems of import substitution of large wholesale and retail trade sectors of Russia and analyzes the process of implementation of the import substitution strategy of one of the largest Russian retailers, based on the production of import-substituted products under its own brand. It has been concluded that there are: a significant decrease in imported product volume, supplied to the network; the availability of a good production program under their own trademarks and export potential for corporate products which are planned to be sold in future.

Keywords: *import substitution, food products, retailers, foreign trade entities, own trademark, exports, imports, sanctions.*

Крупные геополитические и внешнеэкономические события оказывают существенное, порой достаточно пролонгированное воздействие на субъекты бизнеса национальных рынков вовлеченных государств, обуславливая смену их бизнес-стратегий.

Введение санкций зарубежными странами в отношении России и ответных мер Российской Федерацией (контрсанкций), затронувших в большей степени сельскохозяйственный сектор и вызвавших падение курса рубля по отношению к доллару США и евро, оказало радикальное влияние на стратегии многих крупных отечественных импортеров.

Экономические потери от санкций, связанные с запретами и/или ограничениями объемов внешнеторговых операций государств, достаточно полно представлены в экономической литературе. Значительное число исследований посвящено рассмотрению законодательного набора, а также предпринимательским и персональным уровням, особенностям применения внешнеторговых и финансово-экономических запретительных мер и санкций [1–4].

Существенное место в исследованиях занимают структурные последствия негативного влияния санкций и контрсанкций на экономику государства, расчет причиненного экономического ущерба [5–8].

Многие руководители российских министерств и ведомств, крупных бизнес-структур в работах и выступлениях оценивая санкции и их последствия [9–11], указывают во многом на положительные итоги изменения в объемах отечественного производства сельскохозяйственной продукции и пищевкусовых продуктов и товаров РФ [12–16].

Тем не менее при достаточно глубоком освещении новой экономической реальности на макро- и мезоуровнях управления РФ проблематика импортозамещения в стратегиях отечественных предприятий и организаций остается недостаточно исследованной.

Цель настоящей статьи – проанализировать стратегии импортозамещения крупной ретейлерской отечественной сети «Магнит» путем организации производства ранее импортировавшихся товаров под собственными торговыми марками (СТМ).

Многие отечественные ученые считают, что в текущих санкционных условиях предприятия-

ми используются стратегии на замену импортеров, а не на развитие отечественного производства. Например, А.Г. Папцов указывает: «В условиях эмбарго зачастую приходится говорить не об импортозамещении за счет развития отечественного производства, а о замене одних импортеров другими. Поэтому, если мы хотим использовать эмбарго как положительный фактор развития агропромышленного производства, необходимо, с одной стороны, обеспечить приток инвестиций прежде всего за счет длинных кредитов, с другой – способствовать росту потребительского спроса на продукты питания» [17, с. 14].

Анализ пятилетней стратегии субъектов ключевого санкционного и антисанкционного продовольственного сектора, который вел ранее активную внешнеэкономическую деятельность, показывает, что их руководство задумалось о смене стратегии развития. В частности, многие крупные продовольственные ретейлеры РФ приняли решение о замене импортируемой продукции на отечественные аналоги. При этом большинство крупных торговых сетей пошло по пути создания СТМ с целью замещения импортных товаров. Технология производства и реализации товаров под СТМ формируется как при организации собственного производства, так и за счет использования производственного аутсорсинга на мощностях других предприятиях. Однако важно, что обязательным элементом данной стратегии выступает наличие и продвижение СТМ.

Почему же СТМ столь важны при смене стратегии в процессе импортозамещения, в чем ее качественное отличие от других стратегий развития предприятия?

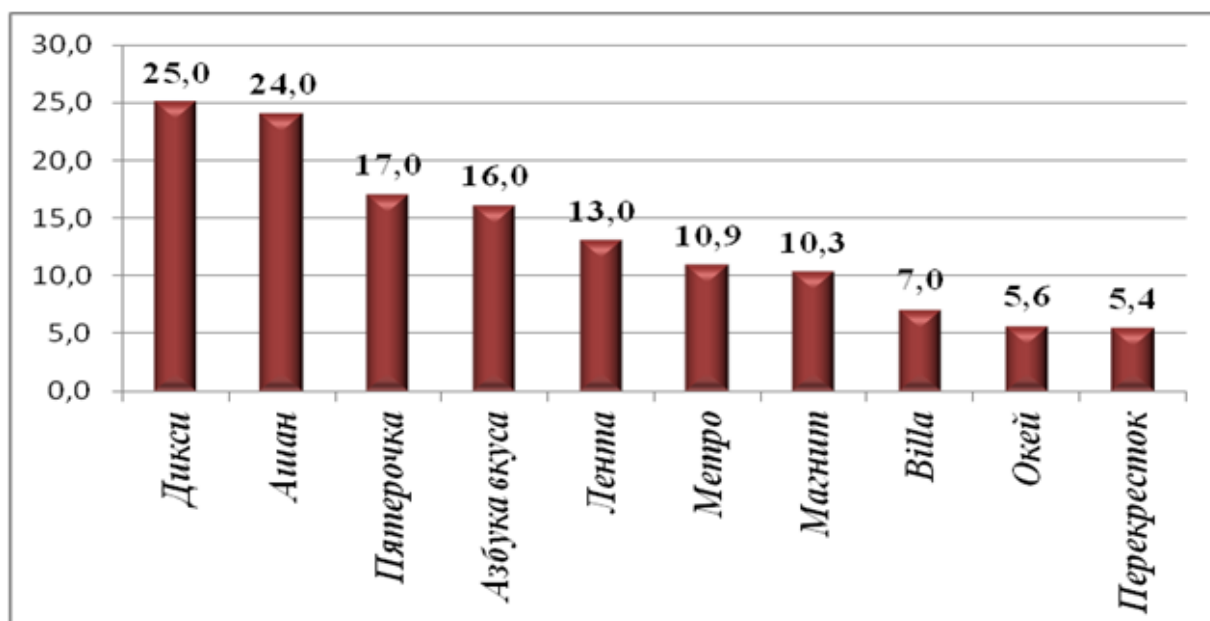
В.П. Чеглов полагает, что СТМ позволяет идентифицировать принадлежность товара данному продавцу – розничной торговой сети посредством маркировки его своими ярлыками. Розничная сеть является владельцем торговой марки, берет на себя обязанности по созданию упаковки, ценообразованию, контролю качества, маркетингу и непосредственно распространению товара [18]. М.С. Оборин, А.В. Плотникова понимают под СТМ «товар, принадлежащий реализатору – торговой сети, в то время как оригинальная марка принадлежит производителю» [19, с. 38].

Обзор современных подходов к проблематике СТМ, их особенностям, преимуществам и

недостаткам приведен С.В. Лобовой и К.К. Илюшниковым. Авторы ссылаются на определение СТМ А.А. Есютина и Е.В. Карповой, которые считают, что «СТМ дает возможность отличать товар от других торговых предприятий, и, таким образом, происходит отделение СТМ от марок товаров других розничных продавцов» [20, с. 100–101]. Важно также определить, что «СТМ ретейлера – это продукт: а) маркированный визуальной и вербальной символикой ретейлера; б) производимый преимущественно по контрактному производству по спецификации ретейлера; в) находящийся в

собственности (распоряжении, владении и использовании) ретейлера и контролируемый им; г) реализуемый непосредственно через магазины сети ретейлера; д) позволяющий идентифицировать и дифференцировать товарное предложение» [20, с. 100]. Таким образом, СТМ ретейлера имеет ряд особенностей использования.

Анализ показывает, что концепция СТМ активно развивается в отечественном ретейле, особенно в связи с текущей ситуацией на рынке импортных товаров. Крупные торговые сети в товарообороте имеют значительные объемы реализации товаров под СТМ (рисунок).

Доля ТОП 10 ретейлеров РФ по реализации СТМ по отношению к их общему товарообороту, 2018, % [21] / Share of top 10 retailers of the Russian Federation by STM sales in relation to their total turnover, 2018, % [21]

Как видим, продвижение СТМ наиболее представлено в ретейл-сетях «Дикси» и «Ашан». В «Ашане» каждый пятый проданный товар в России является СТМ. В «Пятерочке» и «Перекрестке» порядка тысячи позиций занимают товары собственного производства. В торговой сети «Лента» развиваются 13 собственных брендов. В «Магните» на 2018 г. насчитывалось порядка 600 позиций собственного производства [21].

Компания «Тандер», представляющая торговую сеть «Магнит», – одна из первых продовольственных компаний, начавшая процедуру импортозамещения. Так, в 2011 г. сеть «Магнит» запустила собственное производство овощей и зелени: в станице Пластуновской Красно-

дарского края начал работу один из самых больших в Восточной Европе тепличный комплекс «Зеленая линия». В общей сложности площадь теплиц составляет около 130 га, на которых выращиваются томаты, огурцы и зелень для магазинов торговой сети. В августе 2011 г. в теплице был собран первый урожай – 50 т овощей.

Для торговой сети 2014 г. ознаменовался значимыми событиями. Компания вошла в десятку крупнейших импортеров страны, по его объему сравнявшись с импортерами автомобилей и автозапчастей [22]. Другие продовольственные сети не показывали столь высокого результата. Однако последовавшие в 2014 г. события существенно повлияли на дальнейшую

стратегию компании. Введение зарубежных санкций, падения курса рубля к доллару США, а также ответные меры России по ограничению импорта продовольствия заставили крупнейшего продовольственного импортера страны задуматься о замене импортных товаров собственной продукцией.

В рамках социологического исследования стратегии компании «Магнит» по импортозамещению и организации производства товаров под СТМ авторы опросили 15 директоров магазинов торговой сети, которые работали в своей должности в 2014 г. и работают по настоящее время.

Все респонденты отметили, что события 2014 г. (санкции зарубежных государств, ответные санкции России, падение курса рубля по отношению к доллару США) существенно повлияли на использование компанией стратегии снижения объемов закупок импортных товаров. А 80 % респондентов считают, что в данном случае в большей степени повлияли санкции зарубежных стран, при этом в период с 2014 по 2019 г. ассортимент импортируемых товаров снизился более чем на 50 %. Тем самым подтверждается гипотеза о чрезмерном воздействии санкционной политики и валютного курса доллара США к рублю РФ на оптовые закупки импортируемой продукции. Вероятно, платежеспособный спрос населения также сыграл определенную роль в данном процессе.

По мнению опрошенных сотрудников торговой сети, до событий 2014 г. в компании не наблюдалась выраженная стратегия импортозамещения. Этот процесс активизировался именно после введения санкций. По информации от ретейлера, в 2015 г. было подписано соглашение между руководством компании и властями Краснодарского края о создании промышленного парка под Краснодаром. В 2017 г. был построен самый большой в России завод по выращиванию грибов. За год продажа грибов в сети выросла более чем на 60 %. В 2018 г. «Магнит» стал первой торговой сетью в стране, которая открыла собственный индустриальный парк. Первым его резидентом стало предприятие «Кубанский комбинат хлебопродуктов», где выпускается 70 тыс. т продукции в год для магазинов сети в 65 регионах страны – популярные у покупателей мучные кондитерские, бараночно-сухарные и макаронные изделия.

При оценке эффективности процесса импортозамещения мнения опрошенных раздели-

лись. Меньшая их часть считает, что стратегию компании по замещению импорта отечественной продукцией нельзя назвать полностью эффективной. Но большинство отмечает, что продукция отечественного производства вполне сравнима с аналогичными импортными товарами, а цена на нее ниже, чем на импортную. Почти все респонденты уверены, что выпускаемая собственная продукция компании может быть экспортирована в другие страны и торговая сеть «Магнит» имеет хороший экспортный потенциал, который важно реализовать в рамках национального проекта РФ «Международная кооперация и экспорт».

На уменьшение объемов продаж импортируемой продукции по товарным группам, по мнению респондентов, в наибольшей степени повлияло прекращение импортных поставок сыра и алкоголя. Однако большинство опрошиваемых при этом отметило, что импортные товары за пять лет все-таки в целом стали менее привлекательными по сравнению с отечественными продуктами, вероятно, при более высоких ценах на них.

Значительную скорость процесса замещения импорта отечественными товарами в компании отметило 80 % респондентов, что положительно характеризует процесс целеполагания и управления в компании. Однако о будущих проектах компании по собственному производству новых товаров, которые пока импортируются, не знает ни один из опрошиваемых сотрудников.

Тем не менее брендирование и внедрение СТМ «Магнитом» постоянно наращиваются: «В 2020 году в магазинах сети будет представлено 26 уникальных собственных брендов, включающих более 1000 товарных позиций. «Магнит» пересматривает портфель собственных торговых марок (СТМ) и создает принципиально новую семью брендов с учетом изменившихся предпочтений покупателей. На конец 2018 г. у «Магнита» было 69 собственных торговых марок. Новый портфель включает в себя 26 СТМ, в том числе кросскатегорийных – более 1 000 товарных позиций вместо 3 600 ранее. Компания сформирует предложение в трех ценовых сегментах: «эконом», «средний» и «премиум»» [22].

Отметим, что в данный момент в торговой сети «Магнит» под СТМ продаются крупы, чай, кофе, мука, молочная продукция, кондитерские изделия и прочие товары [22].

Тем самым в проведенном исследовании выявлена тенденция увеличения доли продаж про-

дукции, произведенной под СТМ в ретейлере «Магнит». Социологические опросы показывают, что 84 % потребителей регулярно покупают товары под СТМ. Следовательно, они не только выгодны ретейлерам, но и удобны покупателям.

Таким образом, крупные предприятия – субъекты российского рынка продовольственного ретейла – проводят импортозамещение и наращивают производство товаров под СТМ, реализуя их как важные элементы долгосрочной корпоративной стратегии в условиях санкций и антисанкций и скорректировав тем самым стратегию долгосрочного развития. Ее ключевым направлением выступает наращивание производства ранее импортировавшихся товаров. Это позволяет оценить стратегию импортозамещения субъектами рынка продовольственного ретейла РФ как вполне успешную. С другой стороны, в настоящее время в РФ отсутствует информация о наращивании экспорта товаров, производимых под СТМ при наличии значительного потенциала экспорта несырьевых товаров. Вероятно, необходимы дополнительные меры организационного и экономического характера по стимулированию экспорта продовольственных и иных товаров, производимых крупными отечественными и иностранными ретейлерами, которые функционируют на российском рынке.

Литература

1. Новоселова Л.Б. Китайский опыт преодоления международных санкций // Модернизация России: ключевые проблемы и решения: материалы XV Междунар. науч. конф. 18–19 декабря 2014 г. М., 2015. С. 381–385.
2. Кешнер М.В. Экономические санкции в современном международном праве. М.: Проспект, 2015. 179 с.
3. Дораев М.Г. Экономические санкции в праве США, Европейского Союза и России. М.: ИнфотропикМедиа, 2016. 216 с.
4. Заернюк В.М., Алавифар С. Оценка эффективности введения санкций: мировой опыт // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. Т. 8, № 42. С. 27–37.
5. Климова М., Сидорова Е. Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским союзом // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 67–79.
6. Логинова И.В., Титаренко Б.А., Саяпин С.Н. Экономические санкции против России // Актуальные вопросы экономических наук. 2015. № 47. С. 41–42.
7. Elliott K.A. Evidence on the Costs and Benefits of Economic Sanctions. Statement before the Subcommittee on Trade of the House Ways and Means Committee. October 23, 1997. URL: <http://www.iese.com/sanctns.htm> (дата обращения: 22.05.2018).
8. Garfield R., Devin J., Fausey J. The health impact of economic sanctions. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/10101382> (дата обращения: 13.11.2019).
9. «Вводим санкции, чтобы поговорить»: Лидеры ЕС о санкциях против РФ. URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/08/2017/59a562ce9a7947cd6acba73> (дата обращения: 11.11.2019).
10. Голодец: введенные санкции помогают России оживить экономику // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/economy/20150526/1066591720.html> (дата обращения: 04.11.2019).
11. Греф: Сбербанк в полной мере ощущает влияние санкций. URL: <http://vz.ru/news/2014/9/19/706448.html> (дата обращения: 30.10.2019).
12. Гусманов Р.У., Стывба Е.В., Низомов С.С. Обеспечение продовольственной безопасности региона в условиях импортозамещения // Теория и практика мировой науки. 2017. № 11. С. 17–23.
13. Кошелев В.М., Приёмко В.В. Санкции и контрсанкции: некоторые результаты для стран запада и России // Экономика сельского хозяйства России. 2015. № 12. С. 17–22.
14. Маханько Г.В., Волохатых А.С. Национальная продовольственная безопасность и продовольственная независимость России в условиях санкций // Политемат. сетевой электр. науч. журн. Кубанского государственного аграрного ун-та. 2016. № 116. С. 407–423.
15. Раджабов Р.Г., Иванова Н.В. Импортозамещение в аграрном секторе России // Вестн. Донского государственного аграрного ун-та. 2017. № 2-1 (24). С. 85–90.
16. Широкалова Г.С. Международные санкции как фактор развития АПК России // Вестн. Нижегородской правовой академии. 2014. № 2 (2). С. 34–38.
17. Панцов А.Г. Продовольственный рынок России в условиях антисанкций // Агропродовольственная политика России. 2015. № 8 (44). С. 12–15.
18. Чеглов В.П. Экономика и организация управления розничными торговыми сетями. М.: Инфра-М, 2012. 224 с.
19. Оборин М.С., Плотникова А.В. Ассортиментная политика розничных торговых сетей – создание собственных торговых марок // Вестн. Удмуртского ун-та. Серия 2: Экономика и право. 2013. Вып. 1. С. 38–42.
20. Лобова С.В., Илюшников К.К. Роль собственных торговых марок сетевых ретейлеров в развитии

территории // Вестн. Алтайской академии экономики и права. 2014. № 6. С. 99–103.

21. Сколько товаров собственной торговой марки продают ретейлеры? URL: <https://www.cfo-russia.ru/issledovaniya/index.php?article=39486> (дата обращения: 19.10.2019).

22. «Магнит» будет развивать собственные торговые марки как бренды. URL: https://magnit-info.ru/press/news/detail.php?ID=28611378&sphrase_id=12799200 (дата обращения: 02.11.2019).

References

1. Novoselova L.B. [The Chinese Experience of Overcoming International Sanctions]. *Modernizatsiya Rossii: klyuchevye problemy i resheniya* [Modernization of Russia: Key Problems and Solutions]. Proceedings of the XV Intern. Scientific Conf. December 18-19, 2014. Moscow, 2015, pp. 381-385.

2. Keshner M.V. *Ekonomicheskie sanktsii v sovremenom mezhdunarodnom prave* [Economic Sanctions in Modern International Law]. Moscow: Prospekt, 2015, 179 p.

3. Doraev M.G. *Ekonomicheskie sanktsii v prave SShA, Evropeiskogo Soyuzha i Rossii* [Economic Sanctions in the Law of the United States, the European Union and Russia]. Moscow: InfotropikMedia, 2016, 216 p.

4. Zaernyuk V.M., Alavifar S. Otsenka effektivnosti vvedeniya sanktsii: mirovoi opyt [Assessment of the Effectiveness of Sanctions: Global Experience]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya*. 2015, vol. 8, No. 42, pp. 27-37.

5. Klimova M., Sidorova E. Ekonomicheskie sanktsii i ikh vliyanie na khozyaistvennye svyazi Rossii s Evropeiskim soyuzom [Economic Sanctions and their Impact on Economic Relations between Russia and the European Union]. *Voprosy ekonomiki*. 2014, No. 12, pp. 67-79.

6. Loginova I.V., Titarenko B.A., Sayapin S.N. Ekonomicheskie sanktsii protiv Rossii [Economic Sanctions Against Russia]. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk*. 2015, No. 47, pp. 41-42.

7. Elliott K.A. *Evidence on the Costs and Benefits of Economic Sanctions. Statement before the Subcommittee on Trade of the House Ways and Means Committee. October 23, 1997*. Available at: <http://www.iie.com/sanctns.htm> (accessed 22.05.2018).

8. Garfield R., Devin J., Fausey J. *The health impact of economic sanctions*. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/10101382> (accessed 13.11.2019).

9. «Vvodim sanktsii, chtoby pogovorit'»: Lidery ES o sanktsiyakh protiv RF [“We introduce sanctions to

talk”: EU leaders on sanctions against the Russian Federation]. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/29/08/2017/59a562ce9a7947cd6acba73> (accessed 11.11.2019).

10. Golodets: vvedennye sanktsii pomogayut Rossii ozhivit' ekonomiku [Introduced sanctions help Russia revive the economy]. RIA “Novosti”. Available at: <https://ria.ru/economy/20150526/1066591720.html> (accessed 04.11.2019).

11. Gref: Sberbank v polnoi mere oshchushchaet vliyanie sanktsii [Sberbank Fully Feels the Influence of Sanctions]. Available at: <http://vz.ru/news/2014/9/19/706448.html> (accessed 30.10.2019).

12. Gusmanov R.U., Stovba E.V., Nizomov S.S. Obespechenie prodovol'stvennoi bezopasnosti regiona v usloviyakh importozameshcheniya [Ensuring Food Security in the Region in the Context of Import Substitution]. *Teoriya i praktika mirovoi nauki*. 2017, No. 11, pp. 17-23.

13. Koshelev V.M., Priemko V.V. Sanktsii i kontrsanktsii: nekotorye rezul'taty dlya stran zapada i Rossii [Sanctions and Counter-sanctions: Some Results for Western Countries and Russia]. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii*. 2015, No. 12, pp. 17-22.

14. Makhan'ko G.V., Volokhatykh A.S. Natsional'naya prodovol'stvennaya bezopasnost' i prodovol'stvennaya nezavisimost' Rossii v usloviyakh sanktsii [National Food Security and Food Independence of Russia Under Sanctions]. *Politemat. setevoi elektr. nauch. zhurn. Kubanskogo gos. agrarnogo un-ta*. 2016, No. 116, pp. 407-423.

15. Radzhabov R.G., Ivanova N.V. Importozameshchenie v agrarnom sektore Rossii [Import Substitution in the Agricultural Sector of Russia]. *Vestn. Donskogo gos. agrarnogo un-ta*. 2017, No. 2-1 (24), pp. 85-90.

16. Shirokalova G.S. Mezhdunarodnye sanktsii kak faktor razvitiya APK Rossii [International Sanctions as a Factor in the Development of Agribusiness in Russia]. *Vestn. Nizhegorodskoi pravovoi akademii*. 2014, No. 2 (2), pp. 34-38.

17. Paptsov A.G. Prodovol'stvennyi rynek Rossii v usloviyakh antisanktsii [The Food Market of Russia in the Conditions of Anti-sanction]. *Agroprodovol'stvennaya politika Rossii*. 2015, No. 8 (44), pp. 12-15.

18. Cheglov V.P. *Ekonomika i organizatsiya upravleniya roznichnymi trgovymi setyami* [Economics and Organization of Retail Chain Management]. Moscow: Infra-M, 2012, 224 p.

19. Oborin M.S., Plotnikova A.V. Assortimentnaya politika roznichnykh trgovykh setei – sozдание sobstvennykh trgovykh marok [Assortment Policy of Retail Chains - Creating their Own Brands]. *Vestn. Udmurtskogo un-ta. Seriya 2: Ekonomika i pravo*. 2013, iss. 1, pp. 38-42.

20. Lobova S.V., Pyushnikov K.K. Rol' sobstvennykh torgovykh marok setevykh reteilerov v razvitii territorii [The Role of Network Retailers' Own Brands in the Development of the Territory]. *Vestn. Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*. 2014, No. 6, pp. 99-103.

21. *Skol'ko tovarov sobstvennoi torговоi marki prodayut reteilery?* [How Many Branded Products do Retailers

Sell?]. Available at: <https://www.cfo-russia.ru/issledovaniya/index.php?article=39486> (accessed 19.10.2019).

22. «Magnit» budet razvivat' sobstvennye torgovye marki kak brendy [“Magnet” will Develop its Own Trade Labels as Brands]. Available at: https://magnit-info.ru/press/news/detail.php?ID=28611378&phrase_id=12799200 (accessed 02.11.2019).

Поступила в редакцию / Received

25 ноября 2019 г. / November 25, 2019

ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ НА ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: АНАЛИЗ ЭКСПЕРТНЫХ ИНТЕРВЬЮ

© 2019 г. Р.Р. Хасанова^а, Е.А. Середкина^а

^а Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия

FAMILY AS A FACTOR OF JUVENILE DELINQUENCY: ANALYSIS OF EXPERT INTERVIEWS

R.R. Khasanova^а, E.A. Seredkina^а

^а Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia

Хасанова Рамиля Рафаэлевна –
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник,
Институт социального анализа и прогнозирования,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Пречистенская наб., 11, г. Москва, 119034, Россия.
E-mail: khasanovarr@gmail.com

Ramilya R. Khasanova -
Candidate of Economics,
Senior Researcher,
Institute of Social Analysis and Prediction,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Prechistenskaya Emb., 11, Moscow, 119034, Russia.
E-mail: khasanovarr@gmail.com

Середкина Екатерина Андреевна –
младший научный сотрудник,
Институт социального анализа и прогнозирования,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Пречистенская наб., 11, г. Москва, 119034, Россия.
E-mail: seredkina_ekaterina@mail.ru

Ekaterina A. Seredkina -
Junior Researcher,
Institute of Social Analysis and Prediction,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Prechistenskaya Emb., 11, Moscow, 119034, Russia.
E-mail: seredkina_ekaterina@mail.ru

Обзор зарубежных и отечественных исследований демонстрирует, что в отличие от взрослой преступности факторы делинквентного поведения подростков имеют свою специфику, связанную с их возрастными, социальными и психологическими особенностями, которые отражаются в выборе преступного поведения в стрессовых и конфликтных ситуациях. Наиболее значимое влияние имеет семья и близкое окружение. Анализируются материалы исследования факторов, влияющих на преступность несовершеннолетних, проводившегося методом экспертного интервью. В качестве эмпирической базы исследования выступили специалисты, непосредственно работающие с подростками. Проведено 60 интервью в 10 регионах России.

Результаты свидетельствуют о важности роли родителей в становлении подростка. Выделяются следующие факторы риска, связанные с семьей ребенка: неполные семьи, асоциальный образ жизни родителей, семьи, находящиеся в трудном материальном положении, «эмоционально неблагополучные» семьи, нарушение контакта с родителями, насилие над детьми, родительская некомпетентность, недостаточное внимание и отсутствие контроля со стороны родителей.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, подростки, делинквентное поведение, семья, факторы преступности.

The review of foreign and domestic studies shows that unlike adult crime, the factors of adolescents' delinquent behavior have their own specifics associated with the age, social and psychological characteristics of teenage population. These specifics are reflected in the choice of criminal behavior in stressful and conflict situations. The most significant influence has a family and close environment. This article is based on the qualitative research materials of factors affecting juvenile delinquency. The study was conducted by an expert interview. The empirical base of the study was given by the specialists working directly with adolescents. In total, we conducted 60 interviews in 10 regions of Russia.

The results of qualitative research indicate the importance of the role of parents in the formation of a teenager. Based on the analysis of the literature and expert interviews, the following risk factors associated with the child's family can be

identified: single-parent families, antisocial lifestyle of parents, families in difficult financial situation, “emotionally dysfunctional” families, loss of contact with parents, child abuse, parental incompetence, insufficient attention and lack of parental control.

Keywords: *juvenile delinquency, adolescents, delinquent behavior, family, factors of crime.*

Уровень преступности несовершеннолетних отражает уровень развития и благосостояния общества. Сам феномен подростковой преступности обуславливается возрастными социальными и психологическими особенностями детей, которые проявляются в склонности к преступному поведению в стрессовых и конфликтных ситуациях. Несовершеннолетние преступники являются своего рода «резервом» рецидивной и взрослой преступности, именно поэтому данная тема напрямую связана с безопасностью будущего любой страны. Согласно официальной статистике, сегодня в России проживают 5,5 млн детей в возрасте 14–17 лет (2017 г.), зафиксировано 44 тыс. преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии (2018 г.) и выявлено 41 тыс. преступников в возрасте 14–17 лет (2018 г.). В то же время 507 тыс. чел. состоят на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, 314,6 тыс. доставлены в отделы внутренних дел за совершение правонарушений, 24 тыс. осуждены по приговорам судов, 1,4 тыс. осужденных отбывают наказание в воспитательных колониях, 1 тыс. – в СИЗО и тюрьмах, а также в помещениях, функционирующих в режиме СИЗО и тюрем. В нашей статье попытаемся на основе обзора литературы, анализа статистики и экспертных интервью проанализировать факторы риска преступности несовершеннолетних, связанные с их семейными особенностями.

О детской преступности и о факторах, влияющих на данный феномен в разное время, писали С. Simmons, М. Hoeve, L. White, J.G. Gilbreth, S. Demuth, S. L. Brown. Среди отечественных работ данной теме посвящены исследования Ю.М. Антоняна и М.В. Гончаровой, С.В. Корнаковой и С.А. Корягиной, В. А. Лелекова, Е.В. Кошелевой и др.

Значительная часть литературы, раскрывающей тему преступности детей, рассматривает ее с точки зрения семьи [1, 2]. Исследователи считают, что большая часть подростковой преступности появляется по причине снижения эффективности воздействия институтов социализации (семьи, школы, трудовых коллективов и т.д.) [3, 4]. Некоторые авторы отмечают, что большинство делинквентных подростков вырастают в непол-

ной семье [2, 4–6]. Среди зарубежных исследований нередко обращается внимание на наличие обоих родителей (наличие или отсутствие отца) [1, 5, 7, 8]. В работах, посвященных теме семейных разводов, утверждается, что отсутствие отца создает проблемы, которые не могут быть решены в полной мере за счет значительной связи с матерью [6, 7]. При прочих равных условиях два родителя лучше подготовлены для наблюдения, контроля и реагирования на поведение своих детей, чем одинокие родители. Частично из-за требований к работе у родителей-одиночек остается меньше времени для участия в позитивных действиях по воспитанию детей, таких как обеспечение привязанности и контроля, что может стать причиной делинквентного поведения подростка [9]. Учитывая, что дети имеют тенденцию отождествлять себя с родителями одного пола, связь между проблемным поведением подростков и качеством отношений с родителем такого же пола может быть наиболее сильной [10]. L. White и J. Gilbreth исследовали уровень отцовских контактов и сообщили, что хорошие отношения с отчимами положительно влияют на развитие детей по сравнению с детьми, проживающими в неполной семье [7]. При этом, если у ребенка складываются хорошие отношения как с родным отцом, так и с отчимом, это оказывает еще больший эффект и препятствует развитию проблем экстернализации, т. е. отклонения развития детей, включающие гиперактивность, нарушение внимания и др.

При этом существуют противоположные выводы. Некоторые исследователи утверждают, что подростки, проживающие с одним родителем, могут позитивно развиваться, так же как и подростки из полных семей [11, 12].

Глубинные интервью, проведенные в 2019 г. с экспертами, непосредственно работающими с несовершеннолетними, подтверждают выводы многих исследований. Размышляя о факторах, влияние которых может сказаться на поведении подростков, многие респонденты назвали семью в качестве основного предиктора подростковой преступности. *«В первую очередь, это, конечно же, семья, которая всегда является основным фактором развития личности с момента появления ребенка на свет»* – инспектор ОДН. Мно-

гими респондентами отмечается, что большая часть несовершеннолетних преступников воспитывается в неполных семьях, чаще всего только матерями. *«Это семьи неполные, где матери одни воспитывают детей, либо когда первый брак распался, ребенок от первого брака остается с матерью, мать вступает во второй брак, рождаются еще дети, и вот первый ребенок начинает у нас совершать либо самовольные уходы, либо преступления»* – начальник отдела организации деятельности КДН.

Респонденты указывают, что воспитание в неполной семье может иметь свои крайности. Так, например, в семьях с одинокими матерями воспитание более мягкое, кроме того, женщине приходится много работать, чтобы обеспечить себя и ребенка, что обуславливает недостаток контроля со стороны родителя, поэтому мальчики могут начать участвовать в преступной деятельности для того, чтобы доказать свою состоятельность и мужественность. *«Мама мягкотелая, она функции свои женские несет – родить детей, помогать всем этим детям. А вот стержня, который мог бы дать отец, этого она дать не может. И поэтому в таких семьях дети зачастую не слушают, не воспринимают свою мать. Идут туда, куда зовет улица, куда зовут друзья»* – инспектор отдела полиции. А в семьях с одинокими отцами воспитание часто бывает неоправданно суровым. Некоторые респонденты отмечали, что проблемы часто возникают в семьях с отчимами и мачехами, когда дети не принимают чужого для себя человека. *«Женщина, например, повторно вышла замуж, с отчимом жила. У девочек начинаются проблемы с отчимом. Таких очень много детей бывает. В основном такие семьи и семьи, где чужой человек либо мама либо папа, то есть мачеха либо отчим»* – педагог в социальной гостинице для несовершеннолетних. Кроме того, в случае развода родителей крайне важным является сохранение чувства доверия, любви и заботы между ребенком и каждым из родителей.

Большая часть несовершеннолетних преступников – это дети из полных, нередко благополучных семей. В связи с этим обстоятельством респонденты выделяют такой фактор, как нарушение у ребенка контакта с родителями. *«На мой взгляд, самое страшное то, что есть семьи внешне благополучные, где родители трудоустроены, работают, на хорошем счету на работе, но нет взаимопонимания с ребенком,*

не интересуются жизнью ребенка. Чем занимается, никак не контролируют, никак не пытаются энергию направить, на мой взгляд, вот такие и семьи самые страшные, внешне благополучная семья, а ребенок один сам по себе и его проблемами никто не интересуются» – инспектор ГУ МВД.

Недостаток взаимопонимания и определенного контроля и заинтересованности в жизни ребенка (круг общения, занятия, его досуг и т.д.) со стороны родителей могут стать предикторами делинквентного поведения. *«Сейчас приходят внешне благополучные семьи, внешне. Но эти психологические проблемы, когда родители заняты выживанием, и времени на детей, даже не времени, сил на детей не остается»* – зам. начальника отдела обеспечения КДН. В благополучных семьях чаще всего ребенок начинает склоняться к противоправным действиям, рассматривая их как возможность обратить на себя внимание родителей. В последнее время довольно частым явлением стал самовольный уход детей из семей. *«И, естественно, родители, не интересующиеся жизнью своего ребенка, они, так или иначе, провоцируют, что ребенок уйдет из семьи. Будет искать для себя эмоционально значимую личность»*, – директор реабилитационного центра. Кроме того, некоторые респонденты отмечали, что преступность «молодеет» по причине того, что, когда родители сосредоточены в большей степени на работе, дети предоставлены сами себе, что приводит к их раннему взрослению. В ходе интервью не раз отмечалось, что за последнее время увеличилось число несовершеннолетних преступников из благополучных семей в экономическом плане, но такие семьи называли «эмоционально неблагополучными».

Для семей с двумя родителями характерно недостаточное или полное отсутствие участия отцов в воспитании детей. Учитывая тот факт, что большую долю подростков-преступников составляют мальчики, внимание отцов и их участие в формировании личности сына, его воспитании играет важную роль. *«Модель поведения у мальчика, она идет от кого? От папы. Безразличие папы, а возможно, что он ушел в эту игру, этот компьютер, и явилось причиной того безразличия со стороны отца. Понимаете? Я заболел, я начну болеть, чтобы привлечь внимание, чтобы папу как-то зацепить, чтобы папа как-то бы из оцепенения вышел и обратил на меня внимание. Вот такая может идти*

борьба. Ребёнок этого не осознает, он этого не понимает. Но для него это форма своего проявления, проявление себя. Это очень глубинные вещи, здесь можно говорить очень много» – специалист Центра психолого-педагогической помощи населению.

В целом же некомпетентность родителей является серьезной проблемой, оказывающей отрицательный эффект на ребенка. Многие родители не знают психологии ребенка, особенностей развития в младших и подростковых возрастах, соответственно они не могут подобрать правильную стратегию воспитания ребенка на той или иной стадии взросления. Также многими недооценивается важность общения со своими детьми, построения коммуникативных связей. Это зачастую приводит к «изоляции» ребенка, он чувствует, что его не понимают дома, поэтому вынужден искать себе новый круг общения, который не всегда может благоприятно на него повлиять. *«Родители в психологических вопросах очень неграмотны. Они иногда моделируют свое поведение, которое было в детстве, с ними тоже никто не работал, но там были другие условия, другая мораль, другая идеология»* – член КДН и ЗП. Говоря о родительской некомпетентности важно упомянуть о том, что многие родители не осознают, что у их ребенка есть проблемы, для решения которых необходима консультация и помощь профессионалов. Респонденты отмечают, что очень небольшая доля родителей обращается за помощью самостоятельно на ранних этапах, что по сути является основой в профилактической работе. Сильно осложняет проведение профилактической работы то, что многие семьи стали закрытыми, родители боятся выносить проблемы на обсуждение.

Респонденты выделяли проблемы с неблагополучными семьями, в которых родители ведут асоциальный образ жизни. *«Я бы сказала из числа совершающих преступления процентов 60–65 живут в неблагополучных семьях, где родители либо на учете состоят, сами совершали преступление, все-таки, когда подросток видит, копирует поведение родителей, гены тоже есть гены, наверно, вот так»*, – сотрудник ГУ МВД.

Один из важных факторов – насилие в семье как физическое, так и психологическое. Столкновение ребенка с насилием является крайне травмирующим опытом, накладывающим отпечаток на всю жизнь. Однако выявление и проти-

водействие таким ситуациям крайне затруднительно, поскольку информация о них тщательно скрывается.

Как отмечалось во многих отечественных и зарубежных исследованиях, семья играет ключевую роль в становлении личности ребенка и подростка, поэтому ее нередко называют одним из основных факторов, обуславливающих противоправное поведение несовершеннолетних. Это подтверждает анализ экспертного интервью. Имеющаяся официальная статистика демонстрирует незначительную дифференциацию показателей преступности несовершеннолетних в полных и неполных семьях. Можно сказать, что такой фактор, как состав семьи, уже неактуален, вероятность появления несовершеннолетнего правонарушителя в семье с одним родителем такая же, как и с двумя. Из этого следует, что помимо структуры семьи, на преступное поведение подростков влияют и другие факторы. Как утверждают эксперты, решающее значение для подростка имеет наличие/отсутствие доверительных отношений с родителями/родителем.

Литература

1. Hoeve M., Dubas J. S., Eichelsheim V. I., Van der Laan P. H., Smeenk W., Gerris J. R. The relationship between parenting and delinquency: A metaanalysis // Journal of Abnormal Child Psychology. 2009. Vol. 37, iss. 6. P. 749–775.
2. Лелеков В.А., Кошелева Е.В. Влияние семьи на преступность несовершеннолетних // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 103–113.
3. Gottfredson M. R., Hirschi T. A general theory of crime. Stanford: Stanford University Press, 1990. P. 316.
4. Бочкарева Е.В. Социально-экономические и воспитательные факторы как детерминанты преступности несовершеннолетних (на примере Челябинской области) // Вестн. ЮУрГУ. Право. 2017. Т. 17, № 4. С. 13–17.
5. Harper C.C., McLanahan S.S. Father absence and youth incarceration // Journal of Research on Adolescence. 2004. Vol. 14, iss. 3. P. 369–397.
6. Amato P.R. Family processes in one-parent, step-parent, and intact families: The child's point of view // Journal of Marriage and the Family. 1987. Vol. 49, № 2. P. 327–337.
7. White L., Gilbreth J.G. When children have two fathers: Effects of relationships with stepfathers and non-custodial fathers on adolescent outcomes // Journal of Marriage and Family. 2001. Vol. 63, № 1. P. 155–167.

8. Simmons C., Steinberg L., Frick P.J., Cauffman E. The differential influence of absent and harsh fathers on juvenile delinquency // *Journal of Adolescence*. 2018. Vol. 62. P. 9-17.

9. Rebellon C.J. Reconsidering the broken homes/delinquency relationship and exploring its mediating mechanism // *Criminology*. 2002. Vol. 40, iss. 1. P. 103-136.

10. Hirschi T. *Causes of Delinquency*. Berkeley: University of California Press, 1969. P. 309

11. Demuth S., Brown S. L. Family structure, family processes, and adolescent delinquency: The significance of parental absence versus parental gender // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 2004. Vol. 41, iss. 1. P. 58-81.

12. Mack K.Y., Leiber M.J., Featherstone R.A., Monserud M.A. Reassessing the family-delinquency association: Do family type, family processes, and economic factors make a difference? // *Journal of Criminal Justice*. 2007. Vol. 35, iss. 1. P. 51-67.

References

1. Hoeve M., Dubas J. S., Eichelsheim V. I., Van der Laan P. H., Smeenk W., Gerris J. R. The Relationship between Parenting and Delinquency: A Metaanalysis. *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2009, vol. 37, iss. 6, pp. 749-775.

2. Lelekov V.A., Kosheleva E.V. Vliyanie sem'i na prestupnost' nesovershennoletnikh [The Influence of the Family on Juvenile Delinquency]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2006, No. 1, pp. 103-113.

3. Gottfredson M. R., Hirschi T. *A General Theory of Crime*. Stanford: Stanford University Press, 1990, 316 p.

4. Bochkareva E.V. Sotsial'no-ekonomicheskie i vospitatel'nye faktory kak determinanty prestupnosti

nesovershennoletnikh (na primere Chelyabinskoi oblasti) [Socio-economic and Educational Factors as Determinants of Juvenile Delinquency (on the example of Chelyabinsk region)]. *Vestn. YuUrGU. Pravo*. 2017, vol. 17, No. 4, pp. 13-17.

5. Harper C. C., McLanahan S. S. Father Absence and Youth Incarceration. *Journal of Research on Adolescence*. 2004, vol. 14, iss. 3, pp. 369-397.

6. Amato P. R. Family Processes in One-parent, Stepparent, and Intact Families: The Child's Point of View. *Journal of Marriage and the Family*. 1987, vol. 49, No. 2, pp. 327-337.

7. White L., Gilbreth J. G. When Children Have Two Fathers: Effects of Relationships with Stepfathers and Noncustodial Fathers on Adolescent Outcomes. *Journal of Marriage and Family*. 2001, vol. 63, No. 1, pp. 155-167.

8. Simmons C., Steinberg L., Frick P.J., Cauffman E. The Differential Influence of Absent and Harsh Fathers on Juvenile Delinquency. *Journal of Adolescence*. 2018, vol. 62, pp. 9-17.

9. Rebellon C.J. Reconsidering the Broken Homes/Delinquency Relationship and Exploring its Mediating Mechanism. *Criminology*. 2002, vol. 40, iss. 1, pp. 103-136.

10. Hirschi T. *Causes of Delinquency*. Berkeley: University of California Press, 1969, 309 p.

11. Demuth S., Brown S. L. Family Structure, Family Processes, and Adolescent Delinquency: The Significance of Parental Absence Versus Parental Gender. *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 2004, vol. 41, iss. 1, pp. 58-81.

12. Mack K.Y., Leiber M.J., Featherstone R.A., Monserud M.A. Reassessing the Family-delinquency Association: Do Family Type, Family Processes, and Economic Factors Make a Difference? *Journal of Criminal Justice*. 2007, vol. 35, iss. 1, pp. 51-67.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ OUR PERSONS

DOI 10.23683/0321-3056-2019-4-116-117

Наталья Григорьевна Шатравкина

Наталья Григорьевна Шатравкина 31 августа 2019 г. отметила свое 65-летие. Наталья Григорьевна, программист I категории, работает в редакции нашего журнала более 20 лет (с 1996 г.). Она настоящий профессионал, преданный и любящий свое дело. Стояла у истоков модернизации издательской деятельности при переходе на IT-технологии. Успешно разрабатывала систему текстовых материалов САПР (система автоматизации проектных работ). Прекрасно справлялась со своими должностными обязанностями, создавая оригинал-макеты повышенной сложности, а также осуществляя оцифровку архива

серии «Естественные науки».

За свои заслуги Наталья Григорьевна награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки (2015), имеет звание ветерана труда (2015). В коллективе Наталья Григорьевна пользуется уважением коллег и авторов журнала, она доброжелательна, дружелюбна, всегда готова прийти на помощь.

От всей души поздравляем Наталью Григорьевну с 65-летием и желаем ей крепкого здоровья на долгие годы, удачи во всех начинаниях и благополучия!

Вера Васильевна Дашевская

23 октября 2019 г. исполнилось 65 лет редактору и корректору нашего журнала Вере Васильевне Дашевской. Окончив филологический факультет Ростовского государственного университета, Вера Васильевна свой трудовой путь начала в Северо-Кавказском научном центре высшей школы, в редакции журнала «Известия СКНЦ ВШ» (главный редактор Ю.А. Жданов) в качестве помощника ответственного секретаря, причем двух серий журнала – «Общественные науки» и «Естественные науки».

Приобретая опыт и новые знания, Вера Васильевна работала корректором, редактором научных журналов «Известия СКНЦ ВШ», «Научная мысль Кавказа», «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки». С 2000 по 2006 г. была главным редактором издательства и типографии «Терра».

Кроме того, В.В. Дашевская сотрудничала и с другими изданиями – историко-краеведческим альманахом «Донской временник» (с 2000 по 2005 г.) – как редактор и корректор, здесь же выступила в качестве рецензента (к примеру, опубликованы рецензии на книги «Вехи Таганрога : историко-литературный альманах», гл. ред. А.И. Николаенко. Таганрог, 1999–2002; Волошинова Л.Ф. «Творения московских и петербургских

зодчих в Ростове-на-Дону (вторая половина XIX – начало XX века)». Ростов н/Д. : Новая книга, 2003. 80 с.). Работала также в изданиях «Новая городская газета», «Ковчег Кавказа», «Москвичка» (всероссийский еженедельник), в нем В.В. Дашевская была специальным корреспондентом (имеется памятный знак от Московской городской думы и почетная грамота от издания).

Вера Васильевна награждена Почетной грамотой Министерства высшего и среднего специального образования РФ (1999), Почетной грамотой СКНЦ ВШ (2000), имеет звание ветерана труда (2000).

С первых лет работы в Северо-Кавказском научном центре высшей школы В.В. Дашевская занималась общественной работой – член профбюро СКНЦ ВШ, а в настоящее время – заместитель профсоюзного руководителя подразделения ЮФУ – КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА.

Коллектив редакции и редколлегии нашего журнала поздравляют Веру Васильевну с юбилеем и желают долгих творческих лет жизни, успехов в труде и личного счастья!

Инна Александровна Пехтерева

27 декабря 2019 г. наша коллега из дружественного журнала «Научная мысль Кавказа» Инна Александровна Пехтерева отмечает свое 80-летие.

Профессиональную деятельность начала в далеком 1970 г. в Издательстве Ростовского университета (ныне Южный федеральный). Впоследствии работая редактором отдела, ответственным секретарем в журнале «Известия СКНЦ ВШ», а затем – «Научная мысль Кавказа», Инна Александровна проявила себя как специалист высокого уровня и принципиальный, порядочный человек. При ее участии молодые исследователи (в настоящее время многие из них защитили докторские и кандидатские диссертации) публиковали свои первые статьи. Став именитыми учеными, они благодарны ей за внимание и поддержку.

В течение многих лет возглавляла Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Долгие годы работая рядом с Ю.А. Ждановым, который фактически инициировал и создал научные журналы «Известия СКНЦ ВШ», «Научная мысль Кавказа», «Известия вузов. Северо-Кавказский регион», Инна Александровна стала его верным сподвижником, помощником и проводником идей. Коммуникабельность, широта знаний, доброта, умение в каждом авторе видеть личность снискали ей уважение и любовь окружающих.

Коллектив редакции нашего журнала искренне и от всей души поздравляет Инну Александровну с днем рождения и желает ей здоровья и активного долголетия!

**Указатель материалов, опубликованных в журнале
 «Известия высших учебных заведений.
 Северо-Кавказский регион. Общественные науки» в 2019 г.**

**Index of Materials, published in the Journal
 “Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Severo-Kavkazskii Region.
 Social Sciences” in 2019**

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Антипенко Л.Г. Нравственное измерение исторического времени в свете естественно-научного принципа Ле Шателье – Брауна	3
Бакулов В.Д., Силенко С.В. Основные теоретико-методологические уровни анализа проблемы демаркации науки и квазинауки	2
Евлоева Ф.Р. Негативные аспекты влияния на человека современных средств массовой информации	4
Кириллов А.А. Гермес, гнозис и техногнозис: ростовский апокриф генезиса философии и науки (небольшие наброски к обширному наследию)	2
Клименко Л.В., Посухова О.Ю., Будаев П.Е. Социетальное измерение правовой культуры жителей Юга России (по материалам эмпирических исследований)	3
Кузьменков В.А. Аномия и антинормы в науке: попытка определения	4
Кумпилов Т.М. Современные подходы к исследованию социальных медиа	3
Обухов А.А. Нейросетевой анализ и математическое моделирование социальных процессов	2
Парунова Ю.Д. Правовая аргументация: логико-лингвистический аспект	3
Печкуров И.В. Демонстративное потребительское поведение в современном российском обществе: социально-философский анализ	2
Подгорная М.Г. Методология исследования процесса смыслопорождения при работе с античным философским текстом	2
Рожковский В.Б., Кравцова А.М. Оценка философских идей Фридриха Ницше в русской мысли (Ф. Ницше и Н.Ф. Федоров)	4
Сарикек Г.Р. Общество комфорта: экзистенциальные аспекты	4
Сорокин Г.В., Украинцев Н.П. Новая научная революция и гуманитарное знание	1
Ходикова Н.А. Логика и критическое мышление: история и современность	3
Шишкин А.Е. Аннигиляция патриархата как механизм насаждения женской генерации	3

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Айдунова Т.Ю. Образ Петра I в консервативной публицистике	1
Айриян Р.С., Лепков А.В. Политика США в отношении курдских партий Ирака в конце XX – начале XXI века	1
Апрыщенко В.Ю., Булавинцев Н.В. Революция символов 1968 года: как ситуационизм изменил протестную культуру	2
Атапин Е.А. Факторы развития британского евроскептицизма во второй половине XX века	4
Барнаш А.В. В поисках исторического компромисса: некоторые особенности военно-народного управления на Северном Кавказе	2
Беличенко Н.В. Зерновой закон на Самосе: к вопросу о причине создания	1
Венков А.В. Попытки создания «южно-русской» власти в 1919 году	2
Вертикова А.А. Трансформация этнической идентичности в условиях северокавказского фронта (конец XVIII – середина XIX в.)	2
Волошин Д.А. Дореволюционная отечественная историография падения Римской империи в оценках В.Т. Сиротенко	2
Гросс А.А., Пономарева М.А. Кибернетика, теория демократии и неолиберальный дискурс в советском самиздате 1970-х годов	2
Гурова Е.А. Собственный Его Императорского Величества Конвой как способ сближения горцев Северного Кавказа с Россией	1
Гусейнов М.Ш., Идрисов М.М. Гигант северокавказской индустрии – завод «Двигательстрой» на Каспии (1932–1940 годы)	3
Егоров А.А. Жан-Рок Куанье и его время: Великая армия в зеркале воспоминаний наполеоновского солдата	1

Ибрагимов А.М. Хозяйственная деятельность жителей Дербентского владения в XV – XVII веках	3
Исаев Д.П. Семейственность/династийность и практики государственного управления в истории России	4
Карпов Г.А. Специфика африканской миграции в Великобританию колониальной эпохи (XVI – XIX вв.)	4
Козлов С.С. К вопросу о топонимии города Нахичевань-на-Дону	2
Кокорхоева Д.С. Военно-организационная деятельность Советского государства по созданию национальных формирований Красной Армии в автономиях Северного Кавказа как института этнополитики 1920-х годов	1
Колоколова Н.С. Император Коммод, падение Римской империи и массовая культура	1
Кольга Г.И. Формирование и развитие научной школы германистики в Северо-Кавказском федеральном университете	1
Кротов О.С. Донские епархиальные ведомости как источник по истории старообрядчества на Дону в XVIII веке	2
Курбанов А.Д., Каяев М.И. Административная должность даруга в Средневековом Дагестане	3
Лагошина Н.А. Ирландская колониальная торговля в XVIII веке	4
Лысиков А.А. «Он знал, что большевики злы на него...»: новые документы о судьбе православного духовенства Ростова-на-Дону в 1918 году	3
Макаренко М.Ю. Начало развития демографического перехода на Северном Кавказе	3
Мануковский Н.Г. Отношение шахтеров Дона к проблеме благоустройства своего жилища и рудничных поселков (вторая половина XIX века)	4
Мининкова Л.В. Теория вотчинного государства в научно-популярном истолковании	4
Мусаева С.М. Национальный вопрос в культурной политике России эпохи перестройки	4
Нарежный А.И. Н.И. Тургенев о польском вопросе	1
Паламарчук Е.А. Роль пропаганды в становлении и укреплении нацистского режима	3
Пономарева М.А. Пути и методы пропаганды в СССР в 1960-е годы (на примере Ростовской области и Краснодарского края)	4
Попенков О.Н. Борьба эмира ас-Сенуси за независимость Ливии и особенности государственного строительства в Королевстве Ливия (1951–1969 гг.)	1
Пуховская Н.Е. Эволюция франко-германских противоречий: от Вестфальского до Версальского мирного договора	4
Симонова И.Н. Радиовещание в Пензенской области (1920–1930-е гг.)	2
Узнародов Д.И. Социально-экономический фактор в контексте обеспечения этносоциальной стабильности Республики Крым	2
Фиофанова Я.В. Роль профсоюзных организаций в жизни Ростовской области в 1960–1970-е годы	4
Шадрина А.В. Локализация старообрядческого населения Земли донских казаков в 60-х годах XVIII века	3
Щербakov В.Ю. Христианско-социальный союз в XXI веке. Баварские консерваторы на пути к «народной» партии?	4
Эмирханов И.А. Трансформация социальной роли и социального статуса женщины во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (на материалах Дагестанской Автономной Республики)	3
Макраh Oyeinebiyeridei Joy. Nigeria’s Foreign Policy: Involvement in ECOWAS	4

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Евченко Н.Н., Насыров Р.М. Импортзамещение российских продовольственных ретейлеров: опыт корпоративного производства торговой сети «Магнит»	4
Кислая И.А. Моделирование учетно-управленческой системы для целей коммерческого менеджмента в кредитной деятельности	3
Койка К.А. Сущность, формы и виды консолидации банковского капитала в России	3
Ниворожкина Л.И., Полякова И.А., Макаренко Е.Н., Житников И.В. Демографическая и трудовая сферы современного крупного города: анализ состояния и направления развития	2
Никитин Д.А. Финансовое планирование на основе факторной модели анализа прибыли	1
Полякова И.А., Иващенко Ю.И., Толстик Н.В. Анализ и оценивание взаимосвязей в предпринимательской среде России	1
Хасанова Р.Р., Середкина Е.А. Влияние семьи на преступность несовершеннолетних: анализ экспертных интервью	4
Шейна Е.Г., Астанакулов О.Т. Совершенствование трансфертного ценообразования с целью минимизации налоговых и финансовых рисков предприятий	3

К 100-ЛЕТИЮ Ю.А. ЖДАНОВА

Кислицын С.А., Колесник Г.И. Ю.А. Жданов – элитарная личность всероссийского масштаба	2
--	---

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Вера Васильевна Дашевская	4
Инна Александровна Пехтерева	4
Наталья Григорьевна Шатравкина	4

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Агафонов А.И. Александр Павлович Пронштейн (1919–1998) (к 100-летию со дня рождения).....	1
Кислицын С.А. К.А. Хмелевский – историк и историограф революции и Гражданской войны на Дону	1

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Дзидзоев В.Д., Еремекбай Ж.А. Восстановление исторической и политической справедливости в отношении депортированных в 1944 г. народов Северного Кавказа (<i>Исакиева З.С.</i> Вклад чеченцев и ингушей в развитие горнодобывающей промышленности Казахстана 1944–1957 гг. Грозный, 2018. 204 с.)	1
Ищенко А.С. «Герой на все времена». Рецензия на книгу: Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А. Александр Невский. Исследования и исследователи. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 368 с.	3
Курбанов А.Д. Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству / К.Ф. Дзамихов, Е.Г. Муратова, А.Х. Боров, Н.В. Варивода, А.Х. Абазов, Д.Н. Прасолов. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 268 с.	2
Узнародов И.М. К истории европейской интеграции (<i>Пуховская Н.Е.</i> Основные этапы европейской интеграции : учебное пособие / под общ. ред. В.Ю. Апрыщенко. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2018. 252 с.).....	1

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бакулов В.Д., Иващук О.Ф., Силенко С.В., Кириллов А.А., Подгорная М.Г., Бабина Д.А. Обзор Всероссийской научно-практической конференции «Логика, методология, науковедение: интеллектуальные практики, стратегии и паттерны» (Ростов-на-Дону, 16–19 мая 2019 г.)	2
---	---

Научно-образовательный и прикладной журнал
**«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»**

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.	Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».
2. Исторические науки.	
3. Экономические науки.	

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется электронный вариант статьи. В начале статьи указать индекс УДК.
2. Текст должен быть набран в редакторе MicroSoft Office 98 Word 2000, 2003, 2007 через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы. Для записи формул применять только редактор формул Equation 3.0.
3. Сопроводительное или рекомендательное письмо, если статья представляется от организации.
4. Полное название организации и ее адрес **на русском и английском языках**.
5. Сведения об авторах с указанием адреса, по которому будет вестись переписка **на русском и английском языках**.
6. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках**.
7. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов; четко указать предмет, цели, задачи и выводы исследования).
8. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов)**.
9. Транслитерированный список литературы.

Журнал распространяется по подписке – через ОАО «Роспечать» в подписной период. Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; (863) 218-40-00 доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 0321-3056. DOI 10.23683/0321-3056-2019-4.

Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки.
2019. № 4